

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 27 октября 2023 г.

ВЫПУСК 16

Волгоград
ВА МВД России
2024

УДК 347(082)
ББК 67.404я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

А 43 Актуальные проблемы частного и публичного права : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 27 октября 2023 г. / редколлегия : Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, В. А. Садков. – Выпуск 16. – Электрон. дан. (1,3 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows XP SP3 до Windows 11 ; оперативная память не менее 2 Гб ; 1,3 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800x600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст электронный.

ISBN 978-5-7899-1510-3

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права» (октябрь 2023 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

**УДК 347(082)
ББК 67.404я43**

Редакционная коллегия: Н. В. Котельников (председатель), П. М. Филиппов (зам. председателя), Н. И. Батурина (отв. секретарь), В. А. Садков.

ISBN 978-5-7899-1510-3

© Волгоградская академия МВД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Батурина Н. И.

О некоторых проблемах правового регулирования
договора постоянной ренты 8

Белова А. В.

Право наемного работника на защиту чести и достоинства
в период трудовой деятельности как основной способ
противодействия моббингу в современной России 13

Белова О. А.

Самозащита как мера защиты прав граждан 18

Ветрова А. Р.

Возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями
государственных органов, органов местного самоуправления,
а также их должностными лицами 22

Дербишев Р. О.

Перспективы развития правового регулирования
института эмансипации несовершеннолетних 26

Дербишева О. А.

Теоретические и практические аспекты производства
по вновь открывшимся или новым обстоятельствам
судебных решений, вступивших в законную силу 30

Ермолаева М. И.

Проблемные аспекты гражданско-правового регулирования
брачного договора 34

Железняк В. С.

Направления государственной поддержки субъектов
предпринимательской деятельности в условиях санкций 38

Загуменный К. И., Загуменная А. И.

Интерес как гражданско-правовая категория 43

Иловайский И. Б., Шинкаренко А. А.

Международные автомобильные перевозки грузов
и совершенствование их правового регулирования 48

Кайль Я. Я.

Видеозапись как доказательство по гражданскому
и административному делу 52

Камышанский В. П.

Защита субъективных гражданских прав по иску прокурора
в интересах неопределенного круга лиц 58

Канцер Ю. А., Кураев Д. Д.

Особенности оспаривания некоторых сделок
в рамках процедуры несостоятельности (банкротства)..... 65

Канцер Ю. А., Туров Г. С.

Принцип состязательности в арбитражном процессе:
некоторые проблемные вопросы..... 70

Костюченко Н. И., Мелихов А. И.

Проблемы применения системы «Антиплагиат» к современным
научным исследованиям в области юриспруденции..... 75

Котельников Н. В.

Понятие преимущественного права
в гражданском законодательстве 80

Красильникова Т. К.

Правовая политика советского государства
в становлении и развитии корпоративных объединений
с участием иностранного капитала в 20-х гг. XX в. 84

Мелихов А. И., Працко Г. С., Андрющенко Т. И.

Понятия «безопасность» и «защищенность»
в современной теории национальной безопасности..... 88

Меркулова М. А.

Обстоятельства непреодолимой силы и смежные понятия:
схожесть и различия 94

Митьков Е. А.

Об основных направлениях совершенствования
процессуальной самостоятельности следователя..... 101

Митькова Ю. С.

О правообеспечительном механизме института частного обвинения
в уголовно-процессуальном законодательстве России
и Республики Беларусь 106

Михайлов М. Я.

Контекст уголовного правосудия 110

Мородумов Р. Н., Потемкин Я. А.

Роль следственного комитета в обеспечении
транспортной безопасности Российской Федерации 113

Москаленко Д. А.

К вопросу об условиях возмещения вреда,
причиненного преступлением 117

Мохов А. А.

О семейноцентричном законодательстве Российской Федерации ... 121

Мураев П. П., Мураева Н. А.

Актуальные проблемы частного и публичного права
в области медицинской деятельности 126

Новичихин П. Г.

Роль войск национальной гвардии
в обеспечении национальной безопасности России 130

Острякова Т. В.

Актуальные вопросы защиты прав субъектов
предпринимательской деятельности 134

Панчишкина М. П.

Судебная защита при включении информации
об участнике закупок в реестр недобросовестных поставщиков
(подрядчиков, исполнителей) в соответствии
с требованиями законодательства о контрактной системе 139

Пенез Р. В.

Проблемы становления региональной правовой системы
Донецкой Народной Республики
как субъекта Российской Федерации 145

Подъяпольская В. А.

Проблемы, возникающие при вынесении отказа
в предоставлении земельного участка, находящегося
в государственной или муниципальной собственности 149

Попов М. Ю.

О роли идеологии в создании и прекращении государства 153

Садков А. Н., Гончаров А. И.

Правовая природа правил обмена цифровых финансовых активов
и их место в обороте ЦФА 160

Садков В. А.

Банки как операторы обмена цифровых финансовых активов 165

Торяникова И. В.

О некоторых проблемах возмещения вреда
при хищении с банковского счета
или в отношении электронных денежных средств 171

Усанова В. А.

Судебный порядок возмещения убытков,
причиненных корпорации, по искам участников 176

Фазлиева Л. К.

Юридическая конструкция взаимоотношений
органов публичной власти на федеральных территориях 181

Федосеев П. С.

К вопросу о месте рентных договоров
в системе гражданско-правовых обязательств 184

Федосеев П. С., Пономарь В. А.

К вопросу о признаках договора ренты 189

Филиппов П. М., Коробов О. А.

Цель иска в гражданском процессе 194

Цветков С. Б.

Вопросы надлежащей защиты субъективных прав граждан
в связи с причинением вреда
ограниченно дееспособными лицами 201

Черемных В. Ю.

К проблеме совершенствования учета арендных операций..... 205

Шубенкова К. В., Игнатова К. Э., Кадимова Н. А.

Средства защиты прав человека:

проблема доступности и эффективности..... 210

Юдин И. Д., Гарцева Ю. Ю.

К вопросу об уплате земельного налога

при установлении сервитута 213

Юрина А. П.

Некоторые вопросы цифровой трансформации

российского правосудия 217

Яловенко Т. В.

История развития публичного и частного права в России..... 225

Сведения об авторах 228

О некоторых проблемах правового регулирования договора постоянной ренты

Постоянная рента является разновидностью рентных отношений, о чем свидетельствует положение п. 2 ст. 583 ГК РФ, но при этом гражданское законодательство не предусматривает определение договора постоянной ренты. Его определение может быть сформулировано с помощью имеющегося определения понятия договора ренты и характерных для рассматриваемого договора признаков, к которым относятся непрерывность отношений с непрекращающейся выплатой рентных платежей, а также его субъектный состав.

В качестве получателя постоянной ренты может выступать не только физическое лицо, при этом не имеют значения его возраст и объем трудоспособности, но и некоммерческое юридическое лицо, которое с помощью рентных платежей удовлетворяет свои потребности, определяемые законом, связанные с направлениями его деятельности. Несмотря на конкретизацию законодателем вида деятельности юридического лица, позволяющего организации быть получателем постоянной ренты, законодатель не определил его организационно-правовую форму, что повлекло за собой появление разнообразных дискуссий в научном мире по этому поводу. Одни цивилисты полагают, что «некоммерческие организации как учреждения, созданные и финансируемые собственником, не вправе быть получателями ренты. Это объясняется тем, что согласно ст. 298 ГК РФ учреждение не имеет вообще права отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом, которое приобретено за счет средств, выделенных ему по смете» [1]. Другие считают, что не все учреждения не могут быть получателями ренты, объясняя это тем, что если учреждение не осуществляет управленческой деятельности, то нет препятствий для того, чтобы стать получателем ренты [2]. Третьи придерживаются позиции, что не могут быть получателем постоянной ренты те некоммерческие организации, которые создаются на определенный срок или для достижения определенной цели [3].

Гражданское законодательство не содержит каких-либо специальных требований к кандидатуре плательщика ренты, позволяя сделать вывод, что им может быть как гражданин, так и юридическое лицо, но обладающее для этого необходимой степенью правосубъектности для заключения рассматриваемого договора. Так, если учредительные документы юридического лица запрещают заниматься деятельностью, связанной с получением имущества под выплату ренты, то, соответственно, такое лицо не может выступать в качестве плательщика ренты, как сторона в рассматриваемом договоре, или когда к наследственным отношениям применяются правила о выморочном имуществе (ст. 1151 ГК РФ), то представитель публично-правового образования не может выполнять функции плательщика ренты.

Продолжительность выплаты рентных платежей по договору постоянной ренты из самого его названия предусматривает бессрочный характер, не ограничивающийся жизненным циклом получателя ренты или его реорганизационными процедурами, если он выступает в качестве юридического лица. Вместе с тем срок действия договора постоянной ренты может быть прерван путем ее выкупа, предоставляя право на расторжение договора как по требованию плательщика ренты, так и по требованию получателя ренты. Следует отметить, что выкуп ренты ее плательщиком не обуславливается законодателем, соответственно, реализация данного права не может быть ограничена какими-либо условиями договора постоянной ренты ни при каких обстоятельствах. Положение п. 3 ст. 592 ГК РФ предусматривает признание ничтожности условий договора постоянной ренты, запрещающих плательщику ренты произвести ее выкуп. Что касается требования получателя ренты о ее выкупе, заявляемого к плательщику ренты, то оно может быть предъявлено по следующим основаниям: наступление обстоятельств, перечисленных в ст. 593 ГК РФ, при нарушении условий договора со стороны плательщика и при отсутствии таковых, но при их наступлении могут возникнуть препятствия, не позволяющие получателю ренты получить рентные платежи, а также наступление иных обстоятельств, перечень которых может быть предусмотрен в договоре по соглашению сторон.

Договор постоянной ренты считается заключенным с момента достижения соглашения по всем существенным условиям договора,

сопровождающегося передачей имущества от получателя ренты к плательщику рентных платежей, что позволяет говорить о реальности данного договора. К существенным условиям рассматриваемого договора относятся предмет договора и размер рентных платежей.

Имущество, которое передается от получателя ренты в собственность плательщика ренты, может быть как движимым, в том числе это и ценные бумаги, так и недвижимым. При этом оно не должно быть изъято из гражданского оборота, а плательщик ренты должен иметь достаточный объем правоспособности, позволяющей обладать таким имуществом. Плательщик ренты, становясь собственником рентного имущества, наделяется, как и иные собственники, обязанностью нести бремя его содержания, проявляющееся в поддержании его надлежащего состояния, уплате налогов и сборов, иных затратах и расходах, независимо от того, что за получателем ренты сохраняется право пользования таким имуществом.

Договор постоянной ренты, как и иные виды ренты, является возмездным договором, поэтому на плательщика ренты, получившего имущество от получателя ренты в собственность, независимо за плату или в дар, возлагается обязанность осуществлять периодические рентные платежи, размер которых устанавливается по соглашению сторон. Преимущественно они выражаются в деньгах, но вместе с тем гражданское законодательство предусматривает и иные формы рентных платежей (п. 1 ст. 590 ГК РФ), позволяя участникам таких правоотношений определять именно ту форму рентных платежей, которая наиболее для них необходима. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на диспозитивный характер положения п. 2 ст. 590 ГК РФ, размер рентных платежей, определяемый денежной суммой, не должен быть менее прожиточного минимума на душу населения, установленного на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, где заключается договор постоянной ренты из расчета на месяц. При отсутствии такого закона гражданское законодательство ориентирует участников рентных отношений обратиться к определенному на всей территории Российской Федерации размеру прожиточного минимума, устанавливаемого на душу населения. Если рентные платежи определены в вещах, работах или услугах, то стоимость таких вещей, работ или услуг также определяется через величину прожиточного минимума на душу населения

на территории субъекта Российской Федерации за один месяц, где находится такое имущество, выполняется работа или оказывается услуга.

Определение законодателем минимального размера рентных платежей из расчета прожиточного минимума на душу населения, думается, уместно лишь в отношении гражданина, являющегося получателем ренты, так как заложенная денежная сумма в указанную форму платежа позволяет удовлетворить его необходимые жизненные потребности. Однако применение прожиточного минимума на душу населения для определения размера рентных платежей, где получателем ренты выступает некоммерческая организация, необоснованно и неуместно, поскольку потребность в удовлетворении имущественных интересов с помощью договора постоянной ренты указанных получателей ренты неравнозначна. В связи с этим думается, что использование прожиточного минимума на душу населения для определения минимального размера рентных платежей в месяц должно применяться исключительно для получателя ренты в лице гражданина. В отношении юридического лица как получателя ренты это должна быть фиксированная в договоре денежная сумма, размер которой обуславливается имущественными интересами такого субъекта, без извлечения им какой-либо прибыли в результате заключения договора постоянной ренты.

Периодичность выплаты рентных платежей осуществляется плательщиком ренты в строго установленные сроки, определенные по соглашению сторон, а если таковые отсутствуют, то по правилам ст. 591 ГК РФ, предусматривающим выплату рентных платежей по окончании каждого календарного квартала.

Рассмотрев общие и характерные для договора постоянной ренты признаки, можно сформулировать его определение. Так, договором постоянной ренты признается соглашение, согласно которому одна сторона, именуемая получателем ренты, передает другой стороне, именуемой плательщиком ренты, имущество в собственность, последний же обязуется в обмен на полученное имущество выплачивать рентные платежи получателю ренты без установления временных рамок выплаты таких платежей.

Список библиографических ссылок

1. Цыбуленко З. Рента и пожизненное содержание с иждивением // Российская юстиция. 1997. № 6, 7. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества М.: Статут, 2002. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: постатейный комментарий: в 3 т. / Н. А. Баринов, К. П. Беляев, Е. В. Вавилин [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут: КонсультантПлюс надежная правовая поддержка, 2011. Т. 1. 533 с.

© Батурина Н. И., 2024

А. В. Белова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Научный руководитель:

О. А. Белова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

**Право наемного работника
на защиту чести и достоинства
в период трудовой деятельности
как основной способ противодействия
моббингу в современной России**

На сегодняшний день все большее распространение в трудовых коллективах российских организаций получает такое негативное явление, как моббинг. Одним из важнейших элементов современного бизнеса для его субъектов является благоприятная психологическая производственная среда, в которой не допускается и пресекается применение психологического или физического насилия со стороны руководителей и коллег и исключается возникновение стресса.

В нынешних реалиях наемные работники как одни из основных субъектов предпринимательской деятельности, наряду с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, все чаще сталкиваются с моббингом во время выполнения ими своих трудовых обязанностей.

Проблема поддержания здорового психологического климата приобретает все большую актуальность по нескольким причинам: в связи с увеличением количества возможных форм проявления психологического давления в трудовом коллективе; в связи с отсутствием закрепления понятия «моббинг» в законодательных актах Российской Федерации [1, с. 77].

Исходя из вышесказанного, целесообразно рассмотреть определения понятия «моббинг», данные исследователями-теоретиками в области организационного поведения.

Согласно исследованиям Ханца Леймана моббинг представляет собой «психологический террор», который включает «систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или

нескольких людей, направленное против другого человека, в основном одного» [2, с. 95].

Дэйвенпорт определяет моббинг как форму проявления эмоционального насилия, которое может выражаться в виде как индивидуального воздействия, так и группового. Российский исследователь В. П. Эфроимсон определял моббинг как неэтическую конкурентную борьбу, которая является причиной возникновения острых отношений в среде работников.

Таким образом, более полно моббинг можно определить как травлю члена коллектива или его части, одной из основных целей которой является желание моббера достичь ухода с рабочего места данного сотрудника.

Понятие «моббинг» охватывает широкий спектр негативного поведения на рабочем месте, включая словесные угрозы, насмешки, игнорирование, доносительство, преднамеренную изоляцию со стороны коллег и др. [1, с. 76].

В современной России существуют несколько правовых норм, направленных на защиту работников от моббинга и противодействие ему на рабочем месте. К указанным нормам относится ст. 2 ТК РФ, которая подчеркивает важность обеспечения прав работников на защиту собственного достоинства во время работы. Существуют также правовые положения, заложенные в ст. 2–4 ТК РФ [3], которые направлены на противодействие принудительному труду и дискриминации.

Здесь важно отметить, что современная судебная практика свидетельствует, что истцы и суды вынуждены обращаться к нормам о дискриминации в ситуациях, когда их применение некорректно. Это происходит ввиду отсутствия четких норм, запрещающих психологическое преследование, и отсутствия понятного механизма признания таких действий незаконными [4, с. 256].

Таким образом, право наемного работника на защиту чести и достоинства в период трудовой деятельности рассматривается в качестве основного субъективного гражданского права субъекта предпринимательства на защиту от моббинга [4, с. 258]. При этом «жертва» моббинга в качестве защиты от моббинга не может ссылаться на условия труда, приводящие к серьезным психологическим рискам, а также на непринятие работодателем мер по обеспечению защиты от психо-

логического насилия на рабочих местах ввиду отсутствия правовой возможности для совершения указанных действий.

Причиной этому служит то, что в российских правовых актах отсутствует должное внимание к психологическим рискам, которые возникают у работников на рабочих местах. Они также не признаются факторами, подлежащими специальной оценке условий труда. Так, Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» в качестве вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса упоминает только физические, химические и биологические факторы производственной среды, а также тяжесть и напряженность трудового процесса (ст. 13), которые требуют исследования и измерения при проведении специальной оценки условий труда [5]. Однако психологические риски, такие как стресс, недостаток мотивации или конфликты, не упоминаются в этом списке, что ограничивает полную оценку условий труда.

Помимо этого, ст. 210 ТК РФ не определяет в качестве направлений государственной политики в области охраны труда меры по обеспечению защиты от психологического насилия на рабочих местах. Данные меры также не представлены как обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий труда и не включены в систему гарантий прав работника на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда.

Согласно ст. 2 ТК РФ каждый работник имеет право на справедливые условия труда. Однако реализация данного права не предоставляет реальной возможности его применения для защиты работника от моббинга, поскольку предполагает правовые гарантии лишь в части обеспечения условий труда, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска.

Таким образом, закрепленный ст. 2 ТК РФ принцип обеспечения права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности не имеет реального механизма реализации. Указанной нормы закона недостаточно для защиты работников от проявлений моббинга на рабочих местах.

В условиях несовершенства российского законодательства в области защиты от моббинга работодатели применяют неюридические методы защиты, такие как управленческие технологии и процедуры применения. Однако, помимо коллег, мобберами могут быть также сами работодатели. В такой ситуации работодатель не проявляет интереса к принятию соответствующих мер. В данном случае единственными юридическими способами защиты «жертвы» моббинга остаются требование компенсации морального вреда и применение положений общеправового принципа запрета злоупотребления правом [4, с. 255]. Однако и в этом случае работник сталкивается с определенными трудностями.

Прежде всего, необходимо отметить, что возможность возмещения морального вреда регламентируется ст. 237 ТК РФ. Важно учитывать то, что моральный вред возмещается работнику только в случае, если он причинен неправомерными действиями или бездействием работодателя. При этом в настоящее время отсутствуют четкие критерии, по которым можно определить размеры компенсации морального вреда. Это ограничение препятствует использованию возможности компенсации морального вреда в качестве защиты от моббинга.

Кроме этого, работник, страдающий от моббинга, может обратиться к еще одному юридическому средству для защиты своих прав: злоупотребление правом со стороны работодателя. Эта правовая конструкция может использоваться как вместе с требованием компенсации морального вреда, когда действия работодателя, связанные с моббингом, были незаконными, так и самостоятельно, для защиты от моббинга, который формально может быть законным, но осуществляется с целью демонстрации власти или психологического давления.

Тем не менее следует отметить, что в трудовом праве отсутствует общепринятая модель запрета злоупотребления правом, а применение аналогии закона (ст. 10 ГК РФ) затруднено из-за специфики трудовых отношений, которые основаны на иерархической структуре власти и подчинении [6].

Таким образом, на сегодняшний день в качестве единственного защитного элемента для «жертвы» моббинга может выступать профсоюз, также возрастает роль кодексов корпоративной этики. Однако, к сожалению, в условиях отсутствия институциональной

системы защиты от моббинга в стране, где слабо развиты институты социального партнерства, недостаточно развита культура социального диалога, даже при наличии профсоюза в организации реальная защита работника от моббинга через социально-партнерские механизмы в полной мере остается маловероятной [1, с. 79].

Таким образом, на сегодняшний день право наемного работника на защиту чести и достоинства в период трудовой деятельности является основным субъективным гражданским правом субъекта предпринимательства на защиту от моббинга. Слабая правовая защищенность «жертвы» моббинга, отсутствие специальных норм для защиты от всевозможных проявлений психологического преследования свидетельствует о необходимости совершенствования российского законодательства.

Список библиографических ссылок

1. Крылов К. Д., Сошникова Т. А., Киселева Н. Н. Проблемы реализации права на защиту достоинства, предотвращения насилия и домогательства в сфере труда // Образование и право. 2020. № 5. С. 76–80.

2. Воронин А. Ю., Сересева О. В., Чурина Л. И. Основы менеджмента: учеб. пособие. Новосибирск: НГТУ, 2018. 119 с.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.23). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

4. Шекурова В. Н. Проблемы моббинга в трудовых отношениях: правовые пробелы российского трудового законодательства и зарубежный опыт борьбы с ними // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): сб. науч. ст. СПб., 2022. С. 254–258.

5. О специальной оценке условий труда: федер. закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.23). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

© Белова А. В., 2024

Самозащита как мера защиты прав граждан

Для наиболее эффективного и безопасного участия граждан в гражданских правоотношениях законодательством должен быть сформирован соответствующий механизм защиты гражданских субъективных прав.

По мнению В. В. Семенова, чем больше определенных прав имеет субъект гражданских правоотношений, тем больше вероятность их нарушения в дальнейшем. Однако действенные механизмы защиты гражданских прав не в силах предотвратить соответствующие нарушения.

Вместе с тем для каждого гражданина приоритетным является знание не только своих гражданских прав, но и существующих механизмов их защиты. Надлежащая реализация субъективного гражданского права обеспечивается возможностью осуществления его защиты. Субъективное гражданское право, не обеспеченное легальными средствами восстановительного характера, в случае нарушения превращается в декларацию, которая не имеет практического применения.

В первую очередь при нарушении субъективного гражданского права необходимо осуществить правильный выбор того или иного способа защиты. Благодаря этому обеспечивается полное восстановление нарушенных прав, а также стабильность гражданско-правовых отношений.

Определенной проблемой в изучении способов защиты гражданских прав, как правило, является отсутствие закрепленного определения данного понятия в действующем законодательстве. До сих пор обсуждение правовых проблем, связанных с применением тех или иных способов защиты, не прекращается, но нормы, регулирующие защиту гражданских прав, не претерпели особых изменений в период реформирования гражданского законодательства [1].

Для реализации указанного права на защиту в рамках частноправового поля гражданским законодательством предусмотрен перечень

способов защиты гражданских прав. Некоторые специалисты в области гражданского права полагают, что способы защиты гражданских прав – это определенные законодательством меры воздействия, которые реализуются управомоченным лицом для предотвращения (пресечения) его субъективных прав. При этом отмечается, что при восстановлении нарушенного права лицо использует не способы защиты гражданских прав, а их средства [2, с. 45].

Данное определение сущности способов защиты гражданских прав несколько урезано. Дело в том, что способы защиты гражданских прав реализуются не только для предотвращения (пресечения) нарушения, но и в целях восстановления уже нарушенного права.

Другие специалисты считают, что способы защиты гражданских прав представляют собой определенную концепцию будущего поведения управомоченного лица, которую оно выбирает по своему волеизъявлению [3, с. 120]. Указанное определение способов защиты гражданских прав хоть и является вполне удачным, но тем не менее не самым корректным, так как не содержит ключевого элемента.

Концепция, которую выбирает управомоченное лицо, состоит из определенных поведенческих актов. Основанием для выбора того или иного поведения является незаконное поведение другого лица, которое негативно затрагивает права управомоченного лица.

Наиболее полным определением способов защиты гражданских прав является определение, которое сформулировал Е. А. Суханов [4, с. 419–420]. Он указывает, что способы защиты гражданских прав – это установленные в законе или санкционированные сторонами гражданского правоотношения меры воздействия на имущественную или неимущественную сторону нарушителя, которые применяются участниками частных правоотношений в целях: пресечения нарушения; восстановления нарушенного положения участника правоотношения; создания имущественных обременений для лица, несущего ответственность за нарушение; принуждения нарушителя к определенному поведению в пользу потерпевшей стороны.

Исходной законодательной базой для способов защиты гражданских прав является ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой дается примерный перечень поведенческих актов управомоченного лица.

В доктрине частного права все способы защиты гражданских прав принято классифицировать на три группы:

1. Использование самозащиты как самостоятельного способа защиты гражданских прав.

2. Использование мер оперативного воздействия на лицо, совершившее нарушение.

3. Использование мер защиты в качестве обращения к органам власти с целью привлечь нарушителя к ответственности [5, с. 104–110].

Особое внимание при изучении вопроса о способах защиты гражданских прав следует обратить на такое правовое и социальное явление, как самозащита гражданских прав. Самозащита гражданских прав в соответствии со ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации рассматривается законодателем как самостоятельный способ защиты гражданских прав.

Как указывалось выше, сущность способов гражданских прав выражается в совершении определенных действий для той или иной цели. Многие цивилисты считают некорректным с точки зрения доктрины частного права выделять самозащиту как самостоятельный способ защиты гражданских прав.

А. П. Сергеев критически высказывается о самозащите как способе защиты гражданских прав. Он отмечает, что законодатель совершенно необоснованно смешивает такие категории, как способ и форма защиты гражданских прав [6, с. 34]. С такой позицией невозможно не согласиться. Самозащита, которая и законодателем, и судебной практикой (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [7]) выражается в совершении действий, соразмерных допущенному нарушению. То есть складывается определенная законодательная тавтология. Самозащита гражданских прав, по мнению законодателя, является самостоятельным способом защиты гражданских прав, который выражается в каких-то дополнительных способах защиты. Об этом напрямую упоминается в ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Следуя логике законодателя, то есть смешивая форму и способ защиты гражданских прав, можно говорить о том, что судебная защита гражданских прав представляет собой также способ защиты прав.

Список библиографических ссылок

1. Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 21–23.
2. Шпачев Е. В., Шпачева Т. В. О способах защиты права (законного интереса) в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2009. № 1 (45). С. 39–67.
3. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 464 с.
4. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 958 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / науч. ред. В. С. Ем; редкол.: Н. В. Козлова, С. М. Корнеев, Е. В. Кулагина, П. А. Панкратов. М.: Статут, 2000. 411 с.
6. Российский судья: науч.-практ. и информ. изд. М.: Юрист, 2005. № 8. 48 с.
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

© Белова О. А., 2024

А. Р. Ветрова
Волгоградская академия МВД России
Научный руководитель:
Н. И. Батурина
Волгоградская академия МВД России

**Возмещение вреда,
причиненного неправомерными действиями
государственных органов,
органов местного самоуправления,
а также их должностными лицами**

В современном мире любое государство вынуждено решать множество разноплановых задач, для этого сформирован аппарат государства, представленный органами публичной власти и их должностными лицами. В процессе своего функционирования звенья государственного аппарата взаимодействуют с физическими и юридическими лицами, коллективными образованиями по различным направлениям жизнедеятельности общества. Преимущественно характер такого взаимодействия в большей степени позитивный, но так бывает не всегда. По объективным или субъективным причинам появляются сбои в таком взаимодействии, выраженные в том, что органами государственной (муниципальной) власти и их должностными лицами причиняется вред в различных его видах.

Факт причинения вреда и вина причинителя вреда активируют юридический режим гражданско-правовой ответственности за вред – результат незаконных деяний органов публичной власти, который имеет свои особенности.

Так, согласно ст. 53 Конституции РФ [1] каждый имеет право на возмещение вреда, который причинен органами государственной (муниципальной) власти или их должностными лицами. В свою очередь согласно ст. 1069 ГК РФ [2] вред, который был причинен гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления или их должностных лиц, в том числе в результате издания неправомерного акта, подлежит возмещению.

Вред в данном случае возмещается за счет казны Российской Федерации, ее субъектов или казны муниципального образования соответственно.

Особенностью этого вида деликтных обязательств является прежде всего субъект, который включает как непосредственно должностных лиц, допустивших нарушение прав, так и казну Российской Федерации, из которой происходят соответствующие выплаты, назначенные судом.

Состав деликтного правонарушения здесь общий, требуется установить наличие самого вреда, незаконность деяния органов публичной власти, выраженных в форме действия или бездействия, причинной связи и вины причинителя вреда.

Судебные споры такого рода достаточно сложны в рассмотрении, так как оценивается деяние причинителя вреда в контексте надлежащего исполнения служебных или трудовых функций, что требует изучения целого комплекса документов, в том числе и внутриведомственных, хозяйственных, кадровых и т. п.

В судебной практике споры о возмещение вреда, причиненного незаконными деяниями органов государственной власти и их должностных лиц, рассматриваются очень часто.

Так, гражданка Ж. обратилась с иском в суд, обосновывая свои требования тем, что она упала, поскользнувшись на тротуарной наледи, получила сложный перелом голени со смещением. Причиной падения стало невыполнение правил благоустройства территории Дзержинского района Волгограда. Просила взыскать с администрации Дзержинского района Волгограда причиненный ей ущерб в размере 13 272,61 рублей (включая затраты на лекарства, костыли и т. д.), компенсацию морального вреда в размере 250 000 рублей, расходы по оплате государственной пошлины в размере 531 рубль.

Главный вопрос, который решался в суде, – установление лица, ответственного за обслуживание территории, где все произошло. С учетом представленных доказательств, место падения Ж. является тротуаром дороги общего пользования и муниципальной собственностью, поэтому причинителем вреда выступает администрация Дзержинского района Волгограда, которую и обязали возместить ущерб частично, сумма морального вреда снижена до 150 000 рублей [3].

Одновременно с этим не всегда требования подобного рода удовлетворяются, так как вина должностных лиц или органов государственной власти в ряде случаев отсутствует. Причиной отказа в иске также является отсутствие оснований для возмещения вреда. Особенно часто суды отказывают в иске о возмещении морального вреда.

Так, судебным приставом-исполнителем в рамках исполнительного производства был произведен арест счетов в банке с последующим списанием денежных средств, наложены обременения на имущество гражданина Д., но при этом данный гражданин должником не являлся. В последующем было установлено, что осуществление перечисленных выше действий в отношении гражданина Д. было произведено в связи с тем, что с идентичными индивидуализирующими признаками, за исключением места регистрации, есть другое лицо, с которым был перепутан гражданин Д. Конфликт был улажен, обременения были сняты, денежные средства возвращены гражданину Д., однако, несмотря на это, последний подал иск к Николаевскому районному отделу судебных приставов УФССП по Волгоградской области, в удовлетворении которого ему было отказано, так как допущенные нарушения прав истца, за восстановлением которых он обратился в суд, устранены в полном объеме. Отсутствовали и правовые основания для взыскания морального вреда [4].

Реализация права на компенсацию морального вреда в рассматриваемых видах правоотношений испытывает сложности, которые присущи в целом этому институту. Если основания возмещения морального вреда установить не так сложно, то его размер всегда вызывает разногласия. Более того, сами судебные органы не демонстрируют единый подход к этому вопросу и назначаемые судом суммы возмещения при сходных обстоятельствах существенно различаются.

Не исключено создание институтов медиации, которые могли бы функционировать в отдельных ведомствах, например в уголовно-исполнительной системе, органах предварительного расследования, службе судебных приставов.

Думается, что в судебном заседании необходимо допустить возможность заключения мирового соглашения, для этого ст. 16.1 ГК РФ [5] стоит дополнить абзацем, изложив его в следующей редакции: «Стороны могут заключить мировое соглашение, направленное на возмещение ущерба, причиненного органами государственной власти или их должностными лицами».

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 августа 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 8 июля 2023 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

3. Решение Дзержинского районного суд г. Волгограда от 28 июля 2020 г. по делу № 2-636/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

4. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 22 июля 2020 г. по делу № 2-1873/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 июля 2023 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2023).

© Ветрова А. Р., 2024

Перспективы развития правового регулирования института эмансипации несовершеннолетних

Права человека являются высшей ценностью в каждом демократическом и правовом государстве. Это правило нашло свое закрепление в ст. 2 Конституции РФ, в которой также отмечается, что признание и соблюдение прав человека – обязанность государства [1]. Особое значение имеют такие обязательства государства в контексте признания, соблюдения и защиты прав детей. Данное правило провозглашено и в международно-правовых актах: Всеобщей декларации прав человека [2] и Декларации прав ребенка [3]. Соблюдение прав любого субъекта изначально неразрывно связано с возможностью реализации его субъективных прав, реализуемых в значительной мере в гражданско-правовых отношениях. Цивилистическая доктрина является довольно инертной и статичной, что накладывает свой отпечаток на скорость реакции общества на процессы, которые происходят в гражданских правоотношениях. И если проблемы реализации и защиты прав детей и совершеннолетних дееспособных лиц в достаточной мере разработаны отечественными учеными-правоведами (П. М. Филиппов [4], А. А. Ковалев [5]), то нормативное регулирование правового статуса эмансипированных несовершеннолетних и регламентация оснований такого «перехода» из «детской» во «взрослую» жизнь, очевидно, требует усовершенствования. Совершенно справедливо отмечает А. А. Лукашевич, что среди причин законодательного закрепления института эмансипации – стремление к участию в трудовой деятельности, направленной на получение доходов, и более быстрое физиологическое развитие несовершеннолетних в реалиях современного общества [6, с. 49].

Основания объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным закреплены в п. 2 ст. 21 и ст. 27 ГК РФ [7]. Среди них российский законодатель выделяет вступление в брак до достижения 18-летнего возраста, работу по трудовому договору и занятие предпринимательской деятельностью. Причем при вступлении в брак

гражданин приобретает полную дееспособность с момента регистрации брака в установленном Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – ФЗ № 143-ФЗ) [8] порядке, а при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в п. 1 ст. 27 ГК РФ, – может быть объявлен полностью дееспособным. Данный перечень оснований является полным и исчерпывающим.

В связи с этим можно выделить ряд вопросов, подлежащих правовой корректировке, и условно разделить их на три группы:

1) целесообразность возможного расширения перечня оснований для эмансипации несовершеннолетних;

2) конкретизация правовых норм, регулирующих применение закрепленных в ГК РФ оснований предоставления полной дееспособности несовершеннолетним, а также устранение противоречий в их правовой регламентации;

3) разработка единообразной легальной концепции относительно правовых последствий получения статуса эмансипированного в контексте взаимодействия смежных отраслей права.

Что касается тенденции к расширению перечня оснований для эмансипации, то можем отметить следующее. В случае регистрации брака до достижения брачного возраста (18 лет), закрепленного в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ), несовершеннолетнее лицо приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак согласно п. 2 ст. 21 ГК РФ. Это связано прежде всего с увеличением уровня взаимной ответственности каждого из таких лиц и приобретением ряда дополнительных прав и обязанностей, закрепленных в СК РФ, а также возможным рождением детей и возникновением еще большего круга прав и обязанностей уже не только как у супругов, но и как у родителей. Однако в случае рождения ребенка у несовершеннолетних лиц, не состоящих в браке между собой, и записи их родителями в акте о рождении ребенка в соответствии со ст. 17 ФЗ № 143-ФЗ нормативных оснований для приобретения такими несовершеннолетними лицами полной дееспособности не возникает, что может вызывать ряд трудностей при реализации ими своих прав, предусмотренных не только нормами гражданского и семейного, но и гражданско-процессуального законодательства в части законного представительства своих малолетних детей и т. п.

Второй блок рассматриваемых нами вопросов включает в себя разрешение коллизии о таком основании для эмансипации, как занятие предпринимательской деятельностью, исходя из определения которой, закрепленного в п. 1 ст. 2 ГК РФ, следует, что предпринимательство – это самостоятельная, на свой риск деятельность, что не предполагает даже на начальном ее этапе согласование со своими законными представителями. В то же время в подп. «з» п. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» законодательно закреплена обязанность предоставления нотариально удостоверенного согласия родителей или иных законных представителей на осуществление предпринимательской деятельности [9]. При этом после регистрации несовершеннолетнего в качестве индивидуального предпринимателя он может по решению органа опеки и попечительства (в случае согласия родителей) или по решению суда (в случае отсутствия такого согласия) быть объявлен эмансипированным. Следовательно, в промежуток времени между регистрацией несовершеннолетнего индивидуальным предпринимателем и объявлением его полностью дееспособным на основании п. 1 ст. 27 ГК РФ такой «начинающий бизнесмен» должен согласовывать свои действия по совершению сделок со своими законными представителями, что противоречит сути определения предпринимательской деятельности, закрепленной в п. 1 ст. 2 ГК РФ.

Относительно необходимости единообразного подхода в цивилистической доктрине к правовым последствиям получения статуса эмансипированного можно отметить, что, например, эмансипация является основанием для прекращения алиментных обязательств перед несовершеннолетним согласно ч. 2 ст. 120 СК РФ, однако не порождает для него обязанности содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей в соответствии со ст. 87 СК РФ [10].

В заключение можем отметить, что разрешение вышеперечисленных вопросов позволит определить тенденции развития и перспективы усовершенствования института эмансипации в гражданском праве и устранить связанные с ним противоречия в смежных отраслях права.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

2. Всеобщая декларация прав человека, принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

3. Декларация прав ребенка, провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 г. URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

4. Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Права детей и их охрана: монография. Волгоград: Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2011. 92 с.

5. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 591 с.

6. Лукашевич А. А. Эмансипация как основание приобретения полной дееспособности несовершеннолетними гражданами // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 48–54.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

8. Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

9. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.10.2023).

© Дербишев Р. О., 2024

**Теоретические и практические аспекты
производства по вновь открывшимся
или новым обстоятельствам судебных решений,
вступивших в законную силу**

Нынешнее законодательство Российской Федерации недостаточно раскрывает критерии определения новых и вновь открывшихся обстоятельств, что способствует допущению существенных ошибок при рассмотрении дела участниками гражданского процесса, чаще всего заинтересованным лицом, подающим ходатайство о пересмотре дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Законодательство нуждается в усовершенствовании путем внесения изменений в нормативные правовые акты для детального раскрытия критериев обстоятельств, по которым могут пересматриваться судебные решения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, что существенно снизит нагрузку на суды и устранит те пробелы, которые имеются в настоящее время.

Вновь открывшиеся обстоятельства – это юридические факты, которые не были известны ранее заявителю и не могли быть известны, существовавшие в период рассмотрения дела, а также являющиеся основанием для признания судебных актов незаконными [1, с. 383].

Рассмотрев понятие и краткую характеристику вновь открывшихся обстоятельств, необходимо выделить новые обстоятельства. Так, новыми обстоятельствами служат те обстоятельства, которые не были известны суду в момент вынесения соответствующего судебного акта и которые, в свою очередь, могли бы устранить наказуемость деяния, если бы суду было известно о таких обстоятельствах.

Объект пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам – это вновь вступившие в законную силу судебные акты [2, с. 151].

Основания для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, установлены в ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [3].

Признать обстоятельства «вновь открывшимися» невозможно в случае, когда юридические факты были общедоступными и не было преград для использования их в судебном разбирательстве для вынесения законного и обоснованного судебного решения [4, с. 339].

Заинтересованное лицо, участвующее в деле, может подать ходатайство о пересмотре судебного решения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а в случае, если в деле участвует прокурор, он может подать представление и судебное решение будет пересмотрено, если имеются законные основания для его пересмотра. В таком ходатайстве должно быть указано, прежде всего, решение суда, которое будет пересмотрено, излагаются обстоятельства дела и его сущность. К ходатайству должны быть приложены соответствующие документы, которые подтверждают обоснования заинтересованного лица [5, с. 104].

Вышеупомянутое заявление и представление рассматривается в судебном порядке, где судья устанавливает присутствие вновь открывшихся обстоятельств или новых обстоятельств в доводах лица, подавшего ходатайство или представление, а также суд определяет, были ли известны заявителям данные обстоятельства ранее. Суд также детально изучает доказательства, предоставленные заинтересованными лицами, которые подтверждают основания для пересмотра судебного решения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам [6, с. 337].

Анализируя судебную практику Российской Федерации по категориям дел, связанных с производством по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, можно сделать вывод, что нынешнее законодательство недостаточно раскрывает критерий для новых и вновь открывшихся обстоятельств. Как заявители, так и суды часто неправильно определяют критерий, допуская существенные ошибки.

Судебной практикой для анализа в данном случае является постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 января 2018 г. № С01-593/2016 по делу № СИП-26/2016 [7].

В этом деле суд рассмотрел кассационную жалобу индивидуального предпринимателя на решение Суда по интеллектуальным правам от 18 сентября 2017 г. по делу № СИП-26/2016. В своей жалобе индивидуальный предприниматель заявил, что суд первой инстанции, признав существенным для данного дела установленное Судом

по интеллектуальным правам обстоятельство, не учел тот факт, что неиспользование предпринимателем собственного товарного знака не имеет никакого юридического значения для данного дела.

Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении жалобы отметил, что при производстве по заявлению о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам обязан установить, свидетельствуют ли предоставленные заявителем факты и доводы о присутствии существенных обстоятельств для последующего разрешения гражданского дела, которые при этом не были предметом судебного разбирательства по рассматриваемому делу.

Президиум суда по интеллектуальным правам в данном деле вынес такое же решение, как и суд первой инстанции, заявив, что суд первой инстанции правильно вынес решение, так как обстоятельство неиспользования правообладателем собственного товарного знака, противопоставленного товарному знаку общества «Си-Би-Ай консалт», способно повлиять на выводы суда при принятии судебного акта по данному делу.

Таким образом, исходя из вышеизложенной практики, можно наблюдать, как участниками гражданского процесса неправильно применяются критерии определения новых и вновь открывшихся обстоятельств, что в свою очередь существенно увеличивает нагрузку на суд, так как недостаточность раскрытия критериев определения новых и вновь открывшихся обстоятельств в законодательстве вынуждает граждан подавать соответствующие жалобы в суд, где им может быть отказано в удовлетворении их требований, как это было показано в анализируемой судебной практике. Предложением по внесению изменений в законодательство для его улучшения является более детальное раскрытие критериев для определения новых и вновь открывшихся обстоятельств. Внесенные изменения позволят лицам, принимающим участие в гражданском процессе, более детально и грамотно составлять соответствующие ходатайства и жалобы, а судьям данные изменения позволят принимать законные и обоснованные судебные решения более эффективно.

Исходя из вышеизложенного, предложением по внесению изменений в законодательство для его усовершенствования является более детальное раскрытие критериев для определения новых и вновь открывшихся обстоятельств. Внесенные изменения позволят лицам,

принимающим участие в гражданском процессе, более детально и грамотно составлять ходатайства о пересмотре дела, а судьям данные изменения позволят принимать законные и обоснованные судебные решения более эффективно.

Список библиографических ссылок

1. Исаенкова О. В. Гражданское процессуальное право России: учебник. М.: Норма, 2009. 446 с.
2. Лесницкая Л. Ф., Ярошенко К. Б. Некоторые вопросы пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений по гражданским делам, вступивших в законную силу: комментарий судебной практики. М.: Контракт, 2015. С. 151–156.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.12.2023).
4. Янков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик-медиа, 2012. 427 с.
5. Терехова Л. А. Новые в вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Проспект, 2017. 144 с.
6. Треушникова М. К. Гражданский процесс: учебник. М.: Городец, 2018. 832 с.
7. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2018 № С01-593/2016 по делу № СИП-26/2016. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 19.12.2023).

© Дербишева О. А., 2024

Проблемные аспекты гражданско-правового регулирования брачного договора

Брачно-семейные отношения являются темой, не теряющей своей актуальности в правовом мире. В качестве одного из особо значимых аспектов выступает составление брачного договора, что в свою очередь влечет за собой возникновение проблем как практического, так и теоретического характера. Сказанное указывает на актуальность рассматриваемого вопроса, а также необходимость его более детального изучения.

В России закон впервые легально разрешил супругам заключать брачный договор с 1995 г., указав в ч. 1 ст. 256 Гражданского кодекса РФ на право супругов устанавливать договорный режим своего имущества. Основными нормативными правовыми документами, регламентирующими рассматриваемую тему, являются:

- Семейный кодекс РФ – гл. 8 (далее – СК РФ);
- Гражданский кодекс РФ – ст. 256 (далее – ГК РФ).

При этом стоит отметить, что в обозначенных нормах имеют место некоторые разногласия. Так, в ст. 40 СК РФ указывается на то, что брачный договор может быть заключен между лицами, вступающими в брак, либо супругами. Что же касается ст. 256 ГК РФ, то в ней в качестве сторон признаются только супруги.

Важно отметить, что статус супругов лица приобретают лишь с момента регистрации их брака в органах записи актов гражданского состояния, что в свою очередь говорит и о возникновении у них специальных прав и обязанностей. При этом обязанности заключения брачного договора в момент регистрации нет.

Является ли брачный договор правовым соглашением или же соглашением специфического рода [1, с. 333]? Ответ на данный вопрос имеет большое практическое и теоретическое значение, что связано с необходимостью использования того или иного правового режима.

Важно отметить, что по своей сущности брачный договор представляет собой гражданско-правовую сделку, которая обладает всеми ее элементами. К ним относятся:

- предмет;
- состав субъектов;
- содержание брачного договора;
- время, когда он был заключен.

Исходя из приведенных элементов, выделяются проблемы, связанные с брачным договором, на которых необходимо остановиться более подробно.

В качестве одного из наиболее важных вопросов выступает определение сроков, в течение которых сохраняется действие договора. Несмотря на то, что существует фактическая возможность заключения брачного договора как до заключения брака, так и непосредственно после, юридическая сила такого договора будет возникать только после возникновения брачных отношений. Стоит также отметить, что в договоре может быть обозначена конкретная дата его вступления в силу.

Еще один проблемный аспект – определение возраста субъектов, желающих заключить брачный договор. Согласно действующим нормам семейного законодательства России брак может заключаться в исключительных случаях и с 16 лет. Если же говорить о брачном договоре как о гражданско-правовой сделке, то такая возможность наступает с 14 лет.

Однако по общему правилу брак регистрируется по достижении 18-летнего возраста, что указывает на то, что именно с такого возраста лицо может выступать в качестве субъекта брачного договора.

Так, рассматриваемая данную тему, И. А. Сорока справедливо отмечает: «...для абсолютной ясности следует указать на возможность несовершеннолетнего гражданина заключить подобный договор с согласия опекуна в семейном законодательстве» [2, с. 176].

Проблемные аспекты практического характера в первую очередь связаны с определением предмета рассматриваемого вида договора, так как в качестве него могут выступать лишь имущественные отношения супругов. Нередко на практике возникают спорные вопросы относительно возможности указания в брачном договоре не только непосредственных имущественных отношений, но и факта возможного

наступления имущественных последствий, связанных с реализацией неимущественных отношений.

При этом позиция Верховного Суда РФ остается относительно данной ситуации твердой. В качестве примера приведем следующую ситуацию, имеющую место в судебной практике.

В брачном договоре супругов С. и К. были прописаны особые условия для мужа. По договору мужчина лишался всего совместно нажитого имущества, если он бросал семью. Или же если семья распалась из-за его пьянства, измен или хулиганских действий [3].

Однако суд указал следующее: «...брачный договор не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства» [4].

Исходя из содержания данного постановления, можно говорить о том, что имущественные последствия, связанные с неимущественными отношениями супругов, не могут выступать предметом брачного договора.

В связи с тем, что в Российской Федерации брачным договором регулируются только имущественные отношения, не может выступать предметом брачного договора и определение места проживания детей после развода родителей, что также можно назвать отрицательным аспектом.

На наш взгляд, данные проблемные вопросы требуют законодательной доработки, так как фактически подобного рода запреты, защищая одного из супругов, лишают другого возможности полноценно реализовать право на защиту.

Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым сделать следующие выводы.

Брачному договору как гражданско-правовой сделке присущи специфические особенности, которые в свою очередь порождают проблемные аспекты как теоретического, так и практического характера.

К числу основных из них можно отнести такие элементы, как: время вступления брачного договора в силу, возраст субъектов, заключающих договор, а также его предмет. Перечисленное в свою очередь, на наш взгляд, требует внесения изменений в семейное

и гражданское законодательство относительно более детальной регламентации обозначенных аспектов.

Помимо сказанного, видится необходимым включение в качестве предмета брачного договора не только имущественных отношений в чистом виде, но и имущественных последствий, возникающих при реализации неимущественных отношений, что в свою очередь позволит сделать брачно-семейные отношения более защищенными.

Список библиографических ссылок

1. Космылина А. Ю. Брачный договор // E-Scio. 2022. № 1 (64). С. 333–337.
2. Сорока И. А. Брачный договор: актуальные проблемы правоприменительной практики // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2021. № 14. С. 176–178.
3. Верховный Суд назвал незаконные условия в брачных контрактах. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 15.08.2023).
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

© Ермолаева М. И., 2024

Направления государственной поддержки субъектов предпринимательской деятельности в условиях санкций

В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» на территории нашей страны уже который год действует выстроенная государственная политика с реализуемым спектром гарантий и поддержки предпринимательства, направленная на его устойчивое существование и возможность реализации новых проектов в данной сфере.

Предпринимательство является одной из основных ветвей экономики на территории Российской Федерации. Доля малого и среднего бизнеса в российской экономике составляет 21,9 %, а по оценкам Росстата в нашей стране около 20 % ВВП создается как раз предприятиями, отнесенными к категории малых и средних [1].

Свои коррективы в привычный уклад деятельности субъектов предпринимательства внес 2022 г. Санкционная политика западных стран, направленная на внутреннюю дестабилизацию Российской Федерации, привела к риску возникновения необратимых потерь для бизнеса. Предпринимательство только недавно начало оправляться от локдауна и коронавирусной инфекции COVID-19, как буквально сразу появилась новая преграда для ведения стабильной предпринимательской деятельности на территории страны.

Незамедлительное действие органов государственной власти – это то, что было необходимо в такой ситуации, чтобы выдержать экономическое давление Запада.

Для преодоления таких проблем законодательными органами Российской Федерации был разработан ряд мер, направленный на поддержание малого и среднего предпринимательства путем установления льготного кредитования.

Так, Федеральный закон от 14.04.2023 № 132-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона „О внесении изменений

в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа»⁴ установил возможность предоставления кредитных каникул для индивидуальных предпринимателей.

Кредитные каникулы представляют собой отсрочку платежей по кредиту или займу или уменьшение их размера. Данная мера может стать эффективным инструментом для смягчения финансовой нагрузки на предпринимателей в период экономического кризиса и увеличения потребительского спроса на рынке. Кредитные каникулы предоставляют возможность предпринимателям временно отложить выплату кредитных обязательств или снизить их размеры, что позволяет сосредоточить ресурсы на развитии бизнеса, сохранении рабочих мест и погашении других долгов.

Согласно условиям предоставления такого рода кредитных каникул заемщику предлагается в срок до 31.12.2023 обратиться к кредитору с требованием о пересмотре условий договора и возможности установления льготного периода в соответствии с действующими федеральными законами.

Обязательным условием является предоставление заемщиком достоверной информации о снижении своих постоянных месячных доходов более чем на 30 % по сравнению с предыдущим календарным годом.

Заемщику также законодательно предлагается выбрать, будут ли приостановлены обязательства по кредиту на указанный льготный период или же он предпочтет уменьшение размера платежей. После окончания льготного периода срок возврата кредита продлевается на срок не менее, чем действовал льготный период.

В перспективе такой способ поддержки предпринимателей должен помочь бизнесу пережить экономический спад путем предоставления возможности вложения денежных средств, предназначенных для выплаты кредитов, в оборот компании.

Льготное кредитование также помогает пережить уход иностранных компаний с российского рынка.

Как известно, в марте 2022 г. многие лидирующие западные компании заявили об уходе с торгового пространства Российской Федерации. Хотя Россия и является страной-экспортером, процент

импортных товаров в стране был высок. Для предотвращения продовольственного дефицита Правительство Российской Федерации в короткие сроки принимает решение о переходе страны с национального на международный принцип исчерпания права путем издания Федерального закона от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“», а в последующем и постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506, в нем была установлена группа товаров, в отношении которых будет действовать новый принцип исчерпания права. Такими законодательными действиями Правительство официально легализовало действие параллельного импорта в Российской Федерации.

Льготное кредитование при данных обстоятельствах играет важную роль в поддержке импортного бизнеса в России и является одной из мер, принятых Правительством для минимизации последствий ухода иностранных компаний с российского рынка.

Импорт товаров из-за рубежа – очень затратный вид предпринимательства. Возможность кредитования на льготных условиях позволяет импортерам снизить финансовые затраты на приобретение и доставку импортных товаров в Россию. Использование таких кредитов позволяет сократить расходы на логистику и маркировку товаров, что делает импортный бизнес более конкурентоспособным на российском рынке.

Постановлением Правительства от 18.05.2022 № 895 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета кредитным организациям на возмещение недополученных доходов по кредитам, выданным на приобретение приоритетной для импорта продукции» была реализована программа для импорта продукции из перечня приоритетной. В него внесены продовольственные товары, лекарственная продукция, транспорт, электроника и др. [2] Срок, на который импортеры могут получить кредиты, будет зависеть от целей займа.

Льготное кредитование позволяет повысить конкурентоспособность российских компаний и на международном рынке. Благодаря доступным кредитам российские импортеры могут предлагать более выгодные условия сотрудничества и привлекать иностранных производителей, что способствует развитию внешнеэкономических связей и укреплению позиций России.

Для упрощения процесса параллельного импорта в стране были приняты и другие меры поддержки. Например, упрощение процедуры оформления нотификации.

Нотификация – это документ, который требуется для всех устройств, поддерживающих криптографические возможности или шифрование, таких как смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры и микросхемы. Ранее производители могли обратиться только в Центр по лицензированию, сертификации и защите государственной тайны ФСБ России для получения нотификации. Новые правила позволяют отраслевым ассоциациям, включая Ассоциацию разработчиков и производителей электроники и Ассоциацию предприятий компьютерных и информационных технологий, оформлять нотификацию.

Кроме этого, требование предоставления сведений о нотификации таможенным органам относительно импортируемого оборудования для промышленного производства в России было исключено.

Помимо льготного кредитования государство также предоставляет другие формы поддержки малого и среднего предпринимательства, такие как государственные гарантии на коммерческие кредиты, субсидии на процентные ставки по займам, налоговые льготы и субсидирование затрат на научно-исследовательскую и инновационную деятельность. Все эти меры направлены на создание благоприятной инвестиционной и предпринимательской среды, стимулирование развития малого и среднего бизнеса и повышение его конкурентоспособности.

Однако, несмотря на все меры поддержки, важно отметить, что обеспечение устойчивого развития предпринимательства требует комплексного подхода и долгосрочных стратегических решений, включающих в себя не только финансовую поддержку, но и создание благоприятных экономических условий, развитие инфраструктуры, снижение бюрократической нагрузки и повышение уровня образования и подготовки предпринимателей.

Подводя итог, можно сказать, что защита прав субъектов предпринимательской деятельности всегда являлась одной из приоритетных задач государства. Помощь и содействие развитию малого и среднего предпринимательства всегда приносили свои плоды в материальном аспекте, давая перспективу для развития новых бизнес-идей. Созданные меры защиты предпринимательства необходимы для

поддержания высокого уровня его функционирования. Только благодаря последовательным и решительным действиям со стороны государственных органов Российской Федерации малый и средний бизнес сможет сохранять свой потенциал на территории страны.

Список библиографических ссылок

1. Росстат. Оценка доли малого и среднего предпринимательства в экономике. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 21. С. 3470.

© Железняк В. С., 2024

Интерес как гражданско-правовая категория

Интерес – это фундаментальное понятие, используемое во многих отраслях знаний. В обществе существует значительное количество разнообразных интересов. Они могут быть индивидуальные, групповые и общественные. По своей направленности – политическими, экономическими и иными, по степени осознанности – интересы, действующие по определенной программе и возникшие стихийно, по возможности их реализации – реальные и мнимые. Интересы классифицируются и по иным категориям. Однако несмотря на то, что термин «интерес» настолько распространен в современном мире и используется во многих сферах жизнедеятельности человека, таких как экономика, психология, социология и иных отраслях знаний, единого официального определения термина «интерес» не существует.

Проблему отсутствия официального определения термина «интерес» изучали ряд ученых, в числе которых: В. А. Максимов, В. Ф. Сиренко, Г. А. Свердлык, А. В. Ульянов, С. А. Бурмистрова, А. А. Осипов и др.

В основных началах гражданского законодательства, изложенных в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст. 2) сказано, что свои гражданские права физические и юридические лица приобретают и осуществляют своей волей и в своих интересах. Данные гражданские права могут быть ограничены только на основании закона и в той мере, насколько это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Следует отметить, что изложенные принципы являются императивными, поскольку их неисполнение влечет негативные правовые последствия.

Таким образом, отсутствие в ГК РФ официально установленной дефиниции понятия «интерес» является пробелом гражданского законодательства и указывает на недостаточно разработанную правовую доктрину. С целью формирования определения понятия «интерес»

как гражданско-правовой категории необходимо выяснить, что понимается под интересом. В русском языке слово «интерес» используется, когда идет речь о том, что важно, имеет значение для человека, о любопытстве, проявляемом к чему-либо, о потребностях человека [2, 3].

В различных отраслях знаний сформировано собственное определение понятия «интерес». Так, в философии под «интересом» понимается реальная причина совершаемых социальных действий, событий, стоящая за непосредственными побуждениями, мотивами, помыслами, идеями участвующих в этих действиях людей, социальных групп, классов [4].

В экономике под интересом понимается предмет заинтересованности, желания и побудительных мотивов действий экономических субъектов [5].

В социологии интерес – направленность субъекта на значимые для него объекты, связанная с удовлетворением потребностей, полезностью, а также реальная причина деятельности субъектов социума, направленная на удовлетворение определенных потребностей, лежащая в основе непосредственных побуждений, мотивов, идей, определяющаяся положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений [6].

В психологии интересом является состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развертывающейся преимущественно во внутреннем мире человека [7]. На основании представленных определений можно сказать, что под интересом в целом понимается потребность, для удовлетворения которой лицо совершает определенные действия.

Интерес как правовая категория имеет собственную структуру. Так, по мнению В. Ф. Сиренко, структура интереса состоит из потребности, которую необходимо удовлетворить, возможности удовлетворения данной потребности и понимания необходимости ее удовлетворения [8, с. 11]. То есть интерес тождественен потребности субъекта правоотношений.

Напротив, Г. А. Свердлык включает в структуру интереса не только наличие потребности, но и средства ее удовлетворения. На основании этого Г. А. Свердлык называет следующие элементы интереса: потребность; предмет, способный удовлетворить потребность; средства

и способы удовлетворения потребности [9, с. 33]. Таким образом, категория «интерес» имеет сложную структуру и не сводится к наличию одной лишь потребности, а включает элементы, направленные на обеспечение данной потребности.

Из сказанного можно сделать вывод, что интерес по своей правовой природе представляет собой правоотношение. Категория правоотношения является одной из основополагающих в юридической науке и состоит из трех элементов: объекта – материальные и духовные блага, то, из-за чего субъекты вступают в правоотношения; субъекта – участники правоотношения; содержания – субъективные права, юридические обязанности, выражающие связь между субъектами правоотношения.

В правовой доктрине существуют споры о том, является ли правовой интерес объективной или субъективной категорией.

Так, А. В. Ульянов считает, что интерес необходимо признавать объективной категорией, поскольку: интерес не порождается человеческой психикой и не подчинен ей; он не идентичен воле лица; интерес стимулирует субъекта к определенному поведению; интерес может быть и у недееспособных носителей и подлежит охране вне зависимости от его осознания ими. Отмечает, что субъективной категорией является заинтересованность, то есть осознание интереса. При этом указывает, что на практике различие между интересом и заинтересованностью носит формальный характер [10, с. 6–7].

Восприятие интереса как субъективной категории характерно для сторонников психологической школы права. Некоторые ученые выдвигают теорию смешанной природы интереса. По их мнению, в интересе комбинируются объективные и субъективные начала, а именно, интерес имеет содержание, независимое от сознания лица, и зависимую от сознания форму [11, с. 56–57].

Полагаем, что мнение о наличии в природе интереса объективных и субъективных факторов содержит в себе противоречие. Придерживаемся позиции, что интерес является объективной категорией, поскольку он причина, которая существует во внешней среде, воздействует на субъект правоотношений, побуждая его к реализации своих прав. В подтверждение приведем точку зрения А. А. Осипова, который считает, что интерес является объективно существующей гражданско-правовой категорией, которая способствует осуществлению

лицом своих субъективных гражданских прав. Из этого следует, что правовой интерес непосредственно взаимосвязан с субъективным гражданским правом. А. А. Осипов делает вывод, что побудительную причину, которая противоречит субъективным правам лиц, необходимо признавать противоправным интересом, а побудительную причину, не нарушающую субъективных прав, – охраняемым законом интересом. Говорит также, что отсутствие интереса является основанием к тому, что лицо не осуществляет свое субъективное гражданское право и никто не может принудить его к этому. Отмечает, что интерес отличается от субъективного гражданского права отсутствием корреспондирующей обязанности других лиц и гарантированных государственно-принудительных мер. В связи с этим закон охраняет интерес при условии, что его содержание правомерно.

На основании изложенного предлагаем следующее определение понятия интереса как гражданско-правовой категории: «Интерес – это охраняемое законом гражданско-правовое явление, которое выражает потребность участников гражданско-правовых отношений в конкретном благе и побуждающее их к реализации своих прав».

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2023. 752 с.
2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Большой толковый словарь. URL: <http://gramota.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
4. Философский энциклопедический словарь. URL: <http://philosophy.niv.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
5. Большой экономический словарь. URL: <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Российская социологическая энциклопедия. URL: <http://sociology.niv.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
7. Большой психологический словарь. URL: <https://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Сиренко В. Ф. Проблема интереса в государственном управлении. Киев, 1980. 179 с.

9. Свердлов Г. А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов: учеб. пособие. Свердловск: Урал, 1980. 72 с.

10. Ульянов А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.

11. Бурмистрова С. А. Об объективном и субъективном в правовой природе интереса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. 2018. № 1. С. 54–59.

© Загуменный К. И., Загуменная А. И., 2024

Международные автомобильные перевозки грузов и совершенствование их правового регулирования

Трансграничные перевозки товаров автомобильным транспортом имеют ряд существенных особенностей, касающихся их организации, обеспечения безопасности, получения разрешения на пересечение границ, оказания технической помощи, установления правовых гарантий возмещения ущерба при причинении вреда [1, с. 233]. В случае возникновения спора в подобных случаях всегда необходимо выяснять вопрос, право какого государства будет применяться к такому фактическому составу, т. е. возникнет необходимость решения так называемой коллизийной проблемы (коллизийного вопроса) [2].

Международное сообщество, оценивая значимость международных автомобильных перевозок, пошло по самому продуктивному пути решения этой проблематики, создав унифицированные материально-правовые договоры. Всю совокупность такого рода соглашений условно можно разделить на две большие группы: общие и специальные. Первая из них имеет основополагающее значение для организации автомобильных перевозок: 1) определение их правового режима; 2) создание правил трансграничного дорожного движения; 3) утверждение таможенных правил в этой области. Специальные международные договоры направлены на регламентацию специфических отношений в рассматриваемой сфере.

Первая группа из указанных актов представлена межправительственными соглашениями Российской Федерации с другими странами в отношении автомобильного сообщения. Они заключаются с целью развития взаимовыгодного сотрудничества в области перевозок грузов и определения юридического статуса автомобильных дорог, открытых для международного сообщения. Эти нормативы формируют основные дефиниции в рассматриваемых правоотношениях, например понятие автотранспортного средства, перевозчика, определяют виды перевозок и необходимые документы для их осуществления. Классическим примером подобных международных договоров является Соглашение между Правительством Российской Федерации

и Правительством Финляндской Республики о международном автомобильном сообщении (заключено в г. Хельсинки 27.10.1995) и др.

Вторую группу из указанных актов составляют международные договоры, заключаемые с целью выработки единообразных правил дорожного движения и стандартизации функционирования транспортных систем в договаривающихся странах. Такие правила нашли свое отражение в Конвенции о дорожном движении (заключена в г. Вене 08.11.1968) и Конвенции о дорожных знаках и сигналах (заключена в г. Вене 08.11.1968). Россия участвует в обоих соглашениях.

Первая из этих конвенций определяет правила международного дорожного движения, устанавливает их субъектов и особые предписания, касающиеся транспортных средств. Детально регламентируются положения об условиях их допущения к международному движению и технических требованиях, которым они должны соответствовать, утверждаются формы национального и международного водительского удостоверения и порядок его лишения при нарушениях. Второй акт определяет сигналы, предназначенные для регулирования движения автотранспорта, категории и виды дорожных знаков, условия установки и правила их оформления. Третья группа источников состоит из международных договоров, которые призваны гарантировать единое таможенное регулирование для договаривающихся стран. Такие правила установлены, например, в Договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017) и Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (заключена в г. Женеве 14.11.1975). Россия также участвует в каждом из указанных актов.

Первое из названных соглашений регламентирует принятие странами ЕАЭС единого Таможенного кодекса, определяющего порядок и способы перемещения товаров через таможенную границу Союза, осуществление таможенных процедур. Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки международной дорожной перевозки (МДП) устанавливает специальный документ, в виде блокнота (книжки МДП или Carnet TIR), на одну международную перевозку, где указываются сведения об отправителе и получателе груза, автотранспортном средстве, перемещаемом грузе и маршруте его транспортировки, перечне сопроводительных документов. Наличие Carnet TIRa позволяет перевозчику перемещать груз через границы без уплаты ввозных (вывозных)

пошлин и сборов на промежуточных таможенных пунктах. Таким образом достигается оптимизация перевозки товаров автотранспортом, в том числе в контейнерах, и совершенствование процедуры их таможенного оформления [3, с. 86].

Указанные выше соглашения больше являются публично-правовыми нормативами. Частноправовым вопросам регламентации обязательств из договора трансграничной перевозки посвящена Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ/CMR) (заключена в г. Женеве 19.05.1956). Россия – участница этого соглашения. Нормы CMR регламентируют порядок заключения и исполнения договора перевозки грузов, обязанности и ответственность контрагентов, а также условия принятия груза к перевозке и сроки его доставки. Ряд норм КДПГ регулируют порядок оборота международной автомобильной накладной, которая подтверждает факт наличия договорных отношений между перевозчиком и заказчиком. В КДПГ определен порядок разрешения споров – претензионный и/или исковый.

Особую специфику нормативного правового регулирования имеют и перевозки отдельных категорий грузов. Условия их перемещения определяются двумя основными соглашениями – Соглашение о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок (СПС/АТР) (заключено в г. Женеве 01.09.1970) и Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR) (заключено в г. Женеве 30.09.1957).

СПС устанавливает строгие требования к оборудованию, находящемуся в специальных видах автотранспорта, перевозящего скоропортящиеся пищевые продукты. Эти предписания касаются терморегуляции необходимой степени, коэффициента теплопередачи, поддержания определенного давления и влажности воздуха. В нормах ДОПОГ содержатся виды опасных грузов, которые допускаются к перевозке автомобильным транспортом при соблюдении определенных требований, а также те, транспортировка которых запрещена. Работники, участвующие в такой перевозке, должны быть заранее подготовлены к этому процессу и принятию аварийных мер в случае дорожно-транспортного происшествия.

Все из перечисленных соглашений были разработаны и вступили в силу во второй половине прошлого века. За этот период изменилась и политическая, и экономическая, и техническая сторона осуществле-

ния международных перевозок. С развитием научно-технического прогресса появились новые виды транспорта, внедряются информационные инновации, в том числе электронный документооборот. В этом аспекте применительно к международным перевозкам очень перспективной выглядит идея создания единой транспортной информационной базы данных, основанной на технологии распределенных реестров (блокчейн). Такое решение позволит в условиях реального времени отследить перемещение и передачу груза; существенно упростит таможенный и налоговый контроль, экспедиторское обслуживание и страхование и т. п. В связи с этим логичным было бы формирование унифицированного транспортного документа для всех видов транспортировки.

На наш взгляд, именно поэтому назрела необходимость систематизации международных соглашений в области всех видов трансграничных перевозок и создания единого комплексного норматива – Глобальной транспортной конвенции. Однако в условиях противостояния между ведущими странами мира и явного кризиса международного права трудно представить, что в ближайшее время подобный норматив будет разработан. Подобные соглашения возможны в рамках региональных объединений государств, например Европейского сообщества, Евразийского экономического союза, БРИКС и т. п. В последующем эти нормативные акты, равно как и наиболее удачные примеры национального законодательства, можно было бы использовать для создания общемирового соглашения о трансграничных перевозках грузов и пассажиров.

Список библиографических ссылок

1. Гречуха В. Н. Международное транспортное право: монография. М.: Юрайт, 2011. 474 с.
2. Иловайский И. Б., Гусейнов Т. А. Выбор применимого права при заключении договоров в киберпространстве: за и против // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 173–179.
3. Холопов К. В., Соколова О. В. Использование системы МДП во внешней торговле ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 8. С. 84–39.

© Иловайский И. Б., Шинкаренко А. А., 2024

Видеозапись как доказательство по гражданскому и административному делу

В гражданских и административных делах используются различные средства доказывания, причем законодатель перечисляет их в определенном иерархическом порядке, на первое место ставя устные доказательства. Видеозапись указана на предпоследнем месте в неразрывной связи с аудиозаписью (ст. 55 ГПК РФ, ст. 59 КАС РФ) [1, 2]. Трудно согласиться с такой неразрывностью, поскольку видеозапись может являться самостоятельным доказательством. Видеозапись может содержать как звук, так и только изображение.

К сожалению, ни в ст. 77 ГПК РФ, ни в ст. 76 КАС РФ не раскрывается понятие видеозаписи и не содержится развернутое пояснение, на каких носителях может содержаться такая запись, не выделяются отличительные особенности порядка и сферы использования такого доказательства.

Видеозапись – визуальная информация, в том числе содержащая звук, передающаяся на носитель с помощью видеосигнала или же цифрового потока.

Цифровой носитель – это материальный электронный носитель, который предоставляет возможность записи, хранения, чтения, воспроизведения и передачи материалов, обрабатываемых с помощью вычислительной техники.

К цифровым носителям информации можно отнести: дискеты, компакт-диски (CD), USB-накопители (флешки), цифровые многоцелевые диски (DVD), флэш-карты (карты памяти), Blu-ray диски (BD), а также программное обеспечение, веб-страницы и веб-сайты, социальные сети, цифровые данные и базы данных, электронные документы.

Чаще всего источником видеозаписи выступает видеорегистратор, установленный на автомобиле и камере наружного наблюдения, видеокамера, установленная в мобильном телефоне, реже – фото-, кино- и видеокамера.

В гражданском процессе видеозаписью могут подтверждаться такие факты, как: совершение ДТП; различные повреждения автомобилей, зданий, сооружений, их внутренней отделки; проведение собрания; нарушение трудовой дисциплины, подписание документов; продажа конкретного товара, в том числе конкретным лицом, и др.

В административных делах видеозапись может подтверждать действие/бездействие органов и должностных лиц. Например, незаконные действия/бездействие судебного пристава при проведении исполнительных действий, нарушение избирательного процесса (подготовка, подсчет голосов), сам процесс голосования, проведение митингов, пикетов и т. п.

Видеозапись является, как правило, не единственным доказательством по делу, она должна в совокупности доказывать позицию стороны и согласовываться с иными доказательствами. К любому доказательству суд применяет требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств по конкретному делу.

В подавляющем большинстве случаев суд признает видеозапись надлежащим доказательством, согласующимся с другими доказательствами. Однако встречаются случаи, когда суд указывает, что видеозапись – это ненадлежащее доказательство и отказывает в ее принятии в качестве доказательства по гражданскому/административному делу.

Например, суд не принимает видеозапись, если она прерывается, отсутствуют фрагменты записи или дублируются. Видеосъемка не дает полной картины происходящего, а только части события или части участников, к которым она относится. В решении Орехово-Зуевского городского суда Московской области указано на недопустимость видеозаписи, поскольку невозможно установить целостность и ход проведения собрания. Кроме этого, запись сопровождается криками и скандалами, которые мешают воспринять запись без искажения смысла [3].

В следующем примере видеозапись подтверждала, что собственники многоквартирного дома пришли на собрание, но его организатор (управляющая компания), по сути, его не только не проводила, но даже и не присутствовала на нем.

Видеозапись не была принята во внимание Железнодорожным районным судом г. Красноярск, «поскольку в указанный период

также проводились собрания собственников по другой повестке и собственников других адресов, и из представленной видеозаписи усматривается, что там присутствуют собственники двух домов и обсуждаются, наряду с вопросами формирования фонда капитального ремонта, безотносительно к номеру дома, также и иные вопросы, в связи с чем указанная видеозапись не подтверждает, что она была сделана именно во время, назначенное для проведения очной части собрания по обозначенной повестке дня оспариваемого общего собрания» [4].

Не всегда видеозапись может являться единственным доказательством по делу, необходимо предоставить и иные средства доказывания.

Видеозапись не была учтена Березовским районным судом, поскольку локальными нормативными актами ответчика видеозапись как учет рабочего времени не узаконена, кроме видеозаписи должны быть предоставлены иные доказательства в подтверждение своих требований в соответствии со ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя), что ответчиком сделано не было [5].

Юридическую силу видеозапись будет иметь только в том случае, если будет установлен факт подлинности самой записи.

Например, в судебном заседании по ходатайству административного истца обозревалась видеозапись совершения приставом исполнительных действий. Видеозапись произведена на личный мобильный телефон SamsungGalaxyS10 административного истца А. А. Земцева.

Изобильненский районный суд Ставропольского края [6] полагает, что представленная истцом видеозапись на телефон не отвечает требованиям относимости и допустимости доказательств, поскольку произведенная запись не сопровождается указаниями на то, где, когда, кем и при каких обстоятельствах выполнена съемка, что является необходимым в силу ч. 1 ст. 76 КАС РФ.

В другом примере административный истец хотел признать незаконным решение избирательной комиссии об итогах голосования по выборам депутатов.

Видеоматериалы истца, исследованные судом, «состоят из нескольких коротких по времени видеофайлов, содержание каждого из кото-

рых обрывочно, вследствие чего суд приходит к выводу, что они не отражают полную картину происходящего, напротив, ставят под сомнение осуществление видеозаписи именно на стадии подсчета голосов избирателей на избирательном участке».

Ссылка на то, что в свойствах видеофайла отражается информация о дате и времени видео, судом опровергнута, поскольку дата создания файла, отображенная в его свойствах, не указывает на дату самого события, зафиксированного на видео, так как вручную можно указать любую дату и время.

Более того, предложенная к исследованию видеозапись не обладает свойствами неизменности, также нет гарантии использования данного технического средства, поскольку производилась с использованием такого технического средства, как мобильный телефон.

Таким образом, представленные видеоматериалы не отвечают критерию допустимости доказательств и согласно требованиям КАС РФ не могут быть приняты в качестве доказательства по рассматриваемому делу [7].

Традиционно классификация доказательств в теории и практике сводится к делению их на устные, письменные, вещественные доказательства. К какому виду/типу доказательств относится видеозапись, законодателем не раскрывается. В связи с этим даже у суда имеются трудности с определением вида такого доказательства, как видеозапись.

Видеозапись является самостоятельным доказательством по делу, однако суд иногда смешивает средства доказывания и указывает, что она является вещественным доказательством. Такой подход суда недопустим, поскольку у вещественных и цифровых доказательств (аудио- и видеозапись) разный способ исследования.

Например, в решении Ногайского районного суда Республики Дагестан указано на то, что видеозапись событий, имевших место в день выборов, – это вещественное доказательство [8].

Так как видеозапись как доказательство содержится на цифровом носителе, такой цифровой носитель должен быть непосредственно исследован в гражданском/административном процессе и приобщен к материалам рассматриваемого дела.

Чаще всего в суде возникают следующие трудности при исследовании информации, содержащейся на цифровых носителях:

1. Цифровые носители могут быть защищены паролем или шифрованием, что может затруднить доступ к информации.

2. Информация на цифровых носителях может изменяться или удаляться с течением времени, поэтому необходима специальная методика исследования, чтобы обеспечить сохранность данных.

3. Цифровая информация может занимать большой объем памяти, и исследование ее может быть трудоемким процессом.

4. Иногда может потребоваться специализированное программное обеспечение для доступа к определенному типу данных.

5. Информация, содержащаяся на цифровых носителях, может быть защищена законом о конфиденциальности, что может затруднить доступ к ней.

В век развития высоких технологий совсем в стороне осталось регулирование видеозаписи как доказательства в гражданском процессе и административном судопроизводстве, в отличие, например, от уголовного процесса. По уголовному делу всегда назначается фонографическая экспертиза аудио-, видеозаписи, и вопросы относительно источника записи, содержания разговора и лиц, принимающих в нем участие, не ставятся под сомнение и, безусловно, принимаются судом в качестве доказательства.

Видеотехническая экспертиза по гражданским и административным делам, как правило, не проводится, однако сторона часто заявляет о сомнениях в ее подлинности. Усугубляется все тем, что первоисточник видеозаписи обычно не находится в материалах дела. То есть происходит перезапись с телефона, видеорегистратора, видеокамеры на диск или флеш-карту.

Все изложенное позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство гражданского и административного судопроизводства. Необходимо дать легальное понятие такому средству доказывания, как видеозапись, а также более подробно регламентировать порядок получения и представления такого доказательства, источника, на котором необходимо приобщать его к материалам дела, его качественные характеристики и другую заслуживающую внимания информацию.

Следует отдельно выделить доказательства, содержащиеся на цифровых носителях, причем к таким доказательствам необходимо отнести не только видеозапись, но и аудиозапись, а также иные документы

и материалы, которые являются электронными как по способу создания, так и по способу передачи от одного лица к другому. Объединение их в одну группу не только ликвидирует существующий пробел в процессуальном законодательстве, но и придаст новый импульс использованию таких доказательств в гражданском и административном судопроизводстве. Легализация таких доказательств, с одной стороны, расширяет доказательственную базу для участников процесса, с другой – регламентирует деятельность суда по собиранию, исследованию и оценке всех доказательств, в том числе «цифровых».

Список библиографических ссылок

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

3. Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25 февраля 2020 г. по делу № 2-3363/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

4. Решение Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 18 февраля 2020 г. по делу № 2-2815/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

5. Решение Березовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югра от 19 февраля 2020 г. по делу № 2-81/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

6. Решение Изобильненского районного суда Ставропольского края от 2 июля 2020 г. по делу № 2А-614/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

7. Решение Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 29 ноября 2019 г. по делу № 2А-5934/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

8. Решение Ногайского районного суда Республики Дагестан от 28 декабря 2015 г. по делу № 2А-249/2015. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

© Кайль Я. Я., 2024

Защита субъективных гражданских прав по иску прокурора в интересах неопределенного круга лиц

Защиту гражданских прав, закрепленных в нормах действующего гражданского законодательства, в последние годы нельзя признать эффективной и отвечающей потребностям граждан и юридических лиц, основанным на праве частной собственности. Как справедливо отмечает заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор П. М. Филиппов, углубление личных прав и свобод гражданина, упрочение их гарантий государство должно рассматривать как свою главную задачу [1, с. 4].

С этой целью профессор П. М. Филиппов в свои 85 лет продолжает призывать ученых-юристов изучать происходящие перемены в жизни, держать в поле зрения юридические явления и делать выводы, способные изменить современную правовую и политическую практику. Для ученых-юристов это звучит призывом глубже и конкретнее изучать правоохранительные функции государства, вопросы укрепления его правовой основы [1, с. 5].

В силу закона на прокуратуру Российской Федерации возложены обязанности по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»). В связи с этим, как нам представляется, любые требования прокурора при осуществлении возложенных на него функций должны быть законными и в высшей степени обоснованными.

Обращает на себя внимание сложившаяся в последний год практика деятельности органов прокуратуры, которые в интересах неопределенного круга лиц и России (или просто неопределенного круга лиц)

обращались с исками в суды с целью признания гражданско-правовых сделок аренды земельных участков и сделок приватизации ничтожными и получали в судах полную поддержку. Правовым основанием участия прокурора в деле является ст. 45 ГПК РФ. Согласно п. 1 указанной статьи прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина или неопределенного круга лиц.

Кроме этого, *в целях обеспечения законности прокурор по своей инициативе* или инициативе суда *может* вступать в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса *для дачи заключения о признании недействительными сделок*, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств (п. 4 ст. 45 ГПК РФ). В отношении иных гражданско-правовых сделок прокуратура таким правом не обладает.

Как известно, гражданские права защищаются в силу Конституции РФ равным образом вне зависимости от формы собственности и правового статуса субъекта права. В связи с этим интересной для научного анализа является складывающаяся судебная практика защиты прав неопределенного круга лиц по искам прокурора в Краснодарском крае, в том числе на Черноморском побережье.

В последние полтора года появилось множество судебных решений относительно признания сделок приватизации и договоров аренды земельных участков ничтожными и изъятия земельных участков и иных объектов гражданских прав в федеральную собственность. Причем иски удовлетворялись с космической скоростью, в том числе далеко за пределами установленных законом сроков исковой давности, что ставит под сомнение законность принимаемых решений.

Поскольку прокуратура проявляет интерес к защите неопределенного круга лиц, возникает необходимость уточнить статус этого непоименованного в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве субъекта правоотношений. Проблемы идентификации иска как поданного в защиту неопределенного круга лиц во многом обусловлены отсутствием понятия «неопределенный круг лиц» в российском законодательстве. В порядке толкования Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики разъяснил, что

«под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела» [2].

Вместе с тем такое толкование раскрывает лишь одно свойство «неопределенности» – невозможность определения каждого лица, чьи права предполагаются нарушенными. Вместе с тем в делах о защите неопределенного круга лиц следует исходить из того, что круг таких лиц широк и изменчив. Требование о защите прав неопределенного круга лиц направлено на защиту прав лиц, которые уже пострадали, и защиту прав тех, кто может в будущем оказаться в числе пострадавших.

Данный подход нашел свое отражение и в позиции Верховного Суда РФ в рамках рассмотрения дела № Ф64-2941/2016, который издал определение от 20 декабря 2017 г. № 310-КГ-12130, где изложил свою трактовку понятия «неопределенный круг потребителей». Понятие неопределенного круга потребителей Верховный Суд РФ предложил использовать не в значении невозможности установить число таких лиц на заданный момент, а в контексте множественности (неединичности) числа потребителей как участников рынка, чьи права и законные интересы могут быть затронуты действиями лица, занимающего доминирующее положение, исходя из характера, допущенного данным лицом злоупотребления, имеющейся у него рыночной властью и последствий таких нарушений.

Вместе с тем слово «множественный», которым оперирует Верховный Суд РФ, при грамматическом толковании используется в значениях: 1) *существующий во множестве*; 2) *в большом числе* [3]. Совершенно очевидно, что характеристика слова «множественный» не имеет ничего общего с содержанием категории «неопределенный». Слово «неопределенный» используется в следующих общеупотребительных значениях: 1) *точно не установленный*; 2) *не вполне отчетливый, неясный* [4]. Совершенно очевидно, что характеристика слова «множественный» не имеет ничего общего с содержанием категории «неопределенный». Вопреки воле законодателя Верховный Суд РФ в своем определении исказил смысл части 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции [5].

Вышеизложенное вызывает сомнение и с точки зрения обоснованности требований, заявленных прокурорами в исках в интересах неопределенного круга лиц. Они сводятся к следующему.

К примеру, попытаемся понять аргументы ОАО «Солохаульский чай» с позиции законности и обоснованности заявленных требований. Эти обоснования сводятся к следующему.

Во-первых, прокуратура утверждает, что администрация г. Сочи приняла незаконное решение, которое привело к неправомерному выбытию из государственной собственности земельного участка сельскохозяйственного назначения.

Однако факты свидетельствуют, что 25 октября 2012 г. администрация г. Сочи своим распоряжением № 3381-р о предоставлении земельного участка сельскохозяйственного назначения площадью 970 га (кадастровый номер 23:49:1000002:36) в пользование на условиях договора аренды № 4900008266, заключенного 31 октября 2012 г. между муниципальным образованием город-курорт Сочи и ОАО «Солохаульский чай», передала земельный участок арендатору на 49 лет.

Указанный договор прошел государственную регистрацию в Управлении Росреестра по Краснодарскому краю в установленном законом порядке 28 ноября 2012 г. (регистрационная запись № 83-23-46/105/2012-425). Это означает, что законность заключенной сделки не может вызывать сомнений.

Арендодатель на момент заключения договора аренды обладал законным правом муниципальной собственности в отношении предмета договора и был вправе передавать земельный участок сельскохозяйственного назначения сельхозпроизводителю в аренду. Это право в течение срока договора аренды до появления иска прокурора никем не было оспорено. Более того, оспариваемый земельный участок и ранее, в советский период, принадлежал Солохаульскому чайному совхозу на протяжении многих десятилетий, до момента его приватизации на праве бессрочного пользования, правопреемником которого стал после приватизации арендатор.

Во-вторых, истец утверждает, что арендатор допустил нарушения нормативов качества окружающей среды, которые обеспечивают благоприятные условия жизнедеятельности человека. В доказательство нарушения публичных интересов неопределенного круга

лиц прокурор приводит, с его точки зрения, неудовлетворительные результаты экономической деятельности ответчика (снижение численности работников, количества транспортных средств, отсутствие заготовки семян, сбора, хранения и реализации плодов).

Вместе с тем качество окружающей среды оценивается с помощью разработанных на научной основе норм и критериев, в том числе предельно допустимых концентраций различных веществ в природных средах; экологических критериев и индикаторов.

Способ защиты должен быть другим: требование о возмещении вреда жизни и здоровью граждан, а не изъятие земельного участка в федеральную собственность.

В-третьих, суд утверждает, что арендатор использовал земельный участок не по целевому назначению. В качестве доказательства он приводит статистику по снижению численности штатных работников ОАО «Солохаульский чай» и количеству единиц сельхозтехники, находящейся на балансе ОАО.

Между тем любой специалист подтвердит, что обработку земли и выращивание сельскохозяйственной продукции вполне могут осуществлять не менее эффективно сезонные работники по договору подряда и с привлечением сельхозтехники на праве аренды.

В исковом заявлении прокурора отсутствуют доказательства фактов неиспользования земельных участков по целевому назначению, а также фактов существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения в силу критериев, утвержденных постановлением Правительства РФ от 22 июля 2011 г. № 612 «Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения».

В-четвертых, истец утверждает, что ответчик изначально не имел намерения создать соответствующие правовые последствия в виде использования земельного участка сельскохозяйственного назначения в полном объеме по целевому назначению. На этом основании предлагает сделку признать в соответствии со ст. 168, 170 ГК РФ недействительной (ничтожной), совершенной без намерения породить правовые последствия, т. е. мнимой.

Трудно представить большую нелепицу, чем утверждение, что сельхозпроизводитель приобрел во владение и пользование землю сельхозназначения для того, чтобы на ней ничего не делать и просто платить арендную плату арендодателю в лице города Сочи.

Кроме этого, нельзя забывать, что согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки». В данном случае отсутствие каких-либо претензий со стороны прокуратуры относительно законности деятельности сторон договора аренды в течение более десяти лет дает основание полагать любым третьим лицам, что сделка была действительной.

И последнее – сроки. Дело в том, что прокуратура инициативно выступила на защиту прав неопределенного круга лиц, сроки защиты которых давно истекли. Речь идет об оспаривании решений, принятых более десяти лет назад, то есть далеко за пределами общего срока исковой давности в три года, предусмотренного п. 1 ст. 196 ГК РФ. Более того, согласно п. 2 ст. 196 ГК РФ срок исковой давности *не может превышать десять лет* со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Единственным *исключением* из такого общего правила являются случаи, установленные Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому на требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, исковая давность не распространяется.

Как известно, истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, служит основанием вынесения судом решения об отказе в иске. Истечение срока исковой давности – самостоятельное основание для отказа в иске (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и отсутствуют уважительные причины восстановления этого срока для истца – физического лица, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43) [6].

По мнению Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, прокурором в рассматриваемом деле *«защищаются нематериальные права граждан и общества в целом на благоприятную окружающую и комфортную среду обитания, достойную*

жизнь, неотъемлемой гарантией обеспечения которых выступает продовольственная безопасность страны (ст. 7, 42 Конституции РФ)». При этом в исковом заявлении не представлены доказательства, свидетельствующие о том, что арендатор своими действиями угрожает жизни и здоровью граждан, негативно воздействует на окружающую среду, создает угрозу продовольственной безопасности страны.

Становится очевидным, что оспариваемый прокуратурой договор аренды земельного участка регулирует имущественные отношения и не нарушает нематериальные блага, предусмотренные ст. 150 ГК РФ (жизнь, здоровье, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и др.). В связи с этим вызывает сомнение обоснованность применения судом ст. 208 ГК РФ, согласно которой исковая давность не распространяется на требования о защите нематериальных благ.

Список библиографических ссылок

1. Филиппов П. М. Судебная защита и правосудие в России: монография. М.: РУСАЙНС, 2023. 254 с.
2. Дулов М. О. Практика применения норм о защите неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: КОНТРАКТ, 2019.
3. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 15.09.2023).
4. Словари и энциклопедии на академике. URL: <https://academic.ru> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Азамат Жанэ. Неопределенный круг потребителей в интерпретации ФАС России и ВС РФ. URL: <https://zakon.ru> (дата обращения: 15.09.2023).
6. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 (в ред. от 22 июня 2021 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

© Камышанский В. П., 2024

Особенности оспаривания некоторых сделок в рамках процедуры несостоятельности (банкротства)

Институт оспаривания сделок должника при проведении процедуры несостоятельности (банкротства) регулируется гл. III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве), а также Гражданским кодексом Российской Федерации.

Необходимость оспаривания сделок заключается в том, что должник, имеющий признаки несостоятельности (банкротства), до возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) стремится скрыть ликвидное имущество, совершая разного рода сделки. Однако в правоприменительной практике встречаются случаи, при которых оспаривание сделки влечет за собой реабилитацию субъекта гражданского оборота либо полное удовлетворение требований кредиторов.

В пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [2] перечислены основные виды сделок (действий), которые могут быть оспорены в деле о несостоятельности (банкротстве).

Представляется, что наибольшим научным интересом обладают оспаривание действий (сделок) по выплате заработной платы и премии, а также оспаривание сделок по корпоративным основаниям.

По нашему мнению, представляется справедливым замечание А. В. Егорова, согласно которому ключевой особенностью сделок, возникающих в трудовых отношениях (выплата заработной платы) и оспариваемых по основанию неадекватного встречного предоставления, предусмотренному в п. 1 ст. 61.2. Закона о банкротстве, является трудность в сопоставлении оспариваемой сделки с аналогичной ввиду разнообразного уровня заработных плат на трудовом рынке применительно к одной должности [3].

Часто при оспаривании сделки по перечислению денежных средств в качестве выплаты заработной платы предметом спора является должностной оклад топ-менеджера (генеральный директор, его заместители и т. д.).

Так, по конкретному делу конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о признании недействительным перечисление денежных средств в пользу работника в размере 1 786 713 рублей 63 копейки и применении последствий недействительности сделки в виде взыскания в конкурсную массу должника денежных средств в указанном размере.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменений арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление конкурсного управляющего удовлетворено в полном объеме ввиду того, что в период выплаты работнику-ответчику спорных денежных средств в качестве заработной платы и выходных пособий, а также повышения его в должности, в отношении организации-должника инициирована процедура несостоятельности (банкротства).

При этом, как отмечает арбитражный суд первой инстанции, работник-ответчик, являясь советником генерального директора по экономической безопасности, а затем первым заместителем генерального директора по производству, в силу своего должностного положения не мог не знать о неудовлетворительном финансовом положении должника [4].

Помимо этого, необходимо отметить, что в силу положения, содержащегося в п. 1 ст. 65 Арбитражного кодекса Российской Федерации [5], бремя доказывания обстоятельств, влекущих недействительность сделки по основанию неравноценного встречного предоставления, возлагается на конкурсного управляющего.

Так, арбитражный суд кассационной инстанции, оставив без изменений акты арбитражных судов нижестоящих инстанций, отказал в удовлетворении заявления конкурсного управляющего о признании недействительной сделкой дополнительного соглашения к трудовому договору, по которому работник был переведен на должность директора по маркетингу в отдел руководства основного подразделения, а его должностной оклад установлен в размере 374 000 рублей в месяц.

Арбитражный суд кассационной инстанции указал, что довод конкурсного управляющего, согласно которому размер заработной платы за аналогичные должности составляет от 150 000 рублей до 250 000 рублей, является несостоятельным ввиду того, что в материалы дела не были представлены сведения из официальных источников, свидетельствующих о значительном превышении заработной платы [6].

Таким образом, подводя промежуточные итоги, можно заключить, что при оспаривании сделок по перечислению денежных средств в качестве выплаты заработной платы необходимо прежде всего учитывать не размер самой заработной платы, а реальное осуществление работником трудовой функции, предусмотренной его должностной инструкцией.

Актуальность оспаривания сделок по корпоративным основаниям заключается в том, что на текущий момент в правоприменительной практике прослеживается тенденция, признающая применение корпоративных оснований оспаривания сделок как самостоятельных оснований, стоящих в одном ряду со специальными, предусмотренными Законом о банкротстве, и общегражданскими основаниями.

Основополагающим в данном вопросе является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2019 № 305-ЭС18-22264 по делу № А41-25952/2016 [7], в котором разъяснено, что судам необходимо рассматривать требования о недействительности обеспечительных сделок по корпоративным основаниям, указанных в Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

По мнению судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, суд первой инстанции каких-либо суждений о недействительности договоров поручительства по данному основанию не привел. Суды апелляционной инстанции и округа квалифицировали все договоры поручительства как взаимосвязанные, отвечающие в совокупности количественному (стоимостному) критерию крупности, не изложив фактические обстоятельства, которые позволяли дать такую квалификацию, и не приведя мотивы, по которым были отвергнуты возражения Центробанка.

Отражение позиции судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации мы находим в актах

Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, в постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2020 по делу № А41-31167/2018 [8], в котором указано, что в результате совершения оспариваемых сделок причинен вред имущественным правам кредиторов, произошло уменьшение имущества должника, увеличение имущественных требований к должнику, а кредиторы утратили возможность получить удовлетворение части своих требований, одновременно с этим при совершении сделок с заинтересованностью не было получено одобрение.

Подводя итоги, представляется возможным сделать вывод, что расширение оснований для признания сделки недействительной в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) благотворно повлияет на возможность защиты прав и законных интересов более широкого круга лиц, которые могут обратиться с заявлением о признании сделки недействительной по корпоративным основаниям.

Таким образом, в результате настоящего исследования нами выявлено следующее.

При оспаривании сделок по перечислению денежных средств в качестве выплаты заработной платы необходимо прежде всего учитывать не размер самой заработной платы, а реальное осуществление работником трудовой функции, предусмотренной его должностной инструкцией.

Применение корпоративных оснований оспаривания сделок как самостоятельных оснований благотворно повлияет на возможность защиты прав и законных интересов более широкого круга лиц, которые могут обратиться с заявлением о признании сделки недействительной по корпоративным основаниям.

Список библиографических ссылок

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

3. Егоров А. В. Оспаривание трудовых выплат при банкротстве // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 119–140. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 07.09.2023 № Ф08-8684/2023 по делу № А32-32651/2019. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 15.08.2023).

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.03.2022 № Ф05-17806/2019 по делу № А40-108548/2018. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 15.08.2023).

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2019 № 305-ЭС18-22264 по делу № А41-25952/2016. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 15.08.2023).

8. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2020 № 10АП-23368/2019 по делу № А41-31167/2018. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 15.08.2023).

© Канцер Ю. А., Кураев Д. Д., 2024

Принцип состязательности в арбитражном процессе: некоторые проблемные вопросы

В современном российском праве принцип состязательности отнесен к числу конституционно-правовых, поскольку декларируется в качестве одного из фундаментальных принципов судопроизводства вместе с равноправием в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации.

Состязательность имеет ключевое значение для «цивилистических» процессов, в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) нормы, определяющие состязание сторон и представление ими доказательств, закреплены не только в гл. I «Основные положения», но и в иных институтах (субинститутах) арбитражного процессуального права.

Вместе с тем, несмотря на очевидную «полезность» принципа, как минимум с точки зрения снижения нагрузки на суд в части поиска и представления доказательств, реализация принципа состязательности вызывает определенные вопросы и проблемы, требующие разрешения.

В частности, в настоящее время возможно выделить проблему автономности суда и стороны при представлении доказательств в арбитражном судопроизводстве. Сущность проблемы состоит в том, что арбитражный суд может в обход действий стороны процесса самостоятельно запросить доказательства, не принимая во внимание, например, ходатайства о приобщении к делу дополнительных доказательств, ходатайства о вызове свидетелей. Например, определением судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2020 № 305-ЭС19-17404 по делу № А40-45916/2018 отменены судебные акты предыдущих инстанций из-за указанной проблемы.

Так, судами рассматривалось заявление о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации решения австрийского суда. Для исполнения решения суда необходимо было

установить наличие у должника имущества на территории Российской Федерации. Заявитель ходатайствовал об истребовании доказательств из большого количества органов власти, кредитных организаций, а также ходатайствовал о вызове свидетелей, которые могли подтвердить то обстоятельство, что должник работал на территории России и имел банковские счета (должник сам этого не отрицал).

Арбитражные суды, в свою очередь, запросили сведения только из Росреестра и МВД России (в части наличия автотранспортных средств), установив отсутствие движимого и недвижимого имущества.

Верховный Суд Российской Федерации указал на существенное нарушение норм процессуального права, поскольку арбитражные суды бездействовали, нарушая принцип состязательности сторон и не оказывая содействия в представлении доказательств.

Подобного рода проблематика наблюдается также в делах № А72-14198/2021, А35-2592/2018.

В доктрине данную проблему рассматривали в том числе Е. А. Фокин и А. И. Шайхутдинова. Комментируя вышеприведенное определение Верховного Суда Российской Федерации, авторы отметили, что в нем суд больше не устранил судебные ошибки, а оказал содействие «вовремя не сориентировавшемуся заявителю» [1].

Это, полагаем, не совсем корректно, поскольку оказание содействия в сборе доказательств исходит из принципа судейского руководства, закрепленного в ч. 3 ст. 9 АПК РФ. Решение рассматриваемой проблематики должно иметь не нормотворческий, а разъяснительный характер, поскольку действующая нормативная база создает все необходимые условия для оказания судом содействия в сборе доказательств в обеспечении реализации принципа состязательности.

В настоящее время вызывает определенного рода вопросы ч. 5 ст. 52 АПК РФ, устанавливающая, что прокурор вступает в арбитражный процесс в целях обеспечения законности.

Такие авторы, как Л. Н. Изотова, Е. Р. Ергашев и А. А. Панкова, отмечают, что данная формулировка может привести к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон [2, 3].

Подобного рода позицию авторы настоящей статьи поддерживают, поскольку в настоящее время норма носит рудиментарный характер, разрушает баланс, установленный принципом состязательности, нарушает равноправие сторон и ставит под вопрос авторитет суда (по логике законодателя арбитражный суд не всегда может обеспечить законность), в связи с чем указанную формулировку предлагают исключить.

Серьезной современной проблемой принципа состязательности в арбитражном процессе является возможность назначения арбитражным судом судебного штрафа за непредставление доказательств. Проблему ранее отмечали Е. М. Стрюкова и И. В. Степаненко [4, 5].

Сущность проблемы состоит в том, что представление доказательств по ч. 3 ст. 9 АПК РФ – это не обязанность стороны, а гарантирующее право (далее по тексту речь идет про представление дополнительных доказательств). Системный анализ норм в ст. 65 и 66 АПК РФ позволяет заключить, что лицо должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается. Здесь важно отметить, что представление доказательств и обязанность доказывания, учитывая принцип диспозитивности и возможность самостоятельного определения границ своего участия в деле, – разные категории. По смыслу норм ст. 66 АПК РФ арбитражный суд вправе у любых лиц истребовать доказательства, за неисполнение обязанности по представлению доказательств арбитражный суд может назначить судебный штраф.

Однако проблемы вызывают случаи назначения судебных штрафов лицам, участвующим в деле, у которых, по смыслу норм АПК РФ, нет конкретной обязанности по представлению дополнительных доказательств. Полагается, что в случае непредставления доказательств другой стороной достаточно применять презумпцию истинности неоспоренных фактов, разъясняя правовые последствия п. 3.1 ст. 70 АПК РФ, или, например, отнести судебные расходы на участника, не представившего доказательства (ч. 2 ст. 111 АПК РФ). В отношении же лиц, не являющихся участниками процесса и не предоставивших запрашиваемые сведения, применение судебного штрафа является, полагаем, справедливым.

Третий арбитражный апелляционный суд в 2017–2018 гг. попытался изменить судебную практику, не позволяя назначать судебные штрафы участникам процесса за непредставление доказательств (например, дела № А33-17707/2017, А33-12583/2017, А33-21375/2017, А33-2133/2017).

Вместе с тем подобная судебная практика не является устоявшейся и общепринятой, необходимо нормативное закрепление ее результатов (в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» лишь в общих чертах разъяснено, что назначение судебного штрафа за непредставление доказательств возможно, запрета на назначение штрафа сторонам нет).

Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.07.2023 № Ф08-6958/2023 по делу № А32-31548/2022, например, отменен судебный акт, которым ранее был назначен судебный штраф как истцу, так и ответчику за то, что они не обеспечили явку на осмотр. Суд пояснил, что по АПК РФ можно назначить участнику процесса судебный штраф лишь за неуважение суду, но не за непредставление доказательств. Невыполнение стороной процессуальной обязанности по представлению дополнительных доказательств не является неуважением к суду (это влечет негативные последствия для самой стороны, назначение судебного штрафа необоснованно).

Вместе с тем, полагаем, что в целях обеспечения реализации принципа состязательности необходимо установить четкий нормативный запрет на назначение судебных штрафов за непредставление дополнительных доказательств лицам, участвующим в деле.

Таким образом, по итогам проведенного исследования возможно сделать заключение о наличии некоторых проблем, которые необходимо разрешить для успешной реализации принципа состязательности в арбитражном процессе.

Список библиографических ссылок

1. Фокин Е. А., Шайхутдинова А. И. Последующий судебный контроль иностранных судебных решений, не требующих принудительного исполнения. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25.06.2020 № 305-ЭС19-24914 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 4–16.

2. Изотова Л. Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2013. № 40. С. 3.

3. Ергашев Е. Р., Панкова А. А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 2. С. 53–60.

4. Стрюкова Е. М. Анализ проблемных аспектов действия принципа состязательности сторон в арбитражном процессе // Форум молодых ученых. 2018. № 12–3 (28). С. 1473–1478.

5. Степаненко И. В. К вопросу о наложении судебного штрафа на сторону в арбитражном процессе с учетом принципа состязательности // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 19–23.

© Канцер Ю. А., Туров Г. С., 2024

Н. И. Костюченко

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

А. И. Мелихов

Волгоградская академия МВД России

Проблемы применения системы «Антиплагиат» к современным научным исследованиям в области юриспруденции

В настоящее время в сфере научной и учебной деятельности существует порядок (процедура) проверки текстов подготовленных научных работ (статей, выступлений на конференциях, монографий, учебников, выпускных квалификационных работ и т. д.) на отсутствие «плагиата».

Такие проверки подготовленных научных материалов, безусловно, необходимы и целесообразны, поскольку заимствование и присвоение чужих научных идей и разработок недопустимо.

Для автоматизации проведения таких проверок был создан программный комплекс «Антиплагиат (обнаружение заимствований)», который позволял в кратчайшие сроки осуществлять проверки в условиях сравнения текста научной работы с большими объемами ранее изданных научных материалов. При этом предполагалось, что такие проверки не будут зависеть от личности проверяющего и в силу этого будут более объективны.

Однако многолетняя практика проверок научных работ на наличие плагиата показала, что созданная система «Антиплагиат» наряду с существенными достоинствами имеет ряд недостатков, причем довольно серьезных. Основные причины их возникновения обусловлены неполностью проработанными критериями для элементов «системы плагиат», на основе которых в автоматизированном режиме формируется вывод об «оригинальности текста».

Например, при проверке текстов на «заимствование» в большинстве случаев фиксируются совпадения общепринятых выражений, существующих в той или иной научной сфере. Однако без использования таких словосочетаний вряд ли возможно подготовить текст

научной работы, а эти общепринятые выражения и словосочетания, по сути, не имеют ничего общего с «плагиатом».

Как следствие, недостаточно отработанные критерии выявления «плагиата» и «заимствований» (совпадений) привели к необоснованному снижению показателя «оригинальности» текста научных работ. Это в свою очередь привело к появлению еще одной научной проблемы.

Желание некоторых авторов любой ценой повысить оригинальность текста подготовленной работы до уровня, установленного издателем, привело к многочисленным случаям введения новых понятий для явлений, которые уже были определены ранее, а также «привлечения» понятийного аппарата относительно рассматриваемых проблем, существующего в других странах.

В итоге во многих научных сферах стали возникать ситуации в части неоднозначности терминологии и полифонии научных понятий, что, безусловно, недопустимо.

Наиболее характерным примером такой ситуации является замена понятий: «управление» и «государственное управление» на понятие «менеджмент»; «государственное управление» на «государственное и муниципальное управление» и «административное управление».

Для того чтобы определить пути разрешения озвученных проблем, в первую очередь необходимо обратиться к критериям, которые существуют в автоматизированной системе проверок «Антиплагиат».

При использовании этого программного комплекса проверка представляемого документа осуществляется по четырем оценочным критериям: заимствования (совпадения), самоцитирования, цитирования и оригинальность.

Определение этих понятий было закреплено в положении о программном комплексе и включается в содержание каждого отчета о проверке.

Одновременно в отчете о проверке приводилось разъяснение, что система «Антиплагиат» «является вспомогательным инструментом», а определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

Как правило, перечисленные критерии закреплялись и в нормативных документах научных и учебных заведений (приказах, положениях,

инструкциях), которые регламентировали процесс осуществления проверок научных работ, подготовленных их сотрудниками, на «Антиплагиате». В ряде случаев эти критерии имели некоторые несущественные различия.

Другими словами, авторы программного комплекса «Антиплагиат (обнаружение заимствований)» констатировали, что «выводы» системы не носят однозначного характера. При этом они, по сути, предлагали возложить принятие окончательных решений относительно наличия «плагиата» на лиц, осуществляющих проверку. Однако это «замечание» остается без внимания проверяющих и издателей до настоящего времени.

В результате в практике использования системы «Антиплагиат» возникла проблема определения «истинной» оригинальности представляемых на проверку научных документов.

Большинство издателей на первоначальных этапах использования системы «Антиплагиат» определили допустимый процент «оригинальности» научных работ на уровне 70–80 %. Однако, как свидетельствует практика этой деятельности, по мере «расширения» проверочной базы данных этот показатель издатели вынуждены были снизить, поскольку данный уровень оказался слишком завышенным. Причем в некоторых случаях даже этот уровень оригинальности все равно был недостижимым.

Характерным примером, подтверждающим последний тезис, являются проверки на антиплагиат таких научных работ, как монографии, учебники, учебные пособия, выпускные квалификационные работы, для которых этот «уровень оригинальности» вообще не может быть достигнут.

Например, такие обязательные разделы этих научных работ, как «исторический аспект», «анализ научной литературы», мнения разных авторов относительно понятий и определений и т. д., могут содержать оригинальный текст только в выводах по разделам. Кроме того, в учебниках, как правило, приводятся определения и понятия, которые формировались в разных научных работах. При этом под критерий «текстовые пересечения» стали попадать: списки использованной литературы; данные на авторов, представляющих на проверку свою научную работу; аннотации; ключевые слова; атрибуты

подписей и другие реквизиты научных работ. В итоге установленный процент оригинальности снижался, причем существенным образом.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что с течением времени издатели были вынуждены «снизить» минимальный уровень оригинальности до 60 и даже 50 %, а авторы – предпринимать попытки замены используемого понятийного аппарата, речь о чем пойдет ниже.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно говорить о наличии объективно существующих проблем, связанных с критериями проверки авторских работ в системе «Антиплагиат».

Причины сложившейся ситуации обусловлены недостаточно корректным определением понятия «элементы системы проверки», которые имеют место в электронной системе «Антиплагиат» и в нормативных документах учебных и научных учреждений, регламентирующих порядок проверочной деятельности.

Для автоматизации проверок научных работ на наличие «плагиата» – незаконные заимствования – были созданы программные средства, в частности «Антиплагиат (обнаружение заимствований)» (<http://ап//креду.ап.мвд.рф>). Однако в повседневной научной деятельности практика реализации автоматизированного выявления «плагиата» показала, что процесс функционирования системы «Антиплагиат» недостаточно проработан в части определения оценочных критериев. Это и привело к возникновению ряда упомянутых выше проблем. Например, автоматизированное сравнение текстов, существующих научных и учебных работ с текстом научной работы, представляемой автором, осуществляется только на основе выявления фактов простого совпадения отдельных фраз, предложений и терминов, что не в полной мере отражало наличие «плагиата». Поэтому, рассмотрев понятие «плагиат», необходимо обратиться и к другим элементам системы проверки на антиплагиат, которыми на основе установленных, по общему мнению, критериев являются заимствование, самоцитирование, цитирование и оригинальность и которые имеют непосредственное отношение к выявлению фактов «плагиата».

Текстовые фрагменты научных работ, попадающие под эти критерии, находят свое выражение в процентном соотношении всего проверяемого текста и фрагментов текста, зафиксированных по указанным

критериям. При этом объем всей научной работы принимается за 100 %, а доля, приходящаяся на каждый элемент, определяется автоматизированной системой. В результате оригинальность (в процентном соотношении) составляет разницу между объемом всей работы и объемом элементов: заимствования, самоцитирования и цитирования.

Таким образом, подводя итог рассмотрению проблемы проверки научных работ «на заимствования» как проблемы научной деятельности в части возникновения полифонии научной терминологии, можно констатировать следующее:

- программный комплекс – «Антиплагтат (обнаружение заимствований)» в настоящее время не может обеспечивать полноценную проверку научных материалов на предмет исследования наличия плагиата и нуждается в доработке;

- эта проблема приводит к попыткам «повышения» оригинальности проверяемых работ и, как следствие, к возникновению неоднозначности понятийного аппарата и полифонии научных мнений, что привело к необоснованной переработке научной и учебной литературы.

© Костюченко Н. И., Мелихов А. И., 2024

Понятие преимущественного права в гражданском законодательстве

В современном механизме гражданско-правового регулирования значительную роль играет социально-философская категория «равенство», отражающая отношения между субъектами общественных отношений. Равенство проявляется в одинаковости субъектов, их взаимном соответствии в определенных условиях. Законодатель использует производные от данной категории понятия для формулирования важнейших принципов гражданского права и ключевых правовых норм. В частности, в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляется принцип равенства участников гражданских правоотношений. Статья 2 ГК РФ рассматривает равенство участников регулируемых отношений как основной признак предмета гражданского права. Статья 18 ГК РФ гарантирует признание «в равной мере за всеми гражданами» способности иметь гражданские права и нести обязанности.

Однако для правовой охраны некоторых правомерных интересов субъектов гражданского оборота законодатель иногда использует специфическую правовую конструкцию – преимущественные права. Наделяя отдельных участников гражданских правоотношений такими правами, законодатель обеспечивает их определенным юридическим превосходством над другими субъектами гражданского оборота в части реализации некоторых имущественных прав. Самым ярким примером преимущественных прав является преимущественное право на приобретение доли в праве общей долевой собственности, предусмотренное ст. 250 ГК РФ. Признав значимость интереса собственников в приращении своих долей, законодатель наделил их приоритетной перед иными лицами возможностью приобрести отчуждаемую другим собственником долю.

Обладая несвойственным для субъективных гражданских прав предназначением, преимущественные права вызывают многочисленные дискуссии в науке гражданского права. Отсутствие единства

мнений о правовой природе этих прав, основаниях их возникновения, осуществления и защиты определяет актуальность тематики.

Начиная исследование преимущественных прав в гражданском праве, автор столкнулся с проблемой отсутствия в доктрине устоявшихся представлений о понятии данной юридической категории и ее признаках. Термин «преимущественное право» используется в гражданском законодательстве, но общее определение данного понятия в нормативных правовых актах отсутствует. Большинство научных работ о преимущественных правах, как правило, посвящены конкретным видам преимущественных прав, поэтому авторы зачастую не обращаются к вопросу о том, что такое преимущественное право и какова его правовая природа. Например, В. С. Ем, говоря о преимущественных правах, аккуратно отмечает «своеобразие» этих прав, которое выражается в том, что они «выходят за рамки принципа равенства субъектов гражданских правоотношений», «могут возникнуть только в случаях, предусмотренных законом» и «носят исключительный характер» [1].

Отсутствие единого подхода к определению преимущественного права, его содержанию и применяемым мерам защиты приводит к разногласиям, существующим как в юридической теории, так и в судебной практике. Среди правоведов можно встретить как утверждения о существовании преимущественных прав в виде самостоятельной группы субъективных прав, так и сомнения в необходимости выделения преимущественных прав как таковых в отдельную группу субъективных прав [2].

Считаем, что следует согласиться с мнением о специфичности преимущественных прав по отношению к традиционным субъективным правам. Своеобразие преимущественных прав проявляется в особенностях содержания и оснований возникновения, способах осуществления и защиты. Перечисленные индивидуальные свойства не позволяют четко отнести данные субъективные права к другим известным группам гражданских прав. В отечественной цивилистической науке потребность в доктринальном обособлении преимущественных прав одним из первых обосновал В. П. Грибанов, который утверждал: «Под преимущественными правами в советском гражданском праве понимают такие случаи, когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками» [3].

В качестве ориентира для определения правовой природы преимущественных прав будем использовать определение, предложенное Е. В. Волковой: «Преимущественное право представляет собой основанное на законе субъективное гражданское право, содержание которого заключается в обеспеченной законом возможности приоритетного по отношению к третьим лицам права на совершение управомоченным лицом по своему усмотрению сделок» [4].

Определение, предложенное Е. В. Волковой, на наш взгляд, включает почти все существенные признаки преимущественного права: во-первых, преимущественное право признается за участниками гражданских правоотношений, обладающих определенным юридически значимым интересом; во-вторых, преимущественные права всегда носят относительный характер, поскольку в правоотношении, в котором реализуется приоритет, всегда есть лицо, действия которого обеспечивают осуществление преимущественного права; в-третьих, преимущественное право устанавливается гражданским законодательством, поскольку предусмотренные соглашением участников гражданских правоотношений взаимные «привилегии» не будут распространяться на третьих лиц и выполнять функции преимущественного права; в-четвертых, содержание преимущественного права составляет возможность совершать определенные сделки.

Дополнительно можно отметить, что предусмотренные гражданским законодательством преимущественные права носят, как правило, срочный характер, поскольку так или иначе всегда связаны с определенными временными отрезками. К примеру, предусмотренное для собственников преимущественное право покупки доли в праве общей собственности ограничено месяцем (для покупки доли в праве собственности на недвижимое имущество) или десятью днями (для движимого имущества) со дня извещения о намерении продать долю. Преимущественное право арендатора, надлежаще исполнившего свои обязательства, на заключение договора аренды на новый срок связано с установленными законом сроками на волеизъявление арендатора и на заявление требования о переводе на себя условий договора, заключенного с третьим лицом. Хотя законодатель прямо не установил сроки действия преимущественных прав наследника на получение в счет своей доли определенного имущества из состава наследства (ст. 1168, 1169, 1178 ГК РФ), очевидно, что они должны

быть осуществлены в течение времени, отведенного законом на принятие наследства.

Таким образом, преимущественное право – это действующая в течение предусмотренного законом срока юридически обеспеченная приоритетная по отношению к третьим лицам возможность совершать определенные сделки.

В заключение хотелось бы отметить, что предлагаемое определение не претендует на универсальность и охватывает только преимущественные права, предусмотренные гражданским законодательством. К примеру, предусмотренное Семейным кодексом Российской Федерации преимущественное право родителей на обучение и воспитание своих детей явно не соответствует большинству установленных выше признаков преимущественного права: оно носит бессрочный и абсолютный характер и имеет иное содержание.

Список библиографических ссылок

1. Гражданское право: учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер. 2004. Т. 1. С. 135.

2. Пивовар Р. Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав (серия «Классика российской цивилистики»). М.: Статут, 2000. С. 294–295.

4. Волкова Е. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением преимущественных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 7.

© Котельников Н. В., 2024

**Правовая политика советского государства
в становлении и развитии корпоративных объединений
с участием иностранного капитала в 20-х гг. XX в.**

В период проводимой в 20 гг. XX в. советским правительством новой экономической политики большая роль отводилась смешанным обществам, в образовании капитала и в управлении делами которых принимали участие предприниматели, государство – в лице своих центральных и местных органов.

Идея подобных обществ была предложена германскими предпринимателями, которые не решались вложить свои денежные средства в чисто концессионные предприятия. Ими было предложено Наркомату внешней торговли РСФСР создать смешанные общества с их участием. Данный правительственный орган воспользовался предоставленной ему возможностью привлечения иностранного капитала в более эластичной форме [1, с. 26].

26 декабря 1921 г. IX съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение об организации смешанных обществ, участие в деятельности которых осуществлял Наркомат внешней торговли для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их за границу и ввоза в Советскую Россию необходимых ей продуктов. Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР 13 марта 1922 г. поручил Наркомату внешней торговли РСФСР создание смешанных обществ не только с целью ведения торговли, но и для производства товаров на экспорт. Использование иностранного капитала в этом направлении признавалось более «важным по сравнению с простым вывозом необработанного сырья» [2, с. 71–72].

ВСНХ РСФСР совместно с Народным комиссариатом внешней торговли принял участие в организации первого смешанного общества с русским домицилем (постоянным пребыванием в РСФСР). Это было акционерное общество «Кожсырье», утвержденное 1 февраля 1922 г. и позднее превратившееся в чисто государственное предприятие [3, с. 62].

В уставах многих предприятий специально оговаривалась допустимость привлечения частного или кооперативного капитала, что тем самым открывало для них возможность превращения в любой момент в смешанные общества.

Смешанные общества организовывались в форме паевых товариществ, включая акционерные общества, в порядке ст. 322–366 Гражданского кодекса РСФСР, если они создавались на территории Республики Советов, либо на основе Декрета о главном Концессионном комитете при СНК СССР от 21 августа 1923 г., если они учреждались за границей, но с целью участия на территории СССР.

Уставы смешанных обществ утверждались Советом Народных Комиссаров. Смешанные общества и товарищества, организуемые по законам иностранных государств, допускались к торговым операциям в СССР также лишь с разрешения Совета народных комиссаров либо по соглашению Главного концессионного комитета с Комиссариатом внутренней и Комиссариатом внешней торговли. Разрешения на производственные или импортно-экспортные операции выдавались иностранным смешанным обществам в общеконцессионном порядке. Равным образом и советские смешанные общества, организуемые для эксплуатации промышленных предприятий с числом рабочих свыше определенной нормы или для производства импортно-экспортных операций, должны были получать Концессию в общем порядке; простого утверждения их устава правительством было недостаточно.

Иностранные предприниматели, желающие принять участие в совместном предприятии, могли обращаться со своими предложениями как в Концессионные комиссии при Берлинском и Лондонском торговых представительствах, так и непосредственно в Главный концессионный комитет [4, с. 46–47].

Юридический статус смешанных обществ, образованных по советскому законодательству, определялся ст. 318–366 Гражданского кодекса РСФСР, акционерными законами, а также их уставами, учредительным и концессионным договорами. В обществах, в которых частный капитал принимал участие с самого начала, правительство обычно оставляло за собой лишь 50 % акций. Напротив, в подавляющем большинстве обществ, учредителями которых были лишь государственные органы и предприятия, но чьи уставы предусматривали

привлечение частного капитала, за правительством закреплялось не менее 60 % и более акций. Нередко уставы ограничивали свободное обращение как частных, так и правительственных акций. Правительственные акции либо распределялись между несколькими заинтересованными ведомствами, причем некоторые уставы особо оговаривали минимальное количество акций (25 или 50 %) для определенного комиссариата (например, наркомата внешней торговли СССР) [5, с. 142].

Национализированное предприятие и иное имущество, изъятое из гражданского оборота (например, земля), могли быть переданы обществу в концессионном порядке только в долгосрочное пользование.

Некоторые уставы предусматривали безвозмездную передачу правительству известного числа акций (25, 50 или даже 60 %), другие же требовали оплаты правительственных акций лишь в размере 20 %, но с тем условием, чтобы оставшаяся часть – 80 % – пополнилась за счет прибыли общества. Данные льготы предоставлялись смешанным обществам за выгодные условия концессии.

Смешанные общества управлялись, как правило, на паритетных началах, однако советское правительство оставляло за собой приоритет в решении спорных вопросов. Уставы оговаривали, что при решении дел в правлении обязательно присутствие хотя бы одного из представителей правительственного органа.

Уставы ряда смешанных обществ предоставляли правительству преимущественное право на приобретение имущества общества в случае его ликвидации.

Спорным оставался вопрос о частноправовой или публично-правовой природе смешанных обществ.

Этим колебаниям предполагалось положить конец изданием Торгового Свода СССР, выработанного Комиссией по внутренней торговле при Совете труда и обороны СССР. Данный проект предусматривал три вида акционерных обществ:

- 1) общества, по уставам которых обязательно было участие исключительно государственного капитала;
- 2) общества, по уставам которых обязательно было участие как государственного, так и частного капитала;

3) общества, по уставам которых, наряду с обязательным участием государственного капитала, допускалось участие и частного капитала.

Первые носили исключительно публично-правовой характер. Вторые рассматривались как частноправовые торговые предприятия. Третья группа обществ приравнивалась к первой или второй – в зависимости от того, участвует ли фактически в данном обществе, наряду с государственным, также и частный капитал. Моментом, с которого общество относится к той или другой категории, признается момент регистрации общества. Что же касается обществ, уставы которых не предусматривали обязательного участия государственного капитала, то проект подчинял их всецело ст. 322–366 ГК РСФСР и рассматривал «как частноправовые торговые предприятия», каков бы ни был фактический состав их акционеров [6].

Список библиографических ссылок

1. Бутковский В. П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.: Гос. изд-во, 1928. 123 с.

2. Зворыкина Ю. В. Организационно-экономический механизм управления концессиями в России. М.: Высш. шк., 2003. 220 с.

3. Красильникова Т. К. Законодательное регулирование статуса совместных предприятий в СССР // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 61–67.

4. Данильченко С. Л. Смешанные общества и советская внешняя торговля в условиях нэпа // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 10. С. 45–50.

5. Лисовская Е. Г. Концессии и формирование советской экономики. М.: Палеотип, 2006. 220 с.

6. Юридическое совещание при Отделе смешанных обществ Народного комиссариата внешней торговли // Внешняя торговля. 1923. № 23. С. 26–27.

© Красильникова Т. К., 2024

А. И. Мелихов
Волгоградская академия МВД России
Г. С. Працко
Донской государственный технический университет
Т. И. Андрющенко
Волгоградская академия МВД России

Понятия «безопасность» и «защищенность» в современной теории национальной безопасности

Безопасность является моделью, или стратегией, выживания, при которой происходит самостоятельное удовлетворение витальных потребностей самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства сущности субъекта в его бесконечном бытии, т. е. в настоящем, прошлом и будущем, вне зависимости от изменения свойств самого субъекта и окружающего его мира и проявления этих свойств. Безопасность есть преодоление зависимости выживания сущности организма от внешних свойств окружающего мира и его внутренних изменений.

Многие специалисты, занимающиеся теорией управления, относят безопасность к объективно необходимым функциям всех социальных систем, в том числе и государства [1–4], где ее осуществляют полиция и различные разведывательные и контрразведывательные службы. Они исходят из того, что состояние безопасности есть проявление объективной природы социальных систем как их способности сохранять устойчивость, т. е. все необходимые для своей жизнедеятельности качества при различных отрицательных воздействиях. Безопасность в этом случае понимается как определенное свойство системы, возникающее в результате саморегулирования или самоорганизации системы. В государственно-правовом измерении свойство государства обеспечивать свою безопасность и независимость получило название суверенитета.

Выживание требует крайней степени прагматизма субъекта безопасности по отношению к окружающему миру, рассмотрения его либо как опасности, либо как средства и условия своего выживания,

что является важным методологическим аспектом безопасности как стратегии жизнедеятельности системы в целом [5–7]. Есть две стратегии выживания – индивидуальная и коллективная. Индивидуальная построена на эгоизме как принципе поведения. В коллективной стратегии выживания совмещены альтруистические и эгоистические принципы поведения. По умолчанию все свойства окружающего мира считаются опасными, пока не будет установлено иное.

Важнейшей особенностью управления безопасностью является тот факт, что ее субъект и основной объект обеспечения всегда совпадают, поскольку речь в данном случае идет о государстве как самодостаточном и суверенном субъекте. При других моделях выживания, например защищенности, объект защиты и ее субъект различаются, поскольку субъектом защиты, как правило, выступают силы и средства безопасности, обеспеченные теми субъектами, которые им обладают, т. е. при привлечении сторонних сил и средств понятия субъекта обеспечения безопасности и ее сил и средств обеспечения будут различаться, не совпадать.

В связи с этим уточним понятие «субъект безопасности». Поскольку безопасность означает самостоятельность выживания, то субъект безопасности является и главным объектом обеспечения безопасности.

Индивидуальная безопасность – это модель выживания, в которой объект обеспечения безопасности и субъект безопасности, а также силы и средства обеспечения безопасности совпадают. Образно данную модель можно назвать «Каждый сам за себя».

При изменении окружающего мира, потере собственных полезных свойств в результате отражения внешних и внутренних угроз вызов безопасности субъекта формируется как такая угроза (проявление опасных свойств), при которой он рискует потерять свою субъектность, т. е. превратиться в средство обеспечения своей безопасности. Поэтому на вызов угрозы своей безопасности субъект должен ответить либо изменением своих свойств, которые могут подтвердить его субъектность и тем самым обеспечить собственную безопасность, либо перейти к модели обеспечения коллективной безопасности.

Существуя в естественных природных условиях, человек может самостоятельно удовлетворить только часть своих витальных потребностей, поскольку в плане своего бытия он не является самодостаточным, ему необходимо вступить во взаимодействие с себе подобными

для своего воспроизводства в будущем. Самовоспроизводиться одному невозможно. Это обусловило коллективную форму существования человека как феномена. Более того, согласно последним изысканиям биологов естественный отбор происходил не на уровне индивида, а на уровне рода или племени. При этом коллективная форма существования свойственна людям не из-за тесного родства, не из-за реципрокности, не из-за нравственного воспитания, а из объективной необходимости «группового отбора»: сотрудничающие группы преуспевают, а эгоистичные – нет [8]. Поэтому «племя, заключающее в себе большое число лиц, наделенных высокоразвитыми чувствами патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим, – т. е. тех, кто всегда готов помогать другим и жертвовать собой для общей пользы, – должно одержать верх над большинством других племен. Это будет естественным отбором» [9]. Для человека свойственна именно коллективная форма выживания, а следовательно, и коллективная модель обеспечения безопасности, поскольку ни один «орган» нашего условного тела не может существовать вне системы всего «тела». В коллективной модели безопасности риски как трудозатраты на обеспечение витальных потребностей делятся среди всех участников, повышая вероятность их выживания.

В модели коллективного выживания, помимо главного субъекта-объекта обеспечения безопасности, существует актуальный оперативный объект обеспечения безопасности – это объект, субъект или процесс, который в зависимости от конкретных обстоятельств обладает наиболее перспективными возможностями (набором полезных свойств) обеспечения своего выживания и существования своих сил и средств. Они меняются в зависимости от изменения внутренних свойств субъекта и объекта безопасности и внешних свойств окружающего мира. Например, подводная лодка является объектом обеспечения безопасности на глубине, поскольку ее выживание обеспечивает существование и выживание ее экипажа, который в экстремальных природных условиях является и субъектом, и объектом обеспечения безопасности. В свою очередь, процесс подачи кислорода в легшую на дно подводную лодку также является объектом обеспечения безопасности, поскольку только это делает возможным выживание экипажа и сохранение подводной лодки как боевой единицы.

Исходя из этого, индивиды вынуждены переходить к коллективной модели выживания или обеспечения безопасности. Не будучи самодостаточными в этом отношении, они объединяют свои усилия и индивидуальные качества, образуя актуальный для окружающего мира самодостаточный объект безопасности, в котором несамодостаточные индивидуальные субъекты, объединяя усилия, изобретают силы и средства обеспечения безопасности и получают необходимую защиту и охрану со стороны нового коллективного субъекта, что обеспечивает их существование и повышает возможности их выживания. При этом происходит выделение защиты и охраны в особую подсистему безопасности со специальным субъектом, не совпадающим с объектом.

Другими словами, существуют модели безопасности, в которых выживание коллективного объекта обеспечивается не за счет защиты и охраны внутренних сил и средств его безопасности, а за счет внешних сил – ЧВК, военных блоков и т. п. Однако в данном случае необходимо различать процессы обеспечения безопасности за счет использования полезных свойств окружающего мира (например, использование ЧВК для сбережения собственного населения) и существование несамодостаточного субъекта, который, используя чужие силы и средства для своего выживания, рано или поздно станет частью коллективного субъекта, чьими силами и средствами он пользуется, что ярко демонстрирует судьба марионеточных европейских государств, состоящих в блоке НАТО.

В настоящее время иллюзия самодостаточности и самостоятельного удовлетворения человеком его витальных потребностей, вне зависимости от общества и государства как коллективных форм его бытия, создается пропагандой геополитических соперников российского государства. В таких условиях попытки рассматривать, изучать, а тем более обеспечивать в практической деятельности безопасность общества, личности и государства отдельно друг от друга, как неких самостоятельных явлений или институтов, являются тупиковыми. Человек, общество и государство по отдельности в настоящее время не являются жизнеспособными субъектами безопасности как модели выживания.

Единственным актуальным в настоящее время коллективным образованием, способным к обеспечению безопасности в нашей

стране, является многонациональный народ Российской Федерации, обладающий собственной государственной формой. Внутренние структурные образования на территории нашей страны – субъекты Федерации, муниципальные образования, граждане и их объединения и т. п. – сделать это не в состоянии. Все они являются лишь правовыми формами существования многонационального народа России и одновременно силами и средствами обеспечения его безопасности. В отношении этих сил и средств следует применять термины «защита» или «охрана». Для обозначения сил как одушевленных объектов, обладающих право- и дееспособностью, – «защита», а для средств обеспечения безопасности как неодушевленным объектам или процессам – «охрана». В совокупности защита и охрана создают состояние защищенности личности, общества и государства, достигающееся за счет их совместной деятельности по обеспечению безопасности многонационального народа России.

Таким образом, в представленной нами теории безопасности защищенность – это субъективное понятие, означающее удовлетворенность результатами оценки и поддержания состояния самостоятельного удовлетворения витальных потребностей многонационального народа Российской Федерации и его выживания, поскольку человек чувствует себя защищенным, когда над ним есть «зонтик ядерной защиты», обеспечиваются правопорядок и получение продуктов совместного труда, которые в отдельности друг от друга человек, общество и государство обеспечить не могут. Чувство защищенности (психологической безопасности личности) возникает, когда человек сознательно, сохраняя ответственность, воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного равновесия и гармоничного развития.

Список библиографических ссылок

1. Костюченко Н. И. Социальное явление «безопасность» как элемент, общая функция социальных систем и подсистемы национальной безопасности государства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 206–210.

2. Лысенко С. А. Теория управления безопасностью социальных систем (организаций): курс лекций. Киев: ДП. «Изд. дом «Персонал», 2014. С. 116–123.

3. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2006. С. 43.
4. Файоль А. Общее и промышленное управление: доклад. М., 1923. С. 10–21.
5. Лингарт И. Американский прагматизм. М.: Изд. иностр. лит., 1954.
6. Джеймс У. Воля к вере / сост. А. В. Блинников, А. П. Поляков. М.: Республика, 1997.
7. Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.
8. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо., 2013. 336 с.
9. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. Т. 5. С. 244.

© Мелихов А. И., Працко Г. С.,
Андрющенко Т. И., 2024

М. А. Меркулова
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель:
В. А. Усанова
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Обстоятельства непреодолимой силы и смежные понятия: схожесть и различия

События последних трех лет в России детерминируют возрастание риска обеспечения стабильности делового оборота, поскольку наблюдается значительное воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств на процесс осуществления предпринимательской деятельности, в силу которых надлежащее исполнение возложенных обязательств становится невозможным. Указанные обстоятельства определяются гражданским законодательством как непреодолимая сила.

Общий характер положений, регулирующих отношения в сфере обстоятельств непреодолимой силы, обуславливает многочисленные теоретические вопросы, а также порождает возникновение неоднозначности судебной практики. В частности, имеются многочисленные дискуссии по поводу сравнения феномена непреодолимой силы с форс-мажором и случаем (казусом).

Определяя обстоятельства непреодолимой силы как основание освобождения от ответственности, законодатель ограничивается лишь перечислением их признаков. Так, согласно п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, если на то повлияли обстоятельства, обладающие чрезвычайным и непредотвратимым характером [1].

При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» от 24.03.2016 № 7 разъясняется, что под чрезвычайностью следует понимать «исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях» [2].

Вместе с тем заметим, что некоторые правоведы отмечают недостаточность имеющегося разъяснения, в силу чего до сих пор нет единого представления об этом признаке [3, с. 103]. С подобным замечанием трудно не согласиться, так как действительно отсутствует полноценная конкретизация: не все «необычные» явления обладают признаком чрезвычайности, присущим именно непреодолимой силе. Как считает Н. П. Коршунова, указанный критерий представляет собой «нечто необычное, то, что не могло быть учтено лицом ни при каких обстоятельствах, что не относится к жизненному риску и выходит за пределы нормального» [4, с. 81]. Однако, на наш взгляд, такая интерпретация еще сложнее, так как непонятно, что следует подразумевать под «нечто необычным» и что включает в себя «жизненный риск». Более правильной, полагаем, является позиция К. С. Деревцовой и О. С. Макаровой, по мнению которых при подтверждении чрезвычайности важно учитывать ее непредсказуемость, поскольку изначально такое обстоятельство никак не может быть реально предусмотрено [5, с. 76]. С нашей точки зрения, допущение какой-либо возможности предвидения характерно для предпринимательского риска, а значит, рушит всю концепцию о непреодолимой силе и тем самым подвергает сомнению ее значимость как обстоятельства, исключающего ответственность. Возникновение обстоятельства непреодолимой силы нельзя заранее предвидеть и ожидать в силу исключительного характера, то есть выходящего за рамки привычного состояния данных общественных процессов (учитываются, например, природные особенности местности).

Обозначенный подход к пониманию чрезвычайности подтверждается судебной практикой. Так, Шестой арбитражный апелляционный суд, оставляя жалобу без удовлетворения, не признал обстоятельством непреодолимой силы приостановление зарубежным контрагентом поставки оборудования в Российскую Федерацию ввиду принятых после 24.02.2022 иностранными государствами санкций. Свою позицию суд обосновал тем, что внешнеэкономические санкции как результат сложившейся международной политики (весьма ожидаемый) не являются исключительными и признаются предпринимательским риском [6].

Второй признак обстоятельств непреодолимой силы, то есть непредотвратимость, понимается вышеуказанным постановлением как

невозможность избежать определенных обстоятельств и их последствий, которая должна относиться не только к конкретному лицу, но и ко всем субъектам, осуществляющим аналогичный вид деятельности [7].

Наиболее точное описание непредотвратимости, по нашему мнению, дает Н. М. Головин, который подразделяет ее на две главные составляющие: неустранимость и неотвратимость. Однако автор обращает внимание на то, что неустранимость должна носить субъективный характер, то есть необходимо делать акцент не на обстоятельство, а на то, какие действия предпринимало обязанное лицо в целях недопущения воздействия неблагоприятных последствий на исполнение обязательств, поскольку таким образом оценивается его добросовестность [8]. С подобным убеждением нельзя согласиться, так как теряется разграничение со смежным понятием «случай».

Прежде чем аргументировать свою точку зрения, отметим, что в науке сформировались различные подходы к соотношению этих феноменов. Один из способов выявления отличительных аспектов – сравнение двух основных признаков. При этом в литературе справедливо отмечается, что обстоятельства непреодолимой силы всегда чрезвычайны, но и случай иногда может быть таковым, в связи с чем нельзя взять за основу разграничения только этот признак [9, с. 1118]. В доктрине отмечается также, что непредотвратимость присуща как случаю, так и непреодолимой силе, однако содержание этого признака в понятиях различно и весьма дискуссионно. К примеру, С. Н. Иванова считает, что случай содержит субъективную непредотвратимость, так как непредвидим субъектом, а обстоятельство непреодолимой силы непредотвратимо всегда и независимо от того, можно было ли его предвидеть [10].

Кроме этого, указанная теория субъективной и объективной непредотвратимости имеет другое, более рациональное объяснение, в рамках которого обращается внимание на то, что непреодолимая сила непредотвратима не только для лица, нарушившего обязательство, но и для других субъектов, осуществляющих схожую по роду деятельность, в то время как случай нельзя избежать, исходя из имеющихся возможностей и предпринятых действий обязанного лица [11, с. 109]. Поддерживая такой способ соотношения терминов, следует отметить, что анализ положений ст. 401 ГК РФ позволяет сделать

вывод, что доказанность субъективной неустранимости не свидетельствует о достаточности оснований для освобождения от ответственности, поскольку субъекты предпринимательской деятельности несут ответственность не только за виновное, но и за случайное неисполнение договорных обязанностей [12, с. 1168]. Следовательно, отличительной особенностью непреодолимой силы представляется ее объективная непредотвратимость, которая неотвратима, поскольку возникает вне деятельности субъекта, и неустранима в силу того, что субъекты, осуществляющие аналогичную деятельность, не смогли бы при данных условиях избежать такое обстоятельство. Из этого следует вывод, что непреодолимая сила – это всегда внешнее явление.

Помимо этого, самым близким по отношению к непреодолимой силе признается форс-мажор. Например, по мнению Е. С. Каплуновой, исследуемые категории необходимо признавать одинаковыми, поскольку термин «форс-мажор» употребляется в российском праве наряду с «непреодолимой силой» в силу рецепции [13]. Об этом свидетельствует, в частности, схожесть правового регулирования этих феноменов в России и других государствах. Следует отметить, что в некоторых федеральных законах, а также на практике встречается использование этих понятий в качестве синонимов [14]. К примеру, подтверждение наличия обстоятельств непреодолимой силы или форс-мажора проводится на основании положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) от 23.12.2015 № 173-14 [15].

Сторонники противоположного мнения аргументируют свою позицию путем разграничения по определенным критериям, в силу которых нельзя прийти к выводу об идентичности. В частности, Р. Н. Кузнецов указывает на то, что отличия наблюдаются в этимологическом значении, форме выражения, источнике возникновения, а также правовых последствиях. Так, автор утверждает, что при форс-мажоре обязанность по возмещению имущественного вреда может быть возложена на третье лицо (например, если исполнение обязательств стало невозможным в связи с принятым органом государственной власти (местного самоуправления) нормативным актом, то пострадавшая сторона на основании гражданского законодательства вправе требовать возмещения причиненного вреда этим органом), в то время как при непреодолимой силе подобные последствия исключены [16, с. 107].

Легальной нормы-дефиниции, дающей понятие форс-мажору, не имеется. Применение этого термина обусловлено осуществляемой в конце двадцатого столетия международной частной практикой в сфере торговых отношений. Так, п. 7.1.7 «Непреодолимая сила (форс-мажор)» Принципов УНИДРУА предусматривает, что если неисполнение обязательств связано с наступлением препятствия вне его контроля, которое изначально невозможно было предусмотреть и учесть при заключении договора, а также избежать или предотвратить такое препятствие и его последствия, то сторона подлежит освобождению от ответственности [17].

По нашему мнению, понятие форс-мажора следует признавать шире понятия непреодолимой силы, так как последняя является императивным положением российского права, которое в любом случае применяется органами судебной власти при рассмотрении споров. В то время как форс-мажор – это договорное условие внешнеторговых отношений, признаки которого могут определяться как сторонами, так и путем ссылки на международный правовой акт.

Вместе с тем в силу принципа свободы договора условия о форс-мажоре могут также предусматриваться в договоре сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации. Исходя из этого, заслуживает внимания имеющаяся в доктрине позиция, что упоминание форс-мажора в договорах должно быть дозволено законом, поскольку принятие решения об учете таких договорных положений или отказе в нем остается за судом, из-за чего судебная практика противоречива [18].

Резюмируя вышеизложенное, подведем итог. Понятия «непреодолимая сила», «случай» и «форс-мажор» являются взаимосвязанными, но не могут признаваться тождественными. Под непреодолимой силой в сфере предпринимательских отношений следует подразумевать установленное законодательством и освобождающее от ответственности внешнее обстоятельство, наступление которого невозможно предвидеть и ожидать в силу его исключительности (чрезвычайный характер), а также последствия которого объективно неотвратимы и неустранимы (непредотвратимый характер). Главное отличие непреодолимой силы и случая заключается в том, что последний обладает субъективной непредотвратимостью и не всегда является внешним по отношению к деятельности обязанного лица. Форс-мажор, в свою очередь, является условием, освобождающим

от ответственности в случае указания его сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в договоре.

Недостаточность нормативно-правового регулирования подвергает риску защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, в силу чего представляется необходимым внесение законодателем ряда положений, позволяющих проводить четкую грань между рассмотренными понятиями. В частности, гражданское законодательство нуждается в закреплении определения обстоятельств непреодолимой силы.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [с посл. изм. и доп.]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

2. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Российская газета. 2016. № 70. Ст. 6938.

3. Зимнева С. В. Признак «чрезвычайности» непреодолимой силы в свете постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 // Правовое обеспечение политической и общественной деятельности: сб. науч. тр. Н. Новгород, 2017. С. 98–106.

4. Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 78–93.

5. Деревцова К. С., Макарова О. С. Ограничение предпринимательской деятельности как основание обстоятельства непреодолимой силы // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. Чита, 2021. С. 74–81.

6. Об оставлении без изменения решения Арбитражного суда Хабаровского края от 02.11.2022 по делу № А73-14264/2022: постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № 06АП-7061/2022. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 16.11.2023).

7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Российская газета. 2016. № 70. Ст. 6938.

8. Головин Н. М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 18.

9. Устинова А. В. Разграничение категорий «непреодолимая сила» и «случай (казус)» в гражданском праве // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1117–1120.

10. Иванова С. Н. Обстоятельства непреодолимой силы в современном гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 19–20.

11. Береза В. В. Соотношение непреодолимой силы со смежными гражданско-правовыми явлениями // Молодой ученый. 2022. № 43 (438). С. 108–109.

12. Бажкова Е. А. Непреодолимая сила как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности // Цивилистика: от прошлого к современности: сб. докл. Екатеринбург, 2020. С. 1167–1170.

13. Каплунова Е. С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 20.

14. О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: федер. закон от 02.12.1994 № 53-ФЗ [с посл. изм. и доп.]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

15. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор): прил. к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14. URL: <https://uslugi.tpprf.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

16. Кузнецов Р. Н. Соотношение категорий непреодолимой силы и форс-мажора в российском гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 107–109.

17. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА): принципы Международного института унификации частного права от 1994 г. // Российская газета. 2013. № 13.

18. Головин Н. М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 20–21.

© Меркулова М. А., 2024

Об основных направлениях совершенствования процессуальной самостоятельности следователя

Проблемные аспекты процессуальной самостоятельности следователя относятся к числу остро дискуссионных в науке и практике уголовно-процессуального права и нуждаются в их скорейшем разрешении, поскольку являются препятствием для достижения эффективности предварительного расследования.

Анализ сложившихся точек зрения относительно перспектив развития процессуального статуса следователя позволяет выделить основные пути совершенствования законодательства в данном направлении.

Так, первоочередной задачей представляется внесение в УПК РФ определения процессуальной самостоятельности следователя. Данное изменение должно воплотиться в четкой регламентации, что устранит одну из проблем, связанных с дальнейшим использованием указанного положения. По этому поводу М. М. Бондарь справедливо отмечает, что «невозможно найти ответ на вопрос о том, реализуется ли в правоприменительной практике процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве, если данное положение является лишь теоретическим положением» [1, с. 18].

С. Н. Хорьяков пишет: «Процессуальной самостоятельностью следователя является нормативное предписание, позволяющее следователю осуществлять процессуальные действия, принимать процессуальные решения по своему внутреннему убеждению» [2].

Под процессуальной самостоятельностью следователя А. Ю. Зотов понимает «предусмотренную законом возможность отстаивать свое мнение по ключевым вопросам уголовного дела в случае возникновения противоречий с позицией субъектов контрольно-надзорной деятельности» [3].

На наш взгляд, процессуальной самостоятельностью следователя следует считать совокупность внутренних взглядов и убеждений по расследуемому уголовному делу, при наличии которых следователь

может принять свободное, не зависящее от воли других лиц процессуальное решение, при возникновении противоречий с субъектами контрольно-надзорной деятельности.

А. Ш. Магомедов верно отмечает, что в связи с ограничением процессуальной самостоятельности следователя необходимо усовершенствовать процессуальное законодательство и закрепить нормы, обеспечивающие процессуальную самостоятельность следователя и механизмы ее действительной реализации, во избежание нарушений и непрофессионализма в отечественном уголовном судопроизводстве [4].

Одним из важных аспектов процессуальной самостоятельности следователя является характер его взаимоотношений с контролирующим субъектом – руководителем следственного органа. В связи с этим Д. А. Зыков предлагает исключить отдельные полномочия данного участника уголовного процесса. Так, на наш взгляд, автор обоснованно полагает, что «применительно к ч. 4 ст. 221 УПК РФ видится несовершенным обязательный контроль со стороны руководителя следственного органа при реализации следователем своих процессуальных прав на обжалование решения прокурора как фактор, фактически не допускающий разночтения в понимании правовой ситуации между следователем и руководителем» [5].

С данным утверждением стоит согласиться, потому что подобные изменения помогут усилить положение следователя как процессуально самостоятельного участника процесса. И те ограничения средствами ведомственного контроля, которые действуют в современном УПК РФ, уже не будут так сдерживать следователя в принятии многих процессуально самостоятельных решений.

В законодательстве отсутствуют четкие рамки, границы усмотрения следователя. Данное направление совершенствования законодательства является актуальным, потому что без законодательного закрепления границ усмотрения следователь не может точно определять предел процессуальной самостоятельности, что может приводить к превышению своих полномочий, либо если он не в полной мере будет ими пользоваться, то это приведет к снижению его работоспособности и пагубно будет влиять на весь процесс уголовного судопроизводства.

П. М. Стольников в своей работе пишет: «Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве не только императивных конст-рукций, но и правового дозволения, связанного с выбором следова-телем варианта поведения, создает необходимую основу для реали-зации последним процессуальной самостоятельности. Таким образом, законодатель поставил следователя в ситуацию выбора одного из воз-можных (допустимых с точки зрения закона) вариантов процессу-ального поведения. Закрепление в процессуальном законодательстве относительно определенных норм создает основу для принятия боль-шинства процессуальных решений, в частности решения о возбужде-нии уголовного дела» [6].

В приговоре по факту совершения Д. преступлений, предусмот-ренных ч. 3 ст. 303, ч. 2 ст. 292 УК РФ, отражено, что она, имея единый преступный умысел, направленный на возбуждение уго-ловного дела, действуя из иной личной заинтересованности, выра-зившейся в экономии затрат трудового времени, желая уменьшить свой объем работы, вопреки интересам службы и ложно понимая интересы службы, искажила фактические данные и искусственно создала доказательства, свидетельствующие о виновности лица, тем самым незаконно изготовила и сфальсифицировала доказательства по данному уголовному делу [7]. Впоследствии решение следователя о возбуждении уголовного дела было признано незаконным.

Стоит также отметить, что закрепление в нормативном акте границ усмотрения следователя требует достаточно глубокого изучения, так как данная форма реализации процессуальной самостоятельности следователя имеет специфический характер в том аспекте, что у сле-дователя на практике может быть огромное количество разных ситуаций и скрупулезно детализировать их в законе будет достаточно сложно. Эти границы должны быть выстроены так, чтобы самостоятель-ность и независимость следователя не отражались на степени обес-печения прав и законных интересов участников уголовного судо-производства и не влекли для них негативные последствия.

Еще одним средством повышения процессуальной самостоя-тельности и эффективности деятельности является проведение сове-щаний с участием следующих лиц: следователь, в чьем производстве находятся те или иные дела; прокурор, который надзирает за движе-нием предварительного следствия, и руководитель следственного органа.

На таких собраниях могут освещаться следующие вопросы:

- по принятию тех или иных процессуальных решений;
- способствующие разрешению затруднений и коллизий, возникших при проведении следственных мероприятий в ходе предварительного следствия.

Проведение подобных мероприятий и их частота не зависят от опыта работы следователем. Они будут актуальны как для молодых следователей, так и для тех, кто постоянно выполняет большой объем работы, в чем производстве находятся уголовные дела.

Выстраивание подобных процессуальных отношений без жесткой иерархии и императивных конструкций в большей степени позволит соблюсти интересы всех сторон при производстве по уголовному делу.

Таким образом, резюмируя изложенное, отметим, что усилению процессуальной самостоятельности следователя будет способствовать достижение такого баланса полномочий субъектов контрольно-надзорной деятельности и следователя, при котором максимально обеспечены права и законные интересы всех участников уголовного судопроизводства.

Список библиографических ссылок

1. Бондарь М. М. Некоторые проблемные аспекты реализации процессуальной самостоятельности следователя в ходе принятия процессуальных решений // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 17–21.

2. Хорьяков С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 218.

3. Зотов А. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: реальность или теоретическая конструкция? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 24.

4. Магомедов А. Ш. Право на обжалование решений руководителя следственного органа и прокурора как гарантия обеспечения процессуальной самостоятельности следователя // Грамота. 2020. № 7. С. 138.

5. Зыков Д. А. К вопросу процессуальной самостоятельности следователя в контексте положений ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Юриспруденция в теории и на практике: акту-

альные вопросы и современные аспекты. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.). 2020. № 2. С. 214.

6. Стольников П. М. Усмотрение следователя и границы его процессуальной самостоятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. № 3. С. 106.

7. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области № 1-305/2019 от 30 октября 2019 г. по делу № 1-305/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

© Митьков Е. А., 2024

**О правообеспечительном механизме
института частного обвинения
в уголовно-процессуальном законодательстве
России и Республики Беларусь**

Уголовное судопроизводство любого правового государства строится на основе публичного начала уголовного преследования. Иными словами, указанное начало выражается в предоставляемой государством гарантии защитить каждого, чьи интересы были нарушены общественно опасным деянием, обеспечив оперативное реагирование на готовящееся, совершаемое или совершенное преступление, его расследование, объективное и справедливое окончание производства по уголовному делу с восстановлением нарушенных прав.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не называет среди принципов уголовного процесса публичность, тем не менее ст. 21 УПК РФ недвусмысленно дает понять, что деятельность должностных лиц со стороны обвинения по принятию мер к установлению всех обстоятельств совершенного преступления, изболечению виновных лиц носит обязательный публичный характер. На это указывает и часть 1 упомянутой нормы, в соответствии с которой на государство в лице уполномоченных властных должностных лиц возложена обязанность осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного характера. Стоит отметить, что тут же фактически из данного принципиального порядка судопроизводства законодателем исключаются дела, носящие частный характер, то есть так называемые уголовные дела частного обвинения. Безусловно, они занимают абсолютное меньшинство среди общего массива уголовных дел, но между тем имеют огромное значение для обеспечения частного интереса в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [1] (далее – УПК РБ), в отличие от российского, выражает позицию государства по этому вопросу более ясно: ст. 15 УПК РБ, именуемая «Публич-

ность уголовного процесса», включена в гл. 2 «Задачи и принципы уголовного процесса». В соответствии с данной нормой белорусского уголовно-процессуального закона субъекты, уполномоченные в силу закона осуществлять уголовное преследование, «обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора». Как видно, законодатель Беларуси содержание публичности регламентирует более детально, включая в нее и вопросы вынесения судом приговора, соответствующего по своим требованиям закону.

Перечень преступлений, по делам о которых уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения, а также процедура производства по таким делам в нормативном регулировании России и Беларуси не идентичны. Так, в Республике Беларусь он гораздо шире, чем в российском уголовно-процессуальном законе, что свидетельствует о большей востребованности института частного обвинения в соседнем государстве.

Суд, в силу своего особого статуса не наделенный правом уголовного преследования, не возбуждает дело, а приступает к осуществлению правосудия непосредственно после поступления заявления в суд в частном порядке. Согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ дела частного обвинения возбуждаются посредством подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. Сравнительно более четкая позиция выражена в ч. 1 ст. 426 УПК РБ, где указано: уголовное дело частного обвинения возбуждается пострадавшим от преступления, что представляется верным и в большей степени соответствующим сущности института частного обвинения.

Среди отечественных правоведов в последнее время высказываются суждения о необходимости ликвидации института частного обвинения, как не в полной мере обеспечивающем права и законные интересы пострадавшего в той части, в которой не предоставляют достаточной возможности лицу защищать свои интересы, собирать доказательства, уличающие обвиняемого [2, с. 25].

Суть рассматриваемого производства сводится к тому, что пострадавший (с момента принятия судом заявления – частный обвинитель

в силу ч. 7 ст. 318 УПК РФ и ч. 3 ст. 426 УПК РБ) посредством выражения своей воли начинает уголовное преследование и после обращения в суд самостоятельно собирает доказательства по уголовному делу.

В соответствии с ч. 3 ст. 319 УПК РФ мировой судья вправе лишь оказать им содействие в собирании доказательств и только на основании заявленных сторонами ходатайств, если они не могут быть получены ими без привлечения органа судебной власти. Очевидно, что лицу, не обладающему ни юридическими познаниями, ни подобным опытом участия в разрешении уголовно-правовых конфликтов, затруднительно определить с перечнем необходимых доказательств по уголовному делу и тем более со способами их получения.

Суд может проявить инициативу в отыскании и получении доказательств, но на вполне законных основаниях, вытекающих из принципа состязательности и самого предназначения суда, вправе не оказывать такого содействия без соответствующего обращения потерпевшего.

Российский закон допускает возможность «подключения» государства к данной процедуре только лишь в случае, если преступление частного характера совершено в условиях неочевидности, во всех остальных ситуациях право возбуждения и осуществления уголовного преследования всецело «в руках» частного обвинителя. Однако, как указывалось выше, к предмету настоящей работы относятся правоотношения, возникающие при совершении преступления лицом, данные о котором известны потерпевшему.

В этом смысле очень интересен опыт белорусского законодателя, предусмотревшего, на наш взгляд, более эффективный механизм обеспечения прав пострадавшего от преступления частной направленности. Часть 2 ст. 427 УПК РБ разрешает суду прибегнуть к помощи публичных органов досудебного производства по указанной категории дел, если возникла необходимость получения объяснений, заключений специалистов и иных данных. В этом случае органом дознания проводится проверка, срок которой должен составлять не более десяти суток.

Рассмотренное законодательное положение возможно учесть и в российском уголовно-процессуальном законодательстве, как

наиболее обеспечивающее интересы потерпевших от преступлений частного характера, принявших решение об уголовном преследовании конкретного лица, когда задействуется ресурс публичных органов государственной власти, при этом не затягиваются сроки производства и не утрачивается смысл института частного обвинения.

Список библиографических ссылок

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 20.07.2021). URL: <https://base.spinform.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

2. Смирнова И. Г., Шадрин М. Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2020. № 2. С. 25–28.

© Митькова Ю. С., 2024

Контекст уголовного правосудия

В настоящее время аспекты аудита и экономической эффективности влияют на отправление правосудия. Перенос акцента в процессе уголовного правосудия отражает более широкие изменения в обществе. Это подчеркивает важность признания территориального характера уголовного правосудия.

Все учреждения системы уголовного правосудия, будь то полиция, прокуратура, суды, исправительные учреждения, тесно связаны с более широким социальным миром.

Например, полиция представляется органом, посвященным динамике развития общества. Под этим понимается совместная роль полиции и граждан в создании и поддержании общественного порядка. Социальные изменения находят свое отражение в политике и практике полиции, а изменения в деятельности полиции, в свою очередь, отражаются на поведении населения. То же самое можно сказать и о других учреждениях системы уголовного правосудия.

Ключевые изменения произошли в послевоенный период и сильно повлияли на систему уголовного правосудия. Социологи отмечают некоторые важные изменения в период после Второй мировой войны, особенно с 1970 гг. В развитых странах наблюдается характерная картина социальных, экономических и культурных изменений. Они способствовали возникновению новых групп рисков, незащищенности и проблем в области борьбы с преступностью, которые сыграли важную роль в разработке мер уголовного правосудия в ответ на преступность.

Некоторые из этих изменений включают:

– уменьшение уважения, т. е. вежливого и уважительного отношения к лицам, занимающим руководящие должности, включая полицию и другие учреждения системы уголовного правосудия. Было показано, что это влияет на то, как эти учреждения рассматриваются и пользуются ли они доверием и ценностью как государственные учреждения;

– рост массового потребления. Менталитет «я покупаю, поэтому я» говорит о том, что также помогло превратить граждан в «потребителей» услуг уголовного правосудия (так же, как они покупали бы услуги в магазине), а не пользователей или получателей этих услуг;

– технологические достижения. Интернет, электронная связь, средства массовой информации, а также социальные сети оказали влияние на все аспекты уголовного судопроизводства. Они влияют на вид преступлений, на которые реагирует система уголовного правосудия (например, рост киберпреступности), и на то, как эти преступления решаются (например, видео с поддержкой правосудия, связывающее полицейские участки с судами, изношенные камеры, используемые полицией, замкнутое телевидение, автоматическое распознавание номерных знаков);

– глобализацию и транснациональную преступность. Рост глобализации и последующее увеличение транснациональных форм преступности, таких как незаконный оборот наркотиков и организованная преступность, потребовали ответных мер транснационального уголовного правосудия;

– рост неолиберализма. Неолиберализм, проще говоря, относится к «идеологии свободного рынка, основанной на индивидуальной свободе и ограниченном правительстве». Она рассматривается как главная причина мирового экономического кризиса года, который был использован для оправдания расходования бюджетов в государственном секторе, в том числе учреждений системы уголовного правосудия. Эти сокращения часто называют мерами жесткой экономии.

Пример – неолиберализм, аскетизм и криминальная защита.

В результате мер жесткой экономии адвокаты защиты по уголовным делам столкнулись с сокращением бюджета на правовую помощь по уголовным делам. Это государственные деньги, получаемые за счет налоговых поступлений, которые используются для оплаты услуг адвоката по уголовным делам, когда обвиняемый не может позволить себе оплатить услуги адвоката самостоятельно. При этом проведение проверки средств правовой защиты имело серьезные последствия для подсудимых с точки зрения их доступа к правосудию.

В связи с этим возникает вопрос, соблюдаются ли правовые положения (например, положение о праве на справедливое судебное разбирательство). Помимо замедления процесса уголовного правосудия, растущее число обвиняемых также способствует «ежедневным судебным ошибкам».

© Михайлов М. Я., 2024

Р. Н. Мородумов, Я. А. Потемкин
Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева

Роль следственного комитета в обеспечении транспортной безопасности Российской Федерации

В России транспорт является системообразующей отраслью, которая обеспечивает неотъемлемую потребность общества в перемещении грузов и пассажиров и объединяет разнообразные технические устройства и сооружения, составляющие совокупность средств передвижения и путей сообщения. Транспорт является фундаментальной экономической сферой, служащей связующим звеном между другими отраслями экономики и социальной сферой.

Обеспечение транспортной безопасности включает поддержание стабильности транспортной системы и предотвращение угроз для жизни, здоровья и имущества людей, а также предотвращение общенационального экономического ущерба, связанного с транспортной деятельностью.

Легальное определение термина «транспортная безопасность» содержится в ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», в соответствии с которым под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [1].

В международном праве применяется аналогичное определение понятия «транспортная безопасность», включающее в себя противоправные действия, в том числе террористические акты, которые угрожают безопасному функционированию транспортной системы и могут привести к причинению вреда жизни и здоровью людей, материальному ущербу, а также созданию потенциальной угрозы для возникновения таких последствий [2].

Активная фаза разработки и модернизации законодательства о транспортной безопасности пришлась на 2000 гг., когда частота

совершения террористических актов достигла своего местного максимума как во всем мире, так и в России [3].

В сфере транспортной безопасности целенаправленную, профессиональную деятельность осуществляют министерства, службы и агентства, в чьем ведении находится соответствующий вид транспорта, а также специализированные отделы и управления правоохранительных органов Министерства внутренних дел, прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет).

В 2007 г. было создано Следственное управление на транспорте при прокуратуре Российской Федерации, получившее полномочия по осуществлению следственной работы, которые ранее осуществлялись транспортными прокуратурами. Однако в начале 2011 г. данное управление было выведено из подчинения прокуратуры и стало самостоятельным подразделением Следственного комитета.

В соответствии с приказом Следственного комитета от 13.08.2021 № 131 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» специализированными следственными органами, созданными в рамках Следственного комитета и равноправными следственным управлениям Следственного комитета в субъектах Российской Федерации, являются следственные управления на транспорте Следственного комитета и их подразделения. Данный документ также утверждает список территорий, на которые распространяется юрисдикция специализированных следственных органов на транспорте Следственного комитета, в соответствии с которым территории всех субъектов Российской Федерации разделены между тремя межрегиональными следственными управлениями на транспорте: западным, центральным и восточным [4].

Обобщив информацию, изложенную в данном приказе, можно сделать вывод, что главной задачей следственных управлений на транспорте Следственного комитета является рассмотрение сообщений о преступлениях и предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях на транспорте, к которым относятся преступления против безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта.

Следственный комитет участвует в разработке и совершенствовании законодательства, регулирующего транспортную безопасность, внося предложения по изменению транспортного законодательства, в систему лицензирования и контроля за транспортными средствами, а также в программы обучения и повышения квалификации для сотрудников транспортной отрасли. Внесение поправок в законодательство помогает адаптировать правила и нормы к современной действительности, обеспечивая эффективное регулирование и защиту всех участников дорожного движения. Кроме этого, поправки в законодательство о транспортной безопасности могут быть внесены в ответ на изменение обстановки в стране или в мировом сообществе. Например, в случае увеличения числа террористических актов или повышенной активности мошенников законодательство может быть усилено для защиты общества от таких угроз.

В связи со всем вышеизложенным можно выделить некоторые направления повышения уровня безопасности в транспортной сфере:

1. Внедрение новых технологий: применение современных технологий, таких как системы видеонаблюдения и распознавания лиц, использование различных автоматизированных рабочих систем, разработка нового прогрессивного программного обеспечения.

2. Усовершенствование и разработка новых профилактических мер: создание специализированных программ, направленных на обучение персонала в сфере транспорта и на освещение проблем, связанных с безопасностью.

3. Расширение сотрудничества между правоохранительными органами, ответственными за обеспечение транспортной безопасности.

4. Усиление взаимодействия с общественностью и воспитательной деятельности: организация информационных кампаний и публичных консультаций в транспортной среде, воспитательные беседы в различных образовательных и других организациях.

5. Создание более эффективной системы отчетности: внедрение централизованной системы сбора и анализа сведений о происшествиях, преступлениях и нарушениях в транспортной сфере, создание многоуровневой проверки поступающих данных, а также открытость информации о проделанной работе.

6. Создание команды по управлению кризисными ситуациями: формирование специализированного отдела внутри следственного

органа на различных уровнях, ориентированного на эффективную реакцию на чрезвычайные ситуации и возможные угрозы для безопасности на транспорте и оборудованного для этого.

Представленные предложения направлены на комплексный подход к обеспечению безопасности в транспортной сфере. Это поможет создать более безопасную среду для пассажиров и персонала, сократить количество преступлений и улучшить общий уровень безопасности в транспортных узлах.

Следственный комитет в рамках своей работы придает большое значение транспортной безопасности и эффективности работы транспортных систем в стране.

Список библиографических ссылок

1. О транспортной безопасности: федер. закон РФ от 09.02.2007 № 16-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

2. Зайкова С. Н. Транспортная безопасность в Российской Федерации: понятие и система // Вестник СГЮА. 2021. № 3 (140). С. 84. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

3. Теракты на городском наземном транспорте в России в 1994–2013 годах: хронология. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

4. Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета РФ от 13.08.2021 № 131. Документ опубликован не был. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

© Мородумов Р. Н., Потемкин Я. А., 2024

К вопросу об условиях возмещения вреда, причиненного преступлением

Возмещение вреда, причиненного преступлением, в системе российского уголовного судопроизводства в основном реализуется через институт гражданского иска: как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного рассмотрения. Соответственно, для органа предварительного расследования или суда первоочередной задачей становится изучение оснований для предъявления гражданского иска, которые базируются на существовании юридического факта – совершения противоправного преступного деяния, повлекшего причинение имущественного, физического и морального вреда физическому лицу или имущественного вреда юридическому лицу и его деловой репутации. Важным и неперенным условием является наличие причинно-следственной связи между совершенным преступлением (деянием) и наступлением определенных негативных последствий.

Правовая сущность возмещения вреда предполагает основанную на нормативных правовых актах целенаправленную деятельность уполномоченных субъектов по компенсации причиненного преступлением вреда, как правило посредством обеспечения государством понуждения виновного лица к его возмещению. Необходимо отметить, что центральной фигурой уголовного судопроизводства традиционно является подозреваемый (обвиняемый), а не лицо, пострадавшее от совершения преступного деяния, что видится противоречащим назначению уголовного судопроизводства. Подозреваемый (обвиняемый), в силу прямого или косвенного умысла либо по неосторожности, вовлекается в преступную деятельность; потерпевший же, как правило, в силу публичности уголовно-процессуальных отношений, помимо своей воли, становится участником уголовного судопроизводства и в связи с этим претерпевает определенные лишения.

Логично предположить, что данное явление может порождать недоверие со стороны потерпевших к органу предварительного

расследования и создавать убеждение в невозможности возмещения причиненного вреда, а значит, и нецелесообразности заявления гражданского иска. Существующее в настоящее время неудовлетворительное состояние возмещения вреда, причиненного преступлением, во многом обусловлено субъективными факторами, касающимися как деятельности правоприменителей, уровня их профессионального мастерства, инициативности в условиях значительно возросшей служебной нагрузки, так и низкой процессуальной активности самих потерпевших [1, с. 137].

В связи с изменением течения глобальных мировых процессов в последние десятилетия стремительно возрастает количество совершаемых бесконтактных мошенничеств, потерпевшими от которых становятся люди разных полов, возрастов, имущественных положений. Соответственно, с каждым годом увеличиваются и суммы ущерба от данного вида преступлений, что лишь в очередной раз подтверждает острую актуальность данной проблемы.

На сегодняшний день в Российской Федерации к одним из условий возмещения вреда, причиненного преступлением, стоит отнести сам факт обращения лица с исковым заявлением. Для такого обращения существуют три основных способа: 1) непосредственное заявление гражданского иска в рамках возбужденного уголовного дела; 2) подача иска в суд независимо от наличия (отсутствия) возбужденного уголовного дела и установления личности и местонахождения «причинителя вреда»; 3) иск подается в суд после вступления приговора суда в законную силу.

При этом целесообразно рассматривать условия в совокупности с возможными способами возмещения вреда. Таким образом, можно подразделить существующие в правоприменительной практике Российской Федерации способы возмещения вреда, причиненного преступлением: 1) на добровольное; 2) принудительное; 3) возмещение вреда посредством страховых выплат; 4) возмещение вреда в регрессном порядке. По утверждению Т. В. Гриценко, «институт добровольного возмещения вреда, складывающегося из совокупности поощрительных уголовных и уголовно-процессуальных норм, побуждающих комплементарное постпреступное поведение виновных лиц, активно развивается» [2].

В большинстве случаев правоприменительной практики преступник возмещает причиненный вред отнюдь не по причине своего искреннего раскаяния, а во избежание назначения ему более строгого наказания, изменения или неизбрания в отношении него меры пресечения или мер иного процессуального принуждения. Возмещение причиненного вреда возможно как до заявления потерпевшим гражданского иска, так и после такового. На сегодняшний день законодательство Российской Федерации не содержит императивных норм, обязывающих для разрешения гражданского иска, поданного в связи с причинением ущерба от преступления, ожидать принятия окончательного решения по уголовному делу.

Следователь или дознаватель как орган предварительного расследования при возникновении у подозреваемого (обвиняемого) волеизъявления на возмещение вреда в добровольном порядке отражает данный факт в протоколе его допроса, затем после непосредственного возмещения вреда потерпевшему дополнительно допрашивают последнего и к материалам уголовного дела приобщают расписку о получении денежных средств. Затрагивая тему добровольности возмещения вреда, причиненного преступлением, необходимо рассмотреть и ситуацию, когда подозреваемый (обвиняемый) не знает потерпевшего, но хочет вернуть похищенное. В данном случае это можно сделать через лицо, производящее предварительное расследование.

Нельзя не отметить важность системного подхода к этому вопросу, поскольку лишь грамотное взаимодействие должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора, осуществляющего надзор, а также суда, рассматривающего уголовное дело по существу и разрешающего гражданский иск, способно привести к полному восстановлению нарушенного преступлением права [1, с. 18]

Таким образом, представляется возможным утверждать, что условия и способы возмещения вреда, причиненного преступлением, неразрывно связаны с мерами по обеспечению гражданского иска. В действующей редакции УПК РФ не содержится ни одной нормы, регламентирующей способы, меры или иные возможные пути по обеспечению гражданского иска, что означает законодательный пробел и, соответственно, правоприменительную проблему для органов предварительного расследования и суда. Одновременно с осуществлением правоприменительной деятельности по уголовному делу

орган расследования, прокурор, суд обязаны принять все необходимые меры для обеспечения заявленного гражданского иска о возмещении имущественного вреда, имущественной компенсации морального вреда, наступивших от преступления.

Список библиографических ссылок

1. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 282 с.
2. Гриценко Т. В. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: проблемы правового регулирования // Юристъ-Правоведъ, 2021. № 1 (96). С. 32.

© Москаленко Д. А., 2024

О семейноцентричном законодательстве Российской Федерации

Современная геополитическая и социально-экономическая обстановка в нашей стране ставит на повестку дня вопрос о первостепенном решении ряда задач как тактического, так и стратегического характера. Наряду с ростом угроз и рисков в области обеспечения военной безопасности в узком ее понимании эксперты все чаще обращают внимание на значимость демографической [1] и ментальной (социокультурной) безопасности России [2] в контексте обеспечения военной и иной безопасности.

В документах стратегического планирования последних лет также акцентируется внимание на нерешенных проблемах в области демографической, семейной, культурной и иных политик. Достаточно внимательно изучить Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4]. В первом акте акцентируется внимание на укреплении института семьи и сохранении традиционных семейных ценностей, во втором — на крепкой семье как традиционной ценности.

В то же время многие пока действующие документы, касающиеся института семьи, являются устаревшими. Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р [5] была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. При в целом правильных целях и задачах механизмы ее реализации не являются эффективными. Документом запланированы абстрактные работы по совершенствованию семейного законодательства и системы статистических показателей, характеризующих социально-экономическое положение семей. Процесс идет, статистические показатели совершенствуются, собираются...

На смену такого рода документам должен прийти новый акт, посвященный семейной политике современной России в целом.

Близкая ситуация наблюдается и в отношении политики демографической. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) [6] принималась в совершенно иных условиях, ставила довольно «скромные» цель и задачи (стабилизировать численность населения, создать условия для роста численности населения). Продолжающаяся убыль коренного населения, снижение рождаемости, снижение числа женщин репродуктивного возраста, рост бесплодия и т. д. требуют экстраординарных и нетривиальных мер, направленных на обеспечение демографической безопасности государства.

Среди основных угроз в этой области выделяются: деградация института семьи, депопуляция и старение населения, неконтролируемые миграционные процессы. Комплекс возможных мер по обеспечению демографической безопасности различен. К ним относятся: семейную политику, социально-экономическую политику, политику в сфере охраны здоровья граждан, культурную политику, политику в области пространственного развития, миграционную политику и др. На первом месте стоит семейная политика, так как именно крепкая и многодетная семья является носителем традиционных ценностей, поддерживает межпоколенную связь.

Исходя из изложенного, ряд экспертов все чаще выдвигают тезис о необходимости разработки и реализации семьецентричной или семейноцентричной политики [7], рассчитанной на ближайшие пятьдесят или даже сто лет.

Реализация новой демографической и семейной политики потребует ряда изменений в доктрине и законодательстве. В привычной юристам парадигме «личность – общество – государство» потеряна семья. По сути, отсутствует субъект, на которого должна быть направлена новая политика. Без семьи как субъекта (не отдельных ее членов) сложно либо невозможно «прописать» ее роль в современном обществе, в воспитании и образовании ее членов, поддержании коллективного ментального иммунитета, сохранении традиционных ценностей. Для этого нужно вначале задать новый вектор – создать семейноцентричное (семецентричное) законодательство.

Отдельные попытки такого рода имеются. Например, последнее десятилетие в России формируется доктрина семейного предпри-

нимательства [8]. Однако процессы эти идут хаотично, так как базовые положения о семье как о самостоятельном правовом институте если не утрачены полностью, то секвестрированы.

Согласно ст. 7 Конституции РФ у нас обеспечивается государственная поддержка семьи, а в силу ст. 38 – семья находится под защитой государства. Однако наличие таких норм никак не повлияло на рост числа семей, семейных пар в стране. Более того, до последнего времени навязывались чуждые и нетрадиционные для российского общества, нашего менталитета практики. Достаточно привести положение, появившееся в Конституции РФ в 2020 г. и направленное на защиту института брака именно как союза мужчины и женщины (п. «ж 1». ч. 1 ст. 72), а не иных форм.

Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [9] содержит слово «семья» и производные от него более ста раз, но не дает понятия семьи. Более того, из ст. 2 Семейного кодекса РФ прямо следует, что семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, но не права и обязанности самой семьи. Между семьей и членами семьи имеется принципиальная разница.

Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [10] также более ста раз использует дефиницию «семья». В нем закреплён перечень лиц – членов семьи собственника жилого помещения (проживающие совместно с данным собственником супруг, а также дети и родители данного собственника). Решает он ряд важных юридико-технических вопросов, связанных в основном с использованием жилым помещением.

Удивительно, но понятие семьи как лиц, связанных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство, закреплено в Федеральном законе от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Однако этот акт устанавливает правовую основу для определения прожиточного минимума в стране и установления гражданам определенных государственных гарантий и других мер социальной защиты. Либо семьи у нас заведомо считаются бедными, следовательно, нуждающимися, либо представляют интерес для государства

исключительно в контексте законодательства социального, а не семейного. Так, получается, что государство занимается не поддержкой семей, а борьбой с бедностью, возникающей в некоторых семьях (чаще в неполных, многодетных, попавших в трудную жизненную ситуацию).

Такого рода примеры можно продолжить. Они иллюстрируют не системный, а ситуативный подход законодателя к решению семейных и тесно связанных с ними проблем.

Социальное законодательство следует за семейным, решая своим инструментарием демографические и многие другие задачи. Оно играет вспомогательную, подчиненную роль по отношению к нему.

Полагаем возможным поставить вопрос об обсуждении следующего плана формирования семейноцентричного законодательства России:

- подготовка и принятие Стратегии демографической безопасности Российской Федерации – подготовка новых документов стратегического планирования с учетом новой Стратегии – подготовка и принятие Федерального закона «О демографической безопасности» либо главы (статьи) в Кодексе национальной безопасности Российской Федерации;

- подготовка и принятие Семейной доктрины Российской Федерации – подготовка новых документов стратегического планирования с учетом новой Доктрины – подготовка и принятие нового Семейного кодекса Российской Федерации;

- подготовка и принятие Социальной доктрины – подготовка новых документов стратегического планирования с учетом Доктрины – подготовка и принятие Социального кодекса Российской Федерации.

Список библиографических ссылок

1. Мохов А. А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6. С. 62–67.

2. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
5. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
6. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
7. Смирнов М., Крупнов Ю., Юмашева И. Путь в Россию – страну семей (Концептуальные подходы к становлению института семьи как субъекта развития общества // Изборский клуб. 2023. № 5. С. 6–23.
8. Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. 624 с.
9. Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.
11. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федер. закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

© Мохов А. А., 2024

П. П. Мураев

Волгоградская академия МВД России

Н. А. Мураева

Волгоградский государственный медицинский университет

Актуальные проблемы частного и публичного права в области медицинской деятельности

В современном обществе медицинская деятельность занимает одну из центральных позиций. Непосредственно сама медицинская деятельность считается неотъемлемой частью жизни человека и общества, поскольку направлена на сохранение, укрепление здоровья и долголетие населения. Однако, несмотря на все положительные стороны, в медицинской сфере имеют место определенные проблемы, которые связаны с частным и публичным правом.

Сегодня существует определенное различие между интересами общества в целом и интересами отдельных личностей, которое находит свое отражение в системе права. Для того чтобы упорядочить правовые нормы, ученые-правоведы и юристы стремятся классифицировать их по разным критериям. Взаимосвязь методологии этих двух дисциплин актуальна как в отечественной, так и в международной юридической науке. Однако, несмотря на длительные дискуссии и споры, ответ на вопрос о правильном разграничении публичного и частного права пока не ясен. Идея разделения права на публичное и частное имела значительное влияние на юридическую доктрину и законодательство многих стран, особенно при принятии ряда институтов римского права. В Советском государстве понятия публичного и частного права фактически были исключены из научного обращения, но после распада СССР они снова стали актуальными в науке и законодательстве. В настоящее время многие отрасли права содержат элементы как публичного, так и частного права. Разрешение проблемы соотношения публичного и частного права играет крайне важную роль в формировании и развитии системы законодательства и системы правопорядка. Согласно современным исследователям публичное и частное право не просто являются разделами правовой системы, а представляют собой обширные сферы

или зоны права, которые можно определить как суперотрасли. Это разделение не ограничивается лишь классификацией, оно имеет концептуальный характер, затрагивая основы права, его место и роль в обществе, а также его ценностные аспекты.

Существует необходимость в создании эффективных организационных и правовых механизмов, направленных на поддержание оптимального баланса между публичными и частными интересами в обществе. Тем не менее по-прежнему есть разрыв между публичным и частным правом, и попытки провести различие на основе одного признака пока не увенчались успехом.

Вопросы характеристики отличительных элементов публичного и частного права, предмета и методов юридического регулирования в обеих сферах, а также различий в публичных и частных правоотношениях, вместе с особенностями их участников, в том числе совместимость подчинения в публичном праве и юридического равенства сторон в частных отношениях, стали объектом обсуждения. Указанные факторы имеют высокую значимость для выбора темы исследования, подчеркивая ее важность с практической и теоретической точек зрения.

Разграничение между юридическими нормами и общим правом для частного и публичного было закреплено еще в эпоху римского права. По словам Ульпиана, публичное право направлено на защиту интересов всего государства, в то время как частное право сосредотачивается на защите интересов отдельных лиц. В современности это разделение остается актуальным. Каждая отрасль права представляет собой автономный элемент в системе права, регулируя единообразные общественные отношения при помощи специфического юридического механизма и методологии.

Что касается частного и публичного права, то частное право составляет совокупность юридических норм, охраняющих и регулирующих взаимоотношения между частными лицами, публичное право, в свою очередь, включает в себя нормы, определяющие порядок деятельности государственных органов и управления. Публичное право связано с положением государства, в то время как частное право ориентировано на интересы отдельных лиц.

Медицинское право представляет собой относительно новое направление в теории права, регулирующее отношения, связанные

с областью медицины. Эта сфера становится особенно актуальной, поскольку в теории государства и права ее изучение пока не получило должного внимания, что часто приводит к сложностям с доказательной базой в процессе судебных разбирательств. Международная медико-правовая конференция 1977 г., проходившая в Праге, потребовала разработки медицинского права, основанного на юридических принципах обязанностей и прав медицинских работников. Развитие концепции медицинского права в России началось лишь в 90 гг. прошлого века, и это связано с растущей социальной значимостью регулируемых отношений в российском обществе.

Значение права как института объединяет систему норм, регулирующих общественные отношения. Право рассматривается как система, регулирующая отношения в определенной общественной группе, и может быть рассмотрено как законодательство, юридическая наука или учебная дисциплина. Субъективное право, которое принадлежит конкретному субъекту, также рассматривается в юриспруденции. При анализе права как системы норм речь идет только об объективном праве, и данное понятие применимо к медицинскому праву, которое занимает свое место в системе российского государства. Сегодня медицинское право сталкивается с определенными проблемами в выявлении параметров публичных и частноправовых отношений в сфере здравоохранения. Роль медицинского права в общественных отношениях находится в процессе формирования и основана на общности предмета и метода правового регулирования отношений. Медицинское право рассматривается как комплексная и пограничная отрасль, занимающаяся регулированием здравоохранительных отношений, таких как лицензирование и аккредитация медицинских учреждений, надзор и контроль в сфере здравоохранения, медицинское страхование и экспертиза качества медицинской помощи, являющихся основой для медицинского права. Оно объективно определяется как совокупность норм, регулирующих общественные отношения в сфере медицины, и использует как императивные, так и диспозитивные методы правового регулирования. Медицинское право собирает законодательные аспекты различных областей здравоохранения в единое целое. Согласно В. А. Белову медицинское право представляет собой специализированное законодательство, отличающееся от общего и специального. Как отрасль

юридической науки медицинское право изучает особенности законодательного регулирования в области медицины, в том числе взаимосвязь между общим и специализированным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации, а также принципы правового регулирования в медицинской сфере, включая поставленные перед ней цели и задачи.

В юридической подготовке медицинских работников медицинское право играет важную роль в качестве академической дисциплины. Оно рассматривает проблему профессиональной самоидентификации и оценивает соблюдение медицинских правил и правовых норм специалистами в области медицинского права, учитывая принципы медицины. Профессия медицинского юриста основана на прикладном анализе, который сочетает медицинскую и юридическую перспективы.

Библиографический список

1. Мураева, Н. А. Возрастные аспекты приспособления иммунной системы к действию хронического стресса : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 03.00.25 / Мураева Наталия Алексеевна. – Волгоград, 2006. – 26 с.
2. Актуальные проблемы права : монография / С. В. Барабанова [и др.] ; под. ред. Р. В. Шагиевой. – Москва : Ruscience, 2015. – 257 с. – ISBN 978-5-4365-0556-5.
3. Яловенко, Т. В. Частное и публичное право в России: современные проблемы становления и развития / Т. В. Яловенко // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. науч. тр. – Волгоград : ВА МВД России, 2021. – Вып. 13. – С. 154–158.

© Мураев П. П., Мураева Н. А., 2024

Роль войск национальной гвардии в обеспечении национальной безопасности России

Угрозы как внутреннего, так и внешнего характера обуславливают специфику современного развития российской государственности. Исходя из этого, возникает проблема повышения эффективности функционирования системы обеспечения государственной, общественной и национальной безопасности Российской Федерации, что становится приоритетной задачей государства.

Руководствуясь целью совершенствования государственного управления в части, касающейся обеспечения национальной безопасности, Президент РФ акцентировал внимание законодателей на качественном реформировании всей системы федеральных органов исполнительной власти и появлении нового силового ведомства – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия).

Для подтверждения роли и места Росгвардии и войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ) в обеспечении национальной безопасности рассмотрим данный вопрос через призму выполнения поставленных перед этими органами задач. Перед ВНГ РФ законодатель поставил девять основных задач, большая часть из которых направлена на обеспечение национальной безопасности государства. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина одной из первых перед ВНГ РФ поставлена задача участия в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности. ВНГ РФ охраняют общественный порядок и обеспечивают общественную безопасность как в повседневной жизнедеятельности, так и при проведении различных мероприятий: общественно-политических, культурно-массовых, спортивно-массовых, религиозных, специальных, смешанных и др.

Следующими задачами ВНГ РФ законодателем определены охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений

на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством РФ, и охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством РФ, а именно п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Третья задача ВНГ РФ – участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Борьба с терроризмом – это деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, осуществляемая при помощи разведывательных, контрразведывательных, оперативно-разыскных, следственных, войсковых и специальных мероприятий, направленных на решение задач по выявлению, предупреждению и пресечению террористической деятельности, раскрытию и расследованию преступлений террористического характера.

Террористическая организация на современном этапе развития представляет собой целую сеть центров и баз подготовки боевиков, а также включает в себя огромное количество фирм, корпораций, банков и фондов, которые используются террористами как прикрытие для финансирования и существенной поддержки своих операций. Сосредоточению финансовых ресурсов в руках террористов способствует также сращивание терроризма с преступными синдикатами, занимающимися незаконным оборотом наркотиков и оружия. Он превосходит по масштабу стандартные формы бандитизма, характеризуясь наличием богатой финансовой системы, основанной на торговле оружием, наркотиками и работорговле, наличием современных средств связи, доступом в Интернет.

Отдельного упоминания заслуживает роль Росгвардии в специальной военной операции на территории Украины. Силы Росгвардии, преследуя единую цель, взаимодействуют с подразделениями Вооруженных Сил РФ. Личный состав Росгвардии выполняет в первую очередь служебные и боевые задачи: участвует в проведении военных операций, обеспечивает общественный порядок, защищает население от таких проявлений истинного лица националистических вооруженных формирований, как мародерство, преступные посягательства различного толка, и напрямую реализует данную Президентом РФ цель СВО: демилитаризация и денацификация Украины.

Ход боевых действий обусловил дополнительную и крайне важную функцию Росгвардии – обеспечение охраны важных объектов инфраструктуры и транспортных коммуникаций, включая объекты атомной энергетики. Помимо вышеуказанного, личный состав Росгвардии активно оказывает содействие мирному населению в налаживании нормального быта, оказывает помощь в обеспечении медикаментами и продуктами, осуществляет охрану колонн с гуманитарными грузами. Росгвардейцы, каждый день выполняя служебно-боевые задачи, показывают высокий уровень боевого мастерства, действуют профессионально и строго в рамках законодательства, проявляют мужество и героизм.

Таким образом, войска национальной гвардии Российской Федерации на сегодняшний день являются важным федеральным органом исполнительной власти в системе обеспечения общественной и национальной безопасности государства и напрямую обеспечивают защиту суверенитета России не только внутри нашего государства, но и в ходе специальной военной операции на Украине.

Библиографический список

1. Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 07.12.2016 № 656 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7077.

2. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1958.

3. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму : указ Президента РФ от 26.12.2015 № 664 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 52. – Ст. 7591.

4. О совершенствовании системы управления Объединенной группировкой войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации : указ Президента РФ от 29.07.2017 № 345 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (ч. 2). – Ст. 4896.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. – URL: [https:// www.consultant.ru](https://www.consultant.ru) (дата обращения: 15.11.2023).

6. Асеев, А. Г. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации: особенности правового статуса / А. Г. Асеев // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2019. – № 1. – С. 45–50.

7. Асеев, А. Г. Эксклюзивные полномочия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / А. Г. Асеев // Военное право. – 2019. – № 5 (57). – С. 48–51.

© Новичихин П. Г., 2024

Актуальные вопросы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности

Развитие предпринимательства является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, а следовательно, требует надлежащего обеспечения гарантий развития предпринимательства, охраны и защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Осуществление субъектами предпринимательства предпринимательской деятельности нередко сопряжено с возникновением конфликтных ситуаций. Защита прав субъектов предпринимательства обладает определенной спецификой в силу особенностей предпринимательской деятельности как экономического явления, имеют свои особенности и формы ее защиты, которые предлагает российское законодательство для ее осуществления.

Для того чтобы охарактеризовать сущность обозначенного явления, необходимо дать определение понятию защиты субъектов прав предпринимательской деятельности. В юридической литературе такие попытки предпринимались неоднократно, однако наиболее точным представляется определение, сформулированное А. А. Карханиной: «Под защитой прав субъектов предпринимательской деятельности принято понимать совокупность нормативно установленных мер (механизмов) по восстановлению или признанию нарушенных или оспариваемых прав и интересов их обладателей, которые осуществляются в определенных формах, определенными способами, в законодательно определенных границах, с применением к нарушителям мер юридической ответственности, а также механизма по практической реализации (исполнимости) этих мер» [1, с. 41].

Эффективное осуществление экономической деятельности возможно только при условии организации эффективного государственного регулирования, от которого во многом зависит поддержание законности и правопорядка в сфере предпринимательской деятельности. Охрана прав и интересов предпринимательства осуществляется

на основе гарантий, обеспеченных Конституцией Российской Федерации, а также федеральным законодательством, которое постоянно совершенствуется. Вместе с тем в процессе осуществления хозяйственной деятельности предприниматели неизменно сталкиваются с целым рядом проблем. Так, на Всероссийском предпринимательском форуме «Малый бизнес – национальная идея?» Президент РФ В. Путин затронул проблему соблюдения баланса публичных и частных интересов: «...нужно приложить все силы, чтобы в сфере малого предпринимательства стабильность сохранилась, чтобы временные ограничения – и экономические, и бюджетные – не стали преградой для притока в эту сферу как можно большего числа образованных, современно мыслящих и инициативных людей» [2]. А. Калинин также указал на наличие проблем в таких сферах, как «контроль и надзор, декриминализация предпринимательской деятельности, доступ к финансовым ресурсам, инженерная инфраструктура» [2]. Грамотный и последовательный выбор мер государственного регулирования экономики, а также обширность их влияния на осуществление экономической деятельности частными субъектами необходимы при реализации государством на практике своих управленческих функций. Действительно, одной из самых распространенных проблем защиты прав субъектов предпринимательской деятельности является неправомерное вмешательство органов публичной власти в частные дела хозяйствующих субъектов, речь идет о применении методов государственно-правового принуждения [3].

Роль мер государственно-правового регулирования, в частности контрольно-надзорных мероприятий, существенно возрастает в условиях активного развития рыночной экономики. Вместе с тем осуществление такого контроля возможно только в строго ограниченных рамках. Одним из условий является создание такой системы регулирования, при которой, с одной стороны, обеспечиваются взаимные права и обязанности проверяемой и проверяющей сторон и, с другой стороны, исключена либо сведена к минимуму возможность допущения произвола и злоупотреблений со стороны контрольно-надзорных органов. Бюрократизация экономики, наличие обширных административных барьеров, налоговый пресс негативно сказываются на возможности эффективного ведения хозяйственной деятельности, в особенности это касается субъектов малого и среднего

предпринимательства, которые представляют собой наименее защищенный пласт хозяйствующих субъектов. В литературе неоднократно отмечалось, что указанная проблема существует на протяжении длительного времени, однако предпринимавшиеся меры, например принятие новых нормативных актов, призванных сократить объемы проводимых проверок, а также сфер деятельности, подлежащих лицензированию, планируемых результатов не принесли, в связи с чем вопрос о соблюдении баланса публичных и частных интересов в экономике продолжает существовать по сей день. Одним из важных актов, гарантирующих права субъектов предпринимательской деятельности, является Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)». Принятие данного закона проводилось с учетом ранее предпринятых мер по совершенствованию системы контрольно-надзорных мероприятий, стало итогом многолетней работы в указанной области. Ранее действовавшая система государственного контроля и надзора нередко подвергалась критике, в частности исследователи неоднократно указывали на сложность и запутанность взаимодействия государственных органов, осуществляющих такие полномочия, дублирование полномочий, непоследовательность и противоречивость при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Все это создавало серьезные проблемы для эффективного осуществления контроля за субъектами предпринимательства и почву для процветания коррупции. На сегодняшний день механизм осуществления государственными органами контроля и надзора приведен к строгому единообразию, однако до сих пор остается несовершенным. На настоящий момент распространены случаи нарушения требований вышеупомянутого закона, когда мероприятия по контролю (надзору) осуществляются без соответствующего приказа или распоряжения либо в них не обозначается период проведения, не указывается вид проверки, ее цели, задачи и предмет проводимого мероприятия, не соблюдается периодичность проведения плановых мероприятий по контролю. Кроме этого, права хозяйствующих субъектов нередко нарушаются при применении публичными субъектами норм административного законодательства при привлечении их к ответственности по результатам контрольно-надзорных мероприятий [1, с. 43]. По мне-

нию ряда исследователей, все перечисленное свидетельствует, что действующая на сегодняшний день система государственного регулирования не отвечает в полной мере требованиям, которые к ней предъявляет буква закона: такое осуществление полномочий контрольно-надзорными органами, при котором обеспечивается режим благоприятствования хозяйственной деятельности, одновременно соответствующий интересам потребителя.

Вместе с тем значительное число правоведов и экономистов отмечают, что эффективная борьба с нарушениями прав и интересов хозяйствующих субъектов в указанной сфере возможна при своевременном обращении поднадзорных лиц в правоохранительные органы. Государством проводится активная работа по совершенствованию и обновлению существующей нормативной базы, призванной регулировать вопросы защиты и поддержки субъектов предпринимательской деятельности. В частности, при проведении внеплановых проверок в отношении малого и среднего предпринимательства особая роль отводится органам прокуратуры; соответствующий вывод можно сделать из анализа норм, принимаемых в сфере административного регулирования экономического сектора. Примером, в частности, может служить указ Президента РФ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности».

Таким образом, можно сделать вывод, что круг проблем в сфере защиты субъектов предпринимательской деятельности достаточно широк, в связи с чем необходимо не только формирование механизмов по защите и поддержке хозяйственных субъектов, но и совершенствование уже существующих механизмов борьбы с выявленными нарушениями, в том числе путем обновления действующей нормативной базы, регулирующей отношения в соответствующей сфере.

Список библиографических ссылок

1. Карханина А. А. Способы защиты прав предпринимателей и роль прокуратуры в сфере защиты прав предпринимателей // Проблемы науки. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2020. № 5 (53). 41–44.

2. Малый бизнес – национальная идея?: всероссийский предпринимательский форум. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 26.10.2023).

3. Гузенко Л. В. Проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 197–200. URL: <https://moluch.ru> (дата обращения: 26.10.2023).

© Острякова Т. В., 2024

М. П. Панчишкина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Научный руководитель:

В. А. Усанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

**Судебная защита при включении
информации об участнике закупок
в реестр недобросовестных поставщиков
(подрядчиков, исполнителей)
в соответствии с требованиями законодательства
о контрактной системе**

Включение информации об участнике закупок в реестр недобросовестных поставщиков (далее также – РНП, Реестр) является серьезной мерой ответственности за недобросовестные действия, совершенные юридическим или физическим лицом при заключении контракта или его исполнении.

Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) предусмотрено несколько оснований для направления государственным или муниципальным заказчиком обращения о включении сведений в Реестр: уклонение от заключения контракта, односторонний отказ заказчика или поставщика от заключения контракта, а также вступившее в законную силу решение суда о расторжении контракта в связи с существенным нарушением его условий со стороны поставщика [1].

Любое из оснований не имеет под собой предустановленной силы, то есть при направлении заказчиком обращения в контрольный орган в сфере закупок, которым является Федеральная антимонопольная служба России и ее территориальные органы, комиссией антимонопольного органа рассматриваются все обстоятельства и материалы дела в совокупности с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлениях от 30.07.2001 № 13-П и от 21.11.2002 № 15-П. Конституционным Судом РФ было

отмечено, что меры государственного принуждения должны применяться с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств.

При рассмотрении такого обращения комиссией дается оценка существенности нарушения, степени вины участника, а также ущерба, нанесенному государственному или муниципальному заказчику.

В случае если в результате рассмотрения обращения о включении в РНП принято решение о включении сведений о таком участнике в Реестр на 2 года, такие сведения вносятся не позднее трех рабочих дней с принятия решения. Датой включения в реестр недобросовестных поставщиков сведений считается дата размещения указанных сведений в единой информационной системе (на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок).

К сведениям, которые подлежат включению в Реестр, относятся: наименование (для юридического лица); фамилия, имя, отчество (для физического лица); идентификационный номер налогоплательщика; фамилии, имена, отчества, идентификационные номера налогоплательщиков членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа; наименования, фамилии, имена, отчества, идентификационные номера налогоплательщиков участников (членов) корпоративного юридического лица, способных оказывать влияние на деятельность этого юридического лица; номер реестровой записи в едином реестре участников закупок; идентификационный код закупки; дата внесения указанной информации в реестр недобросовестных поставщиков.

Решение о включении сведений в Реестр может быть обжаловано в Арбитражный суд того субъекта, в котором расположен антимонопольный орган, принявший указанное решение, в течение трех месяцев со дня его принятия. Так, решения, принятые Волгоградским УФАС России, могут быть обжалованы в Арбитражный суд Волгоградской области.

К последствиям внесения информации об участнике закупок в РНП относятся как репутационные потери, так и экономические, то есть Реестр влечет для такого поставщика дополнительные к обычным гражданско-правовым средствам воздействия негативные правовые последствия, ограничивает его гражданскую правосубъектность [2, с. 142].

Согласно ч. 1.1 ст. 31 Закона о контрактной системе заказчик вправе при проведении закупки установить требование об отсутствии сведений об участнике закупки в Реестре. Безусловно, установление указанного требования – это лишь право, а никак не обязанность заказчика, но какой заказчик будет безразлично относиться к факту установления недобросовестности в действиях участника закупки и применения к нему меры ответственности в виде включения в Реестр при участии такого субъекта в проводимой заказчиком закупке?

Основные интересы участников рынка государственных и муниципальных закупок имеют предпринимательский, экономический характер, что определяется самой сущностью этой деятельности, ориентированной на получение прибыли [3, с. 137].

Потеря возможности участия в большинстве закупок наносит весомые убытки субъектам, специализирующимся в том числе на заключении и исполнении государственных и муниципальных контрактов.

Не все участники закупок, сведения о которых были включены в Реестр, соглашались с этим решением и принимают его, теряя возможность участия в закупках. Часть из них обращается в арбитражные суды в целях защиты своих интересов и установления судом отсутствия недобросовестности в их действиях.

Процедура оспаривания включения сведений о лице в РНП состоит в следующем.

Юридическим или физическим лицом, информация о котором была внесена в Реестр, подается заявление об оспаривании ненормативных актов, в котором, как правило, предъявляются требования о признании решения антимонопольного органа недействительным и незаконным, об исключении сведений о лице из реестра недобросовестных поставщиков. Могут быть также предъявлены требования о возмещении убытков антимонопольным органом, если таковые имели место.

Заявление может содержать доводы о «материальных» основаниях, с учетом которых сведения не должны были быть внесены в Реестр. Например, в случае устранения лицом недостатков, указанных в решении заказчика об одностороннем отказе в течение отведенных для таких действий десяти дней. Следовательно, если контрольным органом при вынесении решения не учтено указанное обстоятельство, на это, безусловно, необходимо сослаться в заявлении и обратить внимание арбитражного суда. Основанием невключения сведений

о лице в РНП также является отсутствие установления в его действиях недобросовестности, намеренного неисполнения условий контракта.

Так, по делу № А19-28229/2022 три судебные инстанции во главе с Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа установили, что УФАС по Иркутской области при включении сведений об ООО «СИБСТРОЙ» не было установлено недобросовестного поведения в действиях подрядчика: в процессе исполнения обязательств по контракту им в рабочем режиме устранялись допущенные недостатки, осуществлялись попытки согласования замены строительных материалов, которые отсутствовали в продаже на момент исполнения контракта, и др. На все указанные обстоятельства ООО «СИБСТРОЙ» было обращено внимание судов. Такое решение антимонопольного органа было признано незаконным, сведения из Реестра были исключены [4].

Кроме этого, заявление может основываться на нарушении контрольным органом «процессуальных» оснований для включения или отказа во включении сведений о лице в РНП. Так, согласно подп. «а» п. 14 Правил ведения Реестра, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078, контрольный орган при уклонении лица от заключения контракта принимает решение об отказе во включении информации в Реестр, если выявит, что заказчик при проведении закупочной процедуры нарушил требования к определению такого участника закупки лицом, с которым заключается контракт, или к направлению такому участнику закупки проекта контракта, заключению контракта, признанию участника закупки уклонившимся от заключения контракта [5].

Следовательно, если лицо признали победителем закупки, а оно не соответствовало каким-либо предъявляемым требованиям или товар, предложенный им к поставке, не обладал необходимыми характеристиками, при его уклонении от заключения контракта информация о нем не подлежит включению в РНП. Кроме того, в случае, если заказчик направил проект контракта на подписание участнику закупки с нарушением установленного для совершения указанных действий срока, при уклонении такого участника сведения о нем также не подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков.

В случае допущения каких-либо нарушений контрольным органом указание на нарушения в заявлении послужит принятию арбитражным судом решения о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Необходимо отметить, что такого рода заявление подается и рассматривается по общим правилам искового производства с учетом особенностей, предусмотренных нормами гл. 24 АПК РФ [6].

Срок для подачи заявления составляет три месяца со дня, когда лицу стало известно о принятии решения о включении сведений о нем в Реестр (ч. 4 ст. 198 АПК РФ).

В современных реалиях сложно представить ситуацию, когда сведения о гражданине или организации внесены в РНП, а лицо об этом не уведомлено и не осведомлено. Такая информация в течение трех рабочих дней со дня принятия решения направляется в адрес лица заказным письмом или посредством электронной почты, а также, что самое важное, отражается в личном кабинете ЕИС у такого участника закупок.

Тем не менее законодательством предусмотрено, что в случае пропуска указанного срока при наличии уважительной причины он может быть судом восстановлен.

Предельный срок, установленный для рассмотрения таких заявлений арбитражным судом, составляет три месяца с возможностью продления до шести месяцев в связи с особой сложностью дела или со значительным числом участников арбитражного процесса.

Результат судебного разбирательства – это решение арбитражного суда об удовлетворении заявления или об отказе в удовлетворении таких требований, то есть признать решение о включении сведений в Реестр незаконным и недействительным или оставить его в силе.

Интересной является возможность исключения сведений об участнике закупок из РНП по результатам вынесения арбитражным судом решения о признании одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта незаконным. В таком случае в соответствии с подп. «б» п. 1 ч. 9 ст. 104 Закона о контрактной системе информация об участнике закупок будет подлежать исключению из Реестра до истечения установленного срока в случае получения антимонопольным органом такого рода решения суда.

Таким образом, при несогласии участника закупки с односторонним расторжением контракта со стороны заказчика он может в судебном порядке обжаловать такие действия заказчика, что впоследствии окажет влияние на включение или невключение сведений о нем в РНП.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что включение сведений об участнике закупок в Реестр является серьезной мерой

ответственности, влечет негативные правовые последствия. Решение о включении сведений в РНП принимается комиссией антимонопольного органа с учетом всей совокупности обстоятельств, может быть обжаловано в судебном порядке в арбитражном суде в рамках процедуры оспаривания ненормативных правовых актов. Судебной защите следует уделить особое внимание, соблюсти все предусмотренные сроки и установленную форму для подачи такого рода заявления.

Список библиографических ссылок

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Зырянов С. М., Мараев К. Е. Признание недобросовестным поставщиком – мера административной ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 139–144.

3. Воронцова Ю. И. Содержание и проблемы правового регулирования судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9–2. С. 137–141.

4. Об оспаривании ненормативного акта: постановление арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.10.2023 по делу № А19-28229/2022. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2023).

5. О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 28 (ч. 1). Ст. 5508.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2004. № 3534.

© Панчишкина М. П., 2024

Проблемы становления региональной правовой системы Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации

Каждое общество проходит ряд политических, культурных, социально-экономических преобразований, которые требуют соответственного закрепления в качестве нормативной базы. Не являются исключением и правовые преобразования, проходящие на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

В связи с вступлением ДНР на правах субъекта в состав Российской Федерации (далее – РФ) [1] на сегодняшний день субъект находится на этапе определения региональной системы права. Данная система должна сочетать в себе основы нормативно-правового регулирования, установленные на федеральном уровне, а также уникальную базу, сложившуюся в результате исторического, политического, социально-экономического развития региона.

В первую очередь, необходимо обратиться к истокам – особенностям юридической практики как конкретно-историческому явлению. В каждую историческую эпоху право отличается немалой, а иногда достаточно существенной спецификой. Первоначальную, основополагающую значимость при этом имеет понятие национальной правовой системы [2, с. 107]. Данное понятие определяется через конкретно-историческую социальную реальность, состоящую в комплексных взаимосвязях и взаимодействии с другими элементами общества: с уникальной экономикой, устройством государства, моралью, культурой – всей общностью социальных институтов и ценностей. Главная ее особенность – это единство, «суверенность». Хотя истории известны факты существования в пределах одной страны нескольких одновременно действовавших правовых систем (например, в эпоху феодализма в период раздробленности), но, по итогу, всеобщей тенденцией является формирование в стране единой, «суверенной» национальной юридической системы [2, с. 108].

О. П. Личичан отмечает, что наряду с национальной правовой системой существует правовая система субъекта или региона, отличающаяся не только по нормативному наполнению, но и по форме (источникам) права, специфике правовых институтов, особенностям правоприменительного процесса, характерным для многих государств [3, с. 131].

В контексте становления ДНР как субъекта РФ основополагающим является этап формирования региональной правовой системы, а после — ее совершенствования. Таким образом, определяющую роль играет формирование такого комплекса норм, который являлся бы оптимальным и наиболее подходящим на конкретном этапе развития правовой системы.

Учитывая вышеизложенное, определяющим фактором формирования региональной правовой системы ДНР является установленный конституционным законом переходный период, направленный на урегулирование процессов интеграции в правовую систему РФ [1].

Интеграция ДНР в правовое поле РФ детерминировала ряд проблем, предпосылкой которых являются особенности развития правовой системы РФ, а именно прогрессивность и новаторство.

Так, процесс активного внедрения законодательства РФ на территории ДНР влечет множество коллизий и пробелов, обусловленных отсутствием согласия нормы права с существующей правоприменительной деятельностью субъекта.

Особого внимания заслуживает процесс реформации правосознания. Перед законодателем должна стоять задача достижения баланса перехода от уже «традиционного» правового состояния к необходимой и стремительной модернизации с условием сохранения гражданского общества и правовых обычаев.

Как верно отмечает О. В. Цалиев, правовое регулирование вопросов, за решение которых несут ответственность Российская Федерация и образующие ее субъекты, осуществляется в особом правовом режиме. Конституционный Суд РФ, рассмотрев эту проблему, указал, что выработка правовых норм здесь должна строиться на основе достижения баланса интересов Российской Федерации и ее субъектов, взаимоуважения и взаимной ответственности, с обязательным использованием согласительных процедур [4, с. 61].

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что существует проблема, характеризующаяся недостаточностью и несогласованностью действующего правового материала.

При реализации интеграционных процессов важным фактором, безусловно, является определение подхода к осуществлению законотворческой деятельности в республике, характеризующегося стремлением к минимизации радикальных изменений, особенностями сложившейся правоприменительной деятельности в ДНР. Достижение баланса с правовой системой РФ является важным условием для обеспечения позитивных изменений в правоприменительной практике, установления стабильности законодательства.

Следует также согласиться с В. Д. Зорькиным, который утверждает, что право и модерн очень тесно связаны друг с другом. Ведь право эпохи модерна – это важнейший движущий мотор модернизации. При этом, по справедливому замечанию автора, в процессе модернизации важно не поддаваться «соблазну слепого копирования», что само по себе «является не вариантом полноценной модернизации, а ее суррогатным антагонистом» [5].

Из этого следует, что процессы интеграции права в современном мире являются достаточно актуальной проблемой, так как от того, насколько совершенна и эффективна правовая система, зависит успех проводимых в стране преобразований, утверждение идей законности, правопорядка, соблюдение прав человека.

Список библиографических ссылок

1. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: федер. конституц. закон РФ от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (с изм. и доп. в ред. от 28.04.2023). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2023).

2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 1. 361 с.

3. Личичан О. П. Правовые системы субъектов Федерации: Российская Федерация и Германия // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 130–132.

4. Цалиев А. М. О региональной правовой системе и роли в ней норм обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 59–66.

5. Зорькин В. Д. Право эпохи модерна // Российская газета. 2010. № 138 (5217). URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 13.03.2023).

© Пенез Р. В., 2024

В. А. Подъяпольская
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель:
О. А. Белова
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

**Проблемы, возникающие при вынесении отказа
в предоставлении земельного участка,
находящегося в государственной
или муниципальной собственности**

Относительно недавно был законодательно изменен порядок приобретения в частную собственность земельного участка из государственной или муниципальной собственности. В Земельный кодекс Российской Федерации [1] (далее – ЗК РФ) Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] были внесены изменения.

Ключевой момент, на который хотелось бы обратить внимание в настоящей работе, связан непосредственно с порядком предоставления, указанным выше, а точнее с его нормативно-правовым регулированием. Предоставление земельного участка стало контролироваться непосредственно ЗК РФ.

Предусматривалось, что данная мера определенным образом упростит деятельность граждан, несведущих в юриспруденции, с целью найти нормы, необходимые для урегулирования вопроса, связанного с приобретением земельного участка в собственность. Такое регулирование на федеральном уровне, как предусматривал законодатель, станет определенного рода гарантией для граждан и облегчит им жизнь.

Как уже было указано, ЗК РФ стоит на первом месте при регулировании данной процедуры, однако в ряде федеральных законов, например в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3], установлены некоторые особенности.

При проведении процедуры приобретения земельного участка в собственность возникает необходимость обращения к ст. 39.16 ЗК РФ. Перечень оснований для отказа в предоставлении земельного участка является исчерпывающим, не подлежит расширительному толкованию.

Несмотря на то, что перечень является закрытым, напрашивается основание, которое в нем отсутствует, – земельный участок не образован и только подлежит образованию. Однако если рассматривать это положение с точки зрения общих положений земельного права и ЗК РФ, то становится ясно, что по своей сути необразованный земельный участок не является объектом права, так как он не существует и не обладает признаками, определяющими его как индивидуально-определенную вещь.

На практике можно заметить еще одно основание, по которому принимается решение об отказе, – отказ в предоставлении выносится лицу, имеющему право собственности на здание, по причине значительного превышения площади участка, необходимого для использования этого здания. В статье 39.16 ЗК РФ данное основание не поименовано, однако судебная практика идет по пути признания такого отказа законным.

С юридической точки зрения важным является как само существование закрытого перечня, так и недопустимость расширительного толкования. Определенность причин отказа, ясность их изложения для понимания передачи земельных участков от государственных и муниципальных органов является неотъемлемым основанием для соблюдения и защиты прав граждан. Для толкования положений ст. 39.16 ЗК РФ необходимы изучение и детальное толкование норм не только ЗК РФ, но и иных нормативных правовых актов.

Основанием, часто встречающимся в решениях об отказе, является пересечение или нахождение на земельном участке так называемых «красных линий». Красные линии являются границами, на которых находятся трубопроводы, линии электропередач, автодороги, зоны общего использования и т. п.

Распространенная причина отказа – нахождение земельного участка на территории, которая проходит процедуру присвоения ей статуса особо охраняемой территории.

Рассмотрим основание, являющееся первым, но не по значению, в перечне легитимных отказов, предусмотренных для государственных органов и органов местного самоуправления, обратимся к абз. 1 ст. 39.16 ЗК РФ. При процедуре толкования данной нормы сложность возникает в том, что она толкуется слишком широко. Количество оснований достаточно велико и неоднозначно. Возникают трудности в процессе сбора доказательной базы для достаточности исключительности права лица на приобретение им предусмотренного права (абз. 6 ч. 2, ст. 39.3 и 39.20 ЗК РФ).

Для того чтобы достичь единой, согласованной деятельности, региональное законодательство должно оперировать основными положениями, установленными на федеральном уровне. Только при этом будет достигнута задача повышения эффективности законотворчества. Несмотря на то, что на всей территории Российской Федерации необходимо существование единой законотворческой мысли, которую вкладывает законодатель, на территории отдельных субъектов имеются существенные различия в интерпретации определенных положений.

Принимая во внимание достаточно внушительные размеры протяженности нашего государства и количество входящих в его состав регионов, которым законодатель предусмотрел некую самостоятельность в принятии решений, стоит задуматься о наиболее скоординированных действиях между уровнями власти. Вследствие чего на первый план выносится вопрос улучшения взаимодействия. Для наиболее эффективного внедрения инициатив законодателя, предусмотренных изменениями ЗК РФ 2015 г., уполномоченным органам следует действовать слаженно на всех уровнях и проводить единую законотворческую политику.

Таким образом, можно наблюдать некоторую позитивную деятельность государства по упрощению для граждан поиска необходимой нормы, в силу закрепления некоторых положений в ЗК РФ. Однако стоит заметить, что остаются определенные недочеты и пробелы, и на основании рассмотренного можно сказать, что они имеются и в предусмотренном законодателем перечне оснований для отказа в предоставлении земельных участков. В результате таких упущений возникают неблагоприятные для граждан ситуации: они не могут приобрести земельный участок по причине невыгодности, возникших

затруднений и т. п. Данная проблема требует переосмысления законодателем закрепленных положений для достижения урегулированности самой процедуры предоставления земельного участка в частную собственность.

Список библиографических ссылок

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. федер. закона от 31.12.2017 № 506-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

2. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (в ред. федер. закона от 31.12.2017 № 506-ФЗ) // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3377.

3. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (в ред. федер. закона от 25.12.2018 № 19-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

© Подъяпольская В. А., 2024

О роли идеологии в создании и прекращении государства

Давно это было. 9 декабря 1991 г. автор этого текста, тогда еще совсем молодой офицер милиции, явившись утром на службу в качестве преподавателя конституционного права в Волгоградской высшей следственной школе, на первом же семинаре, с утра, был встречен в учебной аудитории вопросом слушателей: «А что Вы думаете по поводу отмены СССР?» «Какой еще отмены? Что за бред? Откуда взяли это? Что за вражеская дезинформация?» – недоуменно отвечал автор встречными вопросами. Его, как и миллионы иных советских граждан, это сообщение ввело в своеобразный психологический ступор от своей немыслимости со всех точек зрения тогдашнего среднего советского человека. Да и антисоветского тоже... Однако это оказалось правдой. Горькой правдой, поскольку это деяние трех политиков, распустивших СССР, с последующим бессилием тогда еще существовавшей общесоюзной власти впоследствии было осмыслено как «геополитическая катастрофа» [1].

Автор прекрасно помнит, что ни один орган государственной власти, ни один политик или должностное лицо общесоюзного или регионального уровня ничего не предприняли для того, чтобы пресечь незаконную на тот момент деятельность глав Украины, Белоруссии и России. Даже Президент СССР, М. С. Горбачев, у которого, по сути, вырвали верховную власть из рук, не предпринял ничего. Хотя и силы, и средства у него для этого были, поскольку он имел полное право обратиться в любую войсковую часть или территориальный орган КГБ, МВД, подразделение внутренних войск напрямую.

Потом уже, спустя десятилетия, стало известно, что Горбачев знал все, поскольку место, где были подписаны документы о роспуске СССР, находилось под плотным контролем оперативных сотрудников и бойцов спецназа КГБ БелССР [2], которые ждали команду от руководства СССР или же своего руководства на начало мероприятий по пресечению, захвату и документированию действий преступного (на тот момент) трио политиков и их помощников. Команда не была дана.

Что же произошло? Почему, несмотря на все имеющиеся возможности, никто из руководства СССР высшего звена не пресек преступные (на тот момент) действия трех политиков? Почему население СССР в целом встретило эту новость равнодушно? Особенно учитывая результаты общесоюзного референдума весны 1991 г., когда подавляющее большинство на вопрос «Нужен ли СССР?» ответило положительно.

Ощущалась атмосфера повсеместного равнодушия и какого-то ухода от реальности основной массы населения страны. Все уже устали от грызни в «верхах», пустоты полок продовольственных и промтоварных магазинов, пылающих на окраинах межнациональных конфликтов, которые никто из руководства страны всерьез гасить не думал и не хотел. Устали от хаоса в логистике снабжения и сбыта на всех предприятиях СССР. А самое главное, в массовом сознании произошла утрата нравственно-правовых ориентиров прошлого. Позднее сам процесс, цели и задачи по размыванию в массовом сознании основополагающих принципов бытия очень хорошо удалось описать известному социопсихологу С. Кара-Мурзе в его известной в начале нулевых годов работе «Манипуляция сознанием» [3]. Однако манипулировать огромными массами людей возможно только там, где задолго до этого были созданы предпосылки такой манипуляции. Должны быть налицо слабые звенья массового сознания. Как условия манипуляции. Таким слабым звеном в сознании советского общества и советского гражданина автору представляется существенный идеологический пробел в теории марксизма-ленинизма. И этот пробел, несмотря на то, что мы давно отказались от руководящей роли КПСС (отменив ее) и, соответственно, от идеологии марксизма-ленинизма тем не менее продолжает оказывать существенное влияние на наше общее и индивидуальное сознание (в том числе и на правосознание), потому что в глубине души все мы, рожденные до 1980 г., глубоко внутри продолжаем оставаться советскими людьми. При полном внешне у многих отрицании этого факта. Все мы, граждане России, старше 33 лет, от Президента России до рядового Вооруженных Сил страны, там, в глубине души, являемся в той или иной мере советскими людьми. С правосознанием советского гражданина.

В чем же выражен «первородный грех» марксизма? Тот самый, что потом позволил развалить им же скрепленную «великую красную империю»?

Начнем с социальной базы исчезнувшего советского государства. В соответствии с Конституцией СССР 1977 г. социальную основу советского государства в эту эпоху составлял по тексту ст. 19 «нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции» (в отличие от первых эпох СССР, где сначала был по конституциям 1918 (1924) гг. пролетариат, а потом, после принятия Конституции 1936 г., трудящиеся как социальная база) [4].

Даже по тексту Конституции СССР было видно, как существенно изменилась социальная основа советского государства. Не стало пролетариата, появился рабочий класс (объем статьи не позволяет автору привести наглядное доказательство коренных отличий рабочего класса от пролетариата). К 1990 г. в СССР и сам рабочий класс настолько внутренне изменился по уровню образования, культуры потребления, внутренней культуры, что это потребовало существенного пересмотра понимания его сущности, чего сделано не было.

Те наглядные данные о сущности и содержании понятия рабочего класса к концу 1980 гг. в СССР как социальной группы, на основе которой в прошлом строилась вся классовая борьба по теории марксизма-ленинизма в русле научного коммунизма, перестали отражать реальную действительность [5]. Рабочего класса в классическом понимании в СССР к этому времени уже не стало, а пропагандистская машина и социальная политика продолжали вхолостую будоражить общественное мнение.

Следующим методологическим изъяном марксизма следует считать то, что все сущее в мире, жизни, политике, ну и, в первую очередь, в производстве, он сводит исключительно к экономическим интересам и первопричинам. Это заваулированное опошляивание сущности человека как части культурной среды, поскольку мы с вами наблюдаем в сегодняшнем конфликте с Западом и Украиной совершенно обратные примеры причин и условий конфликта. Они внеэкономичны однозначно, поскольку Запад и в первую очередь его форпост Украина с точки зрения экономических интересов взяли и «выстрелили себе в ногу» в ходе тотальной конфронтации с Россией (или «назло мамке уши отморозили» (кому как нравится)).

Марксизм никогда не придавал никакого значения национально-культурным различиям. По его мнению, если инокультурные мигранты начинают острые конфликты с коренным населением страны, то это означает, что их условия жизни, работы, уровень доходов создали конфликтную среду и дали основание для противоправного поведения.

Отчасти согласимся. Так, совершенно волюнтаристское решение ЦК КПСС весной 1985 г. и последующее постановление Президиума Верховного Совета СССР [6], нацеленное на борьбу с пьянством и алкоголизмом, в итоге привели к потере миллионами граждан южных республик СССР рабочих мест и устойчивого дохода. Именно эти граждане потом стали социальной базой межнациональных конфликтов и массовых беспорядков в Азербайджане, Армении и Грузии... Однако это выступило лишь условием, создав благоприятную среду для массовых преступных проявлений. А причина крылась в ином. В культурно-исторических противоречиях армян и азербайджанцев, жителей Грузии и России в целом. Причина была в цветущем там, негласно поощряемом местными элитами национально-бытовом шовинизме по отношению к соседям и народу России. Корни этого уродливого явления лежат именно в плоскости бездумного заигрывания лидеров большевиков начала XX в. с этими самыми элитами. Разумеется, за счет подавления самосознания русского народа. «Наше дело – бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великороссов, развивая исключительно в интернациональном духе и в теснейшем союзе с рабочими иных стран те зачатки, которые имеются и в нашей истории рабочего движения» [7, с. 113–150].

Таким образом, в высших политических кругах СССР изначально было заложено двойственное отношение к национализму. Плохим был русский (французский, английский, германский...) национализм. Он был национализмом угнетателей. И, наоборот, хорошим признавался национализм этнических групп, угнетаемых (находящихся на стадии становления собственного инстинкта государственности). Именно из этих крепко замешанных левыми большевиками и социалистами потом родились Казахстан, Азербайджан, Украина... Группа «прибалтийских тигров». Разумеется, за счет интересов и ресурсов русского народа.

Автор прекрасно помнит нравственно-политическую атмосферу и экономические условия в России накануне распада СССР. Население РСФСР давно уже устало быть «дойной коровой» для «не братьев». Автору довелось изрядно поездить по большей части республик СССР. И в материальном, и в моральном плане население всех республик СССР в среднем жило качественно лучше, чем граждане России. Иная советская власть была только лозунгами и транспарантами в столицах. А в глубинке... Там ее не было. Подобное в Центре именovali национальными особенностями построения социализма в одной отдельно взятой республике. «...в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем» [8].

Народ России устал быть ресурсной базой для всех других республик СССР. Вот этого основатели советского государства предусмотреть не смогли, точнее не захотели, а последующие руководители, от Хрущева до Горбачева, заняли страусиную позицию по принципу «рассосется как-нибудь». Не рассосалось.

Родовым проклятием марксизма, лежащим в основе государственной идеологии СССР, явилось также то, что он, марксизм, а за ним и вся идеологическая машина государства напрочь игнорировали сущность личности. Попытка вырастить «нового человека», «коммунара», в целом провалилась. Человеческую природу изменить не удалось. Социализм так или иначе связан с переоценкой значения обстоятельств в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния людей на обстоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человеческими».

Между тем сам человек может давить на обстоятельства. Более того, часто он действует наперекор тем или иным обстоятельствам [9].

Отцы-основатели СССР наивно полагали, что стоит уничтожить такой источник общественных противоречий и бед, как частная собственность на средства производства, и тут же пыльным цветом распустятся все благости и свободы, начнет формироваться новая личность коммунара, строителя социализма, коммунизма.

Реальная действительность поставила крест на этих, выведенных в уютных кабинетах теориях и лозунгах. Российский народ и тем

более граждане иных республик СССР быть коммунарами в своей основной массе по факту отказались изначально. Впрочем у них был наглядный пример номенклатурного бытия советских партийно-государственных управленцев, которое ну никак не вписывалось в раннехристианские каноны аскетизма хрущевского Кодекса строителя коммунизма. В итоге восторжествовал принцип: «Ты веруй, а не испытуй. А не веруешь...».

К декабрю 1991 г. у граждан России эта вера окончательно исчезла и СССР не стало.

Какие уроки нам всем следует извлечь из произошедшего 32 года назад?

Во-первых, форма государства и публичной власти должна полностью соответствовать культурно-историческому опыту российского народа. Не без огрехов, но в целом, явочным порядком, часто вопреки формальному тексту Конституции страны это сделать удалось. Не без изъянов, но это так.

Во-вторых, те идейно-нравственные постулаты либерально-демократического толка, что пришли на смену коммунистическим, во многом оказались «ловушками сознания» и требуют переосмысления потому, что также близки идеям марксизма. Нам следует отойти от европоцентричности своей научно-философской школы.

В-третьих, каковы главные цели и задачи нашей культурно-исторической общности? Мы империя-цивилизация? Так и давайте строить внутренние и внешние отношения как имперский народ. Субъект истории, а не ее объект. Многонациональный, но единый народ.

Все это требует осмысления (которое уже началось) и законодательного оформления, и на этом пути начинать надо будет с новой Конституции страны.

Список библиографических ссылок

1. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2022. С. 252.
2. Serhii Plokyh. The Russo-Ukrainian War: From the bestselling author of Chernobyl. London: Penguin Books Limited, 2023. P 18.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. С. 291– 620.

4. Конституция СССР, принята на Седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 11. Ст. 1323.

5. Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: Ирисэн, 2009. С. 123.

6. Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения: указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 г. // Ведомости ВС СССР. 1985. № 5. Ст. 3324.

7. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 24. С. 113–150.

8. Основы марксизма-ленинизма: учеб. пособие. М.: Госполитиздат, 1960. С. 37.

9. Балашов Л. Е. Что такое философия? М.: Дашков и К°, 2023. С. 77–82.

© Попов М. Ю., 2024

А. Н. Садков
Волгоградский государственный
аграрный университет,
Волгоградский государственный университет
А. И. Гончаров
Волгоградский государственный университет

Правовая природа правил обмена цифровых финансовых активов и их место в обороте ЦФА¹

8 марта 2023 г. в реестре операторов обмена цифровых финансовых активов, ведущемся Банком России (далее – Реестр операторов обмена ЦФА), появилась первая запись, в соответствии с которой Публичное акционерное общество «Московская Биржа ММВБ-РТС» (далее – ПАО Московская Биржа) получила право на осуществление деятельности по обмену цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) [1].

Характеризуя специфичность феномена «цифровые финансовые активы», следует отметить, что противоречивость легальных дефиниций, содержащихся в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), демонстрирует дуалистический подход законодателя к этому явлению. Несомненно, что это оказывает негативное влияние на правоприменительную практику и сдерживает применение этой в целом перспективной и инновационной юридической конструкции к современным общественным отношениям. Действующие формулировки Закона о ЦФА позволяют ЦФА рассматривать не только как некую совокупность определенных имущественных прав, имеющих товарно-стоимостный характер, но и как способ удостоверения таких прав. Полагаем, что такое решение нельзя назвать корректным. Именно поэтому мы присоединяемся

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00475 «Государственное регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют: построение экономико-правовой модели, превенция конфликтов, защита прав и законных интересов участников оборота»). URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00475> (дата обращения: 10.10.2023).

к позиции В. А. Садкова, который обоснованно доказывает, что «под термином „цифровые финансовые активы“ следует понимать не оригинальную группу объектов гражданских прав, а новый способ фиксации принадлежности и объема некоторых уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав участников гражданского оборота посредством использования цифровых технологий распределенного реестра и функционирования информационных систем, в которых осуществляется дистанционное взаимодействие контрагентов. Тогда как под объектами гражданских прав следует понимать права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов» [2, с. 9]. Несомненно, что ценность представляют не записи о принадлежности неких имущественных прав определенным лицам, а собственно сами имущественные права, удостоверенные надлежащим образом, так как записи – это лишь способ фиксации вида и объема тех или иных прав и элемент идентификации соответствующих правообладателей [3, с. 83].

Оборотоспособность прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обуславливает необходимость выработки специальных правил, позволяющих надлежащим образом оформить их переход от одного лица к другому по различным основаниям. При этом следует иметь в виду, что обязательно-правовая природа прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, предопределяет необходимость построения такой модели, опосредующей переход этих прав от одного субъекта гражданского оборота к другому, которая бы функционировала в соответствии с принципами цессии. Именно обязательно-правовая природа прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, обуславливает необходимость их ограничения от цифровой валюты [4].

Одним из оснований перехода прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от одного субъекта к другому выступает сделка по обмену одних имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие имущественные права, удостоверенные по конструкции ЦФА, а также на другие объекты гражданских прав (например, на утилитарные цифровые права, на гибридные ЦФА, представляющие собой цифровые права, включающие одновременно и утилитарные цифровые права, и права, удостоверенные по конструкции ЦФА).

Нормы ст. 10 Закона о ЦФА устанавливают, что все сделки купли-продажи ЦФА и иные сделки по передаче имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должны в обязательном порядке совершаться через оператора обмена ЦФА. Анализ российского реестра операторов обмена ЦФА позволяет сделать вывод, что первым российским оператором обмена ЦФА следует признать ПАО Московская Биржа.

Во исполнение норм ст. 11 Закона о ЦФА оператор обмена ЦФА в обязательном порядке должен разработать и утвердить правила обмена ЦФА, которые в последующем согласовываются Банком России в специальном порядке. Аналогичные требования установлены и к порядку внесения изменений в такие правила. Отказ Банка России в согласовании правил обмена ЦФА, разработанных и утвержденных оператором обмена ЦФА, носит пресекательный характер и влечет невозможность осуществления деятельности такого оператора на рынке ЦФА.

Основные ориентиры, касающиеся правил обмена ЦФА, прописаны российским законодателем в ст. 11 Закона о ЦФА. В соответствии с требованиями закона правила обмена ЦФА должны регламентировать порядок совершения сделок с ЦФА через оператора обмена ЦФА; перечень видов ЦФА и других цифровых прав, сделки с которыми могут совершаться через оператора обмена ЦФА; порядок взаимодействия оператора обмена ЦФА с операторами выпуска ЦФА; вопросы защиты информации и операционной надежности и пр.

21 июля 2023 г. ПАО Московская Биржа были разработаны и утверждены первые в России правила обмена ЦФА [5]. После согласования данных правил с Банком России, выполняющим функции регулятора на рынке ЦФА, они вступили в законную силу.

Группой «Московская Биржа» принято решение, в соответствии с которым оборот ЦФА, регламентируемый вышеназванными правилами, организуется исключительно компаниями, входящими в данный холдинг. В частности, ПАО Московская Биржа является оператором обмена ЦФА, а небанковская кредитная организация Акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий» является оператором информационной системы, в рамках которой осуществляется оборот ЦФА.

Правила обмена ЦФА, разработанные ПАО Московская Биржа, состоят из двадцати четырех разделов и двух приложений. Разработчики сосредоточили свое внимание на детальной регламентации требований, предъявляемых к пользователям системы обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, порядку заключения и расторжения таким пользователем договора с оператором обмена ЦФА, порядку ведения реестра пользователей вышеназванной системы, порядку совершения сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА (в том числе по вопросам размещения ЦФА, купли-продажи ЦФА, погашения ЦФА), а также порядку проверки достаточности активов и порядку осуществления расчетов по сделкам с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, совершаемым с использованием электронной платформы, обеспечивающей учет прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и правообладателей соответствующих ЦФА.

В настоящее время, учитывая малый опыт работы с ЦФА, ПАО Московская Биржа решила ограничить субъектный состав пользователей информационной системы, обеспечивающей обмен ЦФА, только категорией юридических лиц. Однако мы уверены, что с наработкой опыта взаимодействия между субъектами гражданского оборота в сфере использования ЦФА как инновационного финансового инструмента круг пользователей будет расширен.

Хотя в нормах ст. 1 Закона о ЦФА предусматривается возможность фиксации по конструкции ЦФА четырех разновидностей имущественных прав, на сегодняшний день ПАО Московская Биржа готова работать в качестве оператора обмена ЦФА только с ЦФА, удостоверяющими обязательственные денежные требования. В данном случае речь идет о заемных обязательствах, фиксируемых в цифровой среде по технологии распределенного реестра, что, образно говоря, можно описать терминами «цифровой вексель» и «цифровая облигация» (мы не претендуем на исключительную научность такой терминологии, а используем ее для иллюстрации общего смысла описываемых явлений). Приобретение и отчуждение таких денежных обязательств осуществляется посредством подачи разнонаправленных заявок с использованием механизма открытия пользователям информационной системы, в которой осуществляется обмен и купля-продажа ЦФА, номинальных счетов.

В пункте 2.4 вышеуказанных правил обмена ЦФА разработчики обоснованно указали, что данные правила содержат условия договора оказания услуг оператора обмена ЦФА, заключаемого между оператором обмена ЦФА и пользователем, который заключается путем присоединения пользователя к указанному договору в порядке, предусмотренном нормами ст. 428 ГК РФ.

Отмечая перспективность конструкции ЦФА, следует отметить, что ее использование позволит значительно снизить издержки на оплату посреднических услуг по сравнению с альтернативными способами фондирования, повысит оперативность взаимодействия инвесторов и эмитентов на фондовом рынке, сократит время, затрачиваемое контрагентами при заключении сделок, будет способствовать развитию инновационного имиджа эмитента. Думается, что использование конструкции ЦФА в российской экономике позволит обеспечить повышение ее эффективности за счет расширения объемов инвестирования временно свободных денежных средств граждан и организаций в различные экономически привлекательные проекты.

Список библиографических ссылок

1. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. URL: <https://docs.yandex.ru> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.
3. Садков В. А. Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 1. С. 79–88.
4. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте / А. И. Гончаров, А. Н. Садков, В. А. Садков, Д. А. Давудов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 128–153.
5. Правила обмена цифровых финансовых активов ПАО Московская биржа. URL: <https://www.moex.com> (дата обращения: 07.10.2023).

© Садков А. Н., Гончаров А. И., 2024

Банки как операторы обмена цифровых финансовых активов¹

Сегодня информационно-телекоммуникационные технологии занимают важное место практически во всех сферах нашей жизни. Это является результатом индустриальной трансформации, составляющей основу для четвертой промышленной революции, нередко обозначаемой термином «Индустрия 4.0» [1, с. 57].

Как справедливо отмечают Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна, цифровизация экономических процессов способна в значительной мере сократить транзакционные издержки, упростить и ускорить совершение сделок, а также предоставить свободный доступ к товарным рынкам для участников хозяйственной деятельности вне зависимости от их местоположения [2, с. 208–224].

В соответствии с нормами Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259) с 1 января 2021 г. в российскую юридическую лексику введено понятие «цифровые финансовые активы». В вышеуказанном законе под цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) понимаются определенные требования имущественного характера, которые являются составляющей категории «цифровые права».

Под цифровыми правами, согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ понимается такой элемент категории имущества, как имущественные права. Как и все цифровые права, выпуск и оборот ЦФА осуществляется посредством внесения специальных записей в информационные системы, функционирующие преимущественно по принципам блокчейн-технологий. Порядок осуществления записей

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00475. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00475> (дата обращения: 10.10.2023).

о принадлежности ЦФА тому или иному субъекту устанавливается правилами информационной системы, в которой осуществлен выпуск ЦФА или происходит их оборот.

Российский законодатель относит к имущественным требованиям, составляющим суть правового явления, обозначаемого термином «цифровые финансовые активы»: 1) некоторые денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Безусловно, что электронная форма фиксации принадлежности имущественных прав конкретному участнику гражданских правоотношений является одной из ключевых особенностей ЦФА. Это осуществляется посредством использования двоичного кода, состоящего из цифр 0 и 1, который вводится в электронно-вычислительную машину (например, ЭВМ или смартфон) посредством сети Интернет, подключенную к определенной информационной системе и являющуюся одним из узлов такой системы, функционирующей на основе блокчейн-технологий. Для понятного отображения данных, зафиксированных с помощью машинного кода, используется графический интерфейс.

Исходя из положений ФЗ № 259, по технологии ЦФА могут удостоверяться практически все обязательственные требования, на которые в законодательном порядке не наложен запрет на отчуждение посредством использования цессионных конструкций, имущественные права, зафиксированные в эмиссионных ценных бумагах, и право требовать передачи таких ценных бумаг, а также корпоративные права участия в капитале акционерного общества, относящегося к категории непубличных. Несомненно, что имущественные требования, неразрывно связанные с личностью обязанного лица, облекать в форму ЦФА недопустимо, так как такие требования не являются оборотоспособными, что не соответствует концептуальной идеи ЦФА.

Использование конструкции ЦФА предусматривает упрощение оборота соответствующих имущественных прав. Для отчуждения таких прав достаточно того, чтобы лицо, желающее передать право, удостоверенное по конструкции ЦФА, и лицо, желающее приобрести такое право, обладали персональным доступом в информационную систему, функционирующую по принципу распределенного реестра,

и отвечали критериям, устанавливающим пределы сделкоспособности, в рамках соответствующей информационной системы.

Лицо, являющееся пользователем информационной системы, в которой размещена информация о правах, удостоверенных по конструкции ЦФА, имеющее свободные средства и желающее приобрести такие права (далее – инвестор), с помощью информационных технологий при посредничестве оператора информационной системы, в которой осуществляется учет ЦФА, заключает сделку по приобретению соответствующих прав, о чем лицо, выпускающее ЦФА, делает запись в соответствующей информационной системе. С этого момента инвестор становится первым обладателем ЦФА. Записи об обладателе ЦФА в автоматическом порядке прописываются на всех узлах информационной системы, а технология распределенного реестра обеспечивает устойчивость и защищенность таких записей.

Сделка по дальнейшему приобретению/отчуждению прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, осуществляется при посредничестве оператора обмена ЦФА. Оператор обмена ЦФА является еще одним специальным участником рынка ЦФА. Такие сделки осуществляются посредством учета в информационной системе разнонаправленных заявок, поданных относительно приобретения и отчуждения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Эти заявки учитываются посредством использования соответствующего программного обеспечения и при помощи компьютерной программы, функционирующей по технологии смарт-контракта, записи о заключенной сделке и ее последствиях вносятся в распределенный реестр.

Согласно закону о ЦФА выпуск, учет и обращение ЦФА возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему, которая может быть как основана на технологии распределенного реестра, так и строиться по другому принципу. Банк России отвечает за ведение реестра операторов информационных систем, выпускающих ЦФА, и ведение реестра операторов обмена ЦФА. На Банк России возлагается осуществление контроля над их деятельностью [3, с. 82].

Лицо, являющееся носителем имущественных прав, выражающих сущностную ценность ЦФА, обозначается термином «обладатель ЦФА». Для обеспечения взаимодействия обладателей ЦФА, выпущенных в различных информационных системах, требуется

участие специального посредника – оператора обмена ЦФА. Основная обязанность оператора обмена ЦФА заключается в обеспечении заключения сделок, касающихся передачи имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Подавляющее большинство таких сделок осуществляются путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок, касающихся отчуждения и приобретения ЦФА [4, с. 14].

В соответствии с требованиями ФЗ № 239 только субъекты, занесенные в реестр операторов обмена ЦФА, имеют право оказывать посреднические услуги обладателям ЦФА в рамках совершения сделок по их купле-продаже и/или обмену.

Согласно ч. 13 ст. 10 ФЗ № 239 оператор обмена ЦФА имеет право сочетать свою деятельность с деятельностью оператора выпуска ЦФА. Однако исходя из смысла ч. 14 той же статьи только оператор соответствующей инвестиционной платформы может быть оператором обмена ЦФА или оператором других видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы.

Нормы п. 2 ст. 10 ФЗ № 239 устанавливают, что операторами обмена ЦФА могут выступать кредитные организации, организаторы торговли и иные организации, соответствующие требованиям ФЗ № 239 и принимаемых в соответствии с ним нормативных документов Банка России (при условии включения их в реестр операторов обмена ЦФА). По состоянию на 11 октября 2023 г. в таком реестре учтены уже десять организаций: АО «Альфа-Банк», АО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк», НКО АО НРД, ООО «Атомайз», ООО «Блокчейн Хаб», ООО «Лайтхаус», ООО «Системы распределенного реестра», ООО «Токены», ПАО «СПБ Биржа», ПАО Сбербанк – из которых 30 % относятся к категории банков [5]. Мы солидарны с мнением И. Калганова, утверждающего, что сегодня наблюдается ситуация, когда «банки становятся финтех-компаниями, соединяя надежность своего финансового инструментария с адаптивностью и мобильностью цифрового стартапа» [6].

Банки, участвующие в обороте ЦФА в качестве операторов выпуска ЦФА, должны обеспечить безопасный режим осуществления записей о принадлежности ЦФА конкретным субъектам гражданского оборота, позволяющим в последующем наладить устойчивый оборот ЦФА посредством осуществления сделок по купле-продаже

ЦФА или их обмену (как на другие ЦФА, так и на иные цифровые права, в том числе и утилитарные или гибридные). В свою очередь операторы обмена ЦФА должны обеспечить ликвидность рынка ЦФА, что означает простоту в поиске обладателями ЦФА и лицами, желающими приобрести ЦФА (инвесторами), своих контрагентов. Банки, если они будут выступать в роли операторов обмена или операторов выпуска ЦФА, должны выполнять и другие функции в рамках оборота ЦФА: обеспечивать доступность, информативность и актуальность графика цен и других аналитических инструментов, предоставлять возможности для использования маржинальной торговли.

Однако в рамках участия банков в деятельности, связанной с оборотом ЦФА, следует учитывать вероятность возникновения различных неблагоприятных моментов. Сегодня очень высоки риски хакерских атак, направленных на дестабилизацию работы цифровой среды, что может повлиять на потерю обладателями ЦФА своих активов. Именно поэтому верификация участника оборота ЦФА является обязательной процедурой, касающейся такого оборота. Это делается для обеспечения безопасности и предотвращения мошенничества в цифровой среде.

Для банков как участников взаимодействия, касающегося оборота ЦФА, как никогда важно выбрать в качестве основы своей работы надежную и хорошо установленную цифровую платформу. С. В. Беляева и Д. С. Шихалиева вполне обоснованно утверждают, что развитие компьютерных (цифровых) дистанционных банковских технологий, закономерно обостряя конкуренцию между кредитными организациями, влечет создание крупных экосистем [7]. Бесспорно, только крупные кредитные организации могут позволить себе разработку таких экосистем, именно поэтому роль банков в обороте ЦФА будет безусловно нарастать.

Список библиографических ссылок

1. Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). С. 57–63.
2. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
3. Садков В. А. Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 1. С. 79–88.

4. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.

5. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов по состоянию на 11.10.2023. URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 11.11.2023).

6. Калганов И. Зачем банки создают вокруг себя экосистемы и что это дает потребителю // Banki.ru. URL: <https://www.banki.ru> (дата обращения: 11.11.2023).

7. Беляева С. В., Шихалиева Д. С. Тенденции развития банковских продуктов и услуг в современных реалиях // Kant. 2020. № 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.11.2023).

© Садков В. А., 2024

**О некоторых проблемах возмещения вреда
при хищении с банковского счета
или в отношении электронных денежных средств**

Киберпреступления – разновидность преступной деятельности, в результате которой третьи лица путем хищения личной информации пользователя (номер расчетных банковских счетов, личные данные физического лица, пароли, кодовые фразы) причиняют материальный ущерб собственнику имущества. Современные технические средства, позволяющие улучшить функционирование кредитной организации и создающие максимально комфортные условия для обслуживания клиентов, сегодня используются лицами в противоправной деятельности.

Обращаясь в кредитную организацию, клиент заключает договор на открытие банковского счета и последующее обслуживание. Для использования открытого банковского счета кредитная организация предлагает установление различных приложений, личного кабинета клиента. В договоре о банковском обслуживании (далее – ДБО) клиент обязуется не передавать третьим лицам различные средства доступа к личному кабинету клиента. Все вышеперечисленные условия направлены на защиту денежных средств клиента банка, находящихся на банковском счете. Однако мошенники с целью хищения денежных средств находят различные способы получения доступа в личный кабинет клиента.

Судебная практика изобилует следующими примерами: в полицию с заявлением обратился гражданин Н., который сообщил, что от его имени заключен кредитный договор с кредитной организацией, клиентом которой он является. В своем обращении гражданин Н. указал, что ранее посредством телефонного звонка с ним связался незнакомый мужчина, который представился сотрудником кредитной организации и сообщил о подозрительных операциях, проводимых с банковским счетом гражданина Н. С целью пресечения возможных противоправных действий со стороны посторонних лиц гражданину Н.

было предложено сменить пароль от личного кабинета, предоставив кодовое слово. Гражданин Н., не подозревая об истинности происходящего, предоставляет кодовое слово. В последующем было установлено, что от имени гражданина Н. был заключен потребительский кредит в размере 55 000 рублей.

В действиях третьих лиц, в результате которых от имени гражданина Н. был заключен кредитный договор в размере 55 000 рублей, содержались признаки состава преступления, однако до вступления в силу Федерального закона от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» правоприменитель принимал решение о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, и в ходе проведения предварительного расследования потерпевшим признавалось юридическое лицо – кредитная организация, на имущество которой было направлено преступное посягательство. Вопрос о признании потерпевшим по уголовному делу зависит от того, кому фактически причинен имущественный ущерб в результате преступных действий виновного лица, и подлежит самостоятельной оценке в каждом конкретном случае (юридическое лицо – кредитная организация или физическое лицо – клиент кредитной организации). Законодатель, включив п. «г» в ч. 3 ст. 158 УК РФ, изменил направление правовой оценки при хищении денежных средств с банковского счета, повысив категорию преступления и изменив вид уголовного преследования.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указывается, что, если «лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя карты (персональные данные, пароли), переданной злоумышленнику самим держателем карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража» [1].

Вернемся к приведенному ранее примеру. Сотрудники предварительного расследования по результатам процессуальной проверки по заявлению гражданина Н. принимают, базируя свою юридическую оценку на действующем законодательстве, мотивированное решение о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в отношении неуста-

новленного лица. В рамках проведения предварительного расследования определяют потерпевшего и признают потерпевшим именно физическое лицо – гражданина Н. Однако бремя возмещения вреда, причиненного в результате противоправных действий третьих лиц, возлагается не на лицо, совершившее преступление. Лицо, которое в ходе предварительного расследования признано потерпевшим, невзирая на отсутствие логики, являясь стороной вынужденных гражданско-правовых отношений, которые стали возможны как следствие противоправных действий третьих лиц, обязано возместить вред. Согласно типовому ДКБО, который заключается с клиентом кредитной организации, в случае компрометации средств доступа клиент обязан немедленно обратиться в кредитную организацию для изменения информации о номере телефона сотовой связи клиента, для доставки паролей на подтверждение операций посредством сотовой связи и отключения данной услуги. Кроме того, в типовом ДКБО указывается, что до получения кредитной организацией заявления об отключении услуги подтверждения операций посредством сотовой связи клиент несет ответственность за все операции, совершенные в личном кабинете иными лицами с ведома или без ведома клиента. На протяжении последних лет сформировалась судебная практика, согласно которой кредитный договор, заключенный в результате преступных действий третьих лиц, считался действительным, а кредитная организация – надлежаще исполнившей свои обязательства. При вынесении решений по данной категории гражданских дел суд указывает, что кредитный договор, заключенный ранее, составлен с соблюдением требований ст. 160, 434 ГК РФ и подлежит исполнению.

В 2023 г. появились «прецеденты», которые могут изменить сложившуюся практику возмещения вреда при хищении с банковского счета или в отношении электронных денежных средств. Верховный Суд РФ, рассмотрев дело № 5-КГ22-121-К2 об аннулировании кредитного договора, заключенного в результате преступных действий третьих лиц, отменил акты нижестоящих судов по данному вопросу [2] и разъяснил, что кредит по СМС нарушает порядок выдачи займов, определенный законом, указав судам на необходимость устанавливать степень волеизъявления клиента кредитной организации на заключение кредитного договора и перевод денежных средств. При оформлении кредитного договора в таком порядке нарушаются требования ст. 5 Закона РФ «О потребительском кредите (займе)» в части предоставления всей информации, которая в обязательном

порядке должна быть предоставлена заемщику со стороны кредитора [3].

Представив определение по делу № 5-КГ22-127-К2 о признании недействительным кредитного договора, Верховный Суд РФ отменил акты нижестоящих судов и указал, что гражданские права и обязанности могут порождаться как правомерными, так и неправомерными действиями [4]. Заключение договора в результате преступных действий является неправомерным действием, посягающим на интересы лица, не подписывающего соответствующий договор и являющегося третьим лицом, права которого нарушены заключением такого договора. Выводы нижестоящих судов о действительности кредитного договора по делу № 5-КГ22-127-К2 противоречат положениям ст. 153 ГК РФ, так как сделка – это результат действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, и согласно ст. 820 ГК РФ кредитный договор должен быть заключен в письменной форме, несоблюдение влечет его недействительность, т. е. он считается ничтожным.

Изменение направления судебной практики в части признания кредитного договора недействительным может породить новый способ мошенничества. В связи с чем видится целесообразным при проведении процессуальной проверки устанавливать информацию в части хронологической последовательности действий лица, от имени которого заключен договор, исключив при этом его причастность к совершению данного преступления. В связи с имеющимися в настоящий момент определениями Верховного Суда РФ сотрудникам органов предварительного расследования целесообразно при проведении допроса потерпевшего по данной категории преступлений разьяснять не только положения ст. 42, 44 УПК РФ, но и возможности обращения в суд с иском заявлением о признании кредитного договора недействительным и применении последствий недействительности сделки.

Список библиографических ссылок

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.10.2023).

2. Карточка производства по делу № 5-КГ22-121-К2 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf/lk/practice> (дата обращения: 04.10.2023).

3. О потребительском кредите (займе): федер. закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.10.2023).

4. Карточка производства по делу № 5-КГ22-121-К2 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL : <https://vsrf/lk/practice> (дата обращения: 04.10.2023).

© Торяникова И. В., 2024

Судебный порядок возмещения убытков, причиненных корпорации, по искам участников

Юридическое лицо, являясь по своей правовой природе фикцией в соответствии с закрепленной в законодательстве России конструкцией, традиционно приобретает и осуществляет права через свои органы. Данное правило закреплено в п. 1 ст. 53 ГК РФ. Изначально с 1995 г. было предусмотрено исключение из этого правила для хозяйственных товариществ. Среди корпораций гражданские права и обязанности хозяйственные товарищества приобретают через своих участников – полных товарищей. Вместе с тем с 2014 г. у участников остальных корпораций появилось право действовать от ее имени, а именно требовать по п. 1 ст. 65.2 ГК РФ возмещение убытков, причиненных организации, с лиц, которые могут выступать от ее имени и нести ответственность.

Реализация данной возможности (права участника) отягощена на сегодняшний день рядом обстоятельств, некоторые из которых имеют противоречивый характер.

Во-первых, арбитражно-процессуальным законодательством (ст. 228.5 АПК РФ) и ранее 2014 г. была предусмотрена возможность участника корпорации обратиться в суд с требованием возместить причиненные юридическому лицу убытки. Однако процессуальным законодательством предусмотрено, что в этом случае участник действует от своего имени, а не от имени юридического лица, как его представитель. ГК РФ (материальной нормой) предусмотрен иной статус участника как стороны в процессе при обращении в суд за возмещением причиненных убытков. В статье 53 ГК РФ привязка идет к представительству (ст. 182). Соответственно, возникает проблемный вопрос о возможности участия в судебном разбирательстве, как стороны по исковому заявлению участника корпорации, самой корпорации посредством представительства ее постоянно действующего исполнительного органа (например, директора).

Во-вторых, участник корпорации хоть и обращается в суд от имени корпорации, однако имеет свой собственный интерес, который может отличаться от интересов других участников корпорации или самой корпорации. В гражданском законодательстве (п. 2 ст. 65.1 ГК РФ и ст. 93.1 Федерального закона «Об акционерных обществах») предусмотрена необходимость заблаговременного (в акционерных обществах – не менее чем за 5 дней до обращения в суд) информирования остальных участников о том, что участник обращается в суд за защитой интересов корпорации. Письменное уведомление в акционерных обществах направляется акционерам через общество. Общество в свою очередь должно раскрыть сведения о принятии судом иска к производству в том же порядке, который предусмотрен для информирования акционеров о проведении общего собрания акционеров.

Собственный интерес участника корпорации может противоречить интересам организации, поэтому при вынесении справедливого, обоснованного и законного решения суду необходимы понимание и осведомленность о позиции юридического лица, а не только ее участников. На данное обстоятельство уже неоднократно обращали внимание специалисты (например, Д. Ю. ИONOVA [1, с. 19], С. В. МОИСЕЕВ [2, с. 47], Д. И. СТЕПАНОВ и др.).

В-третьих, противоречивость рассматриваемых материальных и процессуальных норм заключается также в том, что судебные издержки возлагаются по делам о возмещении убытков организации по искам участников на самих участников корпорации (ч. 3 ст. 225.8 АПК РФ), хотя они именуются законными представителями и действуют в интересах юридического лица. Соответственно, если истцом выступает организация в лице законного представителя – участника, то и судебные издержки логично тогда должна нести сама организация.

Четвертая особенность заключается в субъектном составе ответчика. Возмещение убытков, причиненных корпорации, можно требовать со следующих лиц:

- 1) лица, уполномоченные выступать от имени организации в соответствии с законом, иным правовым актом или учредительными документами юридического лица;

2) члены коллегиальных органов юридического лица, если они голосовали за решение, которое причинило убытки организации;

3) лица, имеющие фактическую возможность определять действия корпорации, давать указания 1 и 2 категории названных субъектов.

Анализ судебной практики по делам о возмещении убытков, причиненных корпорации, дает возможность выделить следующие виды возмещаемых убытков корпорации по источнику их возникновения:

- убытки возникли в связи с неисполнением сделки корпорации с контрагентом;

- убытки по вине руководства (увод имущества в подконтрольные организации, в том числе себе);

- убытки вследствие неисполнения решения государственных, в т. ч. контролирующих, органов (неисполнение предписания);

- участник сам создает убытки для общества, а потом взыскивает их с контролирующего лица (руководителя, другого участника).

Механизм взыскания убытков, причиненных корпорации по искам участников, используется на практике по разным причинам. Самая добросовестная причина, конечно, связана с необходимостью возместить убытки, причиненные недобросовестным руководством компании (постоянно действующим исполнительным органом).

Как уже отмечалось, цель участника, обращающегося в суд от имени организации, не всегда соответствует интересам самой организации и ее остальным участникам. Фактически на первом месте для участника стоят не интересы корпорации, а его собственные. Например, в обществе с ограниченной ответственностью (далее – ООО, Общество) было 3 участника: отец с долей 50,58 % уставного капитала и два сына с долей 24,71 % у каждого. Генеральным директором ООО был отец. После смерти отца его доля по завещанию перешла к одному из сыновей. Другой сын обратился в арбитражный суд Амурской области с требованием возместить причиненные недобросовестными действиями отца как генерального директора убытки ООО в размере 17 097 360 руб. из наследственной массы. Убытки были причинены вследствие заключения сделок долевого участия в строительстве между генеральным директором (отцом) и ООО с дисконтом. Суд признал, что сделки совершены отцом «в условиях конфликта между его личными интересами и интере-

сами ООО, основной целью деятельности которого является извлечение прибыли. При этом отец совершил сделки на заведомо невыгодных для Общества условиях с существенным отклонением в худшую сторону от условий аналогичных сделок, совершенных как самим Обществом, так и на рынке недвижимости. Суд установил неправомерное уменьшение стоимости проданных квартир – в 1,9 раз, что признано достаточным для вывода об убыточности сделок для общества». Соответственно, первая и вторая инстанции арбитражного суда признали наличие причиненных убытков ООО и определили их взыскание с наследника имущества (постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2022 № 06АП-6315/2022).

В некоторых случаях к причиненным убыткам юридическому лицу косвенное отношение имеет сам участник корпорации, обращающейся в суд за их возмещением. По делу № А40-205405/22-189-1644 от 27.12.2022 имела место как раз такая ситуация. Участник общества с долей в 25 % уставного капитала обратился в суд с требованием обязать провести аудиторскую проверку организации и установить неустойку в 5 000 руб. за каждый день неисполнения решения суда, но не более 300 000 руб. Директор общества (он же владелец 75 % уставного капитала) решение суда не исполнил и, соответственно, общество заплатило 365 000 руб. неустойки. Этот же участник с долей в 25 % уставного капитала в дальнейшем обратился в арбитражный суд г. Москвы с требованием возместить причиненные убытки организации с директора (соучредителя с долей в 75 % уставного капитала). Судом эти требования были удовлетворены. Данный случай является также примером корпоративного конфликта, разрешаемого посредством п. 1 ст. 65.2 ГК РФ.

В соответствии с официальными статистическими данными арбитражными судами России в 2022 г. рассмотрено 1 057 дел по искам участников о возмещении убытков юридическим лицам [3]. Следует констатировать, что данная категория дел составляет 0,06 % от общего количества рассмотренных арбитражными судами дел, при этом доля удовлетворенных исков составляет всего 34 %, это более чем в 2 раза ниже, чем показатель удовлетворения требований по всем категориям рассмотренных дел, но при этом доля удовлетворенных требований выше среднестатистической на 3 %. Особо удивительным является показатель средней суммы иска. По делам о возмещении

убытков юридическим лицам по искам участников он является максимальным из всех категорий дел и превышает среднестатистический больше, чем в 300 раз, и составляет 452 256 000 руб. [3]

Таким образом, можно сделать вывод, что действующие российские нормы материального и процессуального права о возмещении убытков юридического лица по искам участников противоречивы, но востребованны, при этом их применение с точки зрения добросовестности вызывает вопросы, требующие уточнения правового регулирования.

Список библиографических ссылок

1. Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.
2. Моисеев С. В. Отдельные особенности активного процессуального соучастия при оспаривании совершенных корпорацией сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 9. С. 45–52.
3. Арбитражное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. URL: <https://sudstat.ru> (дата обращения: 06.10.2023).

© Усанова В. А., 2024

Юридическая конструкция взаимоотношений органов публичной власти на федеральных территориях

Проведенная реформа 2020 г. скорректировала положения ст. 131 Конституции РФ, согласно которой особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом.

Федеральный закон № 131-ФЗ (гл. 11) [1] предусматривает характерность и уникальность осуществления местного самоуправления на отдельных территориях, где органы публичной власти, как правило, реализуют функциональные полномочия, определенные федеральным законодателем. Подобный вывод можно сформулировать и в отношении федеральной территории (далее – ФТ), в частности в отношении пока единственного опыта ее создания – территории «Сириус». Юридическая возможность создания территориальных единиц совершенно нового типа – федеральных территорий – обозначена в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ [2].

Однако указанная модель вывода муниципальных земель из сферы регулирования органов местного самоуправления стала достаточно популярной (порт «Владивосток», инновационный центр «Сколково», различные технологические парки и др.).

Дефрагментация законодательства стала общей тенденцией, где наиболее пострадавшей стороной выступают именно органы местного самоуправления (данное обстоятельство неоднократно подчеркивается в российской юридической литературе). Более того, вывод земель из ведения органов местного самоуправления происходит зачастую, когда местные интересы учитываются весьма посредственно. Можно отметить усиление федеративных отношений при помощи смещения вектора в сторону «вертикальной» централизации. Как мы знаем, излишняя централизация всегда приводит

к уменьшению влияния местных интересов. Практика подтверждает, что наилучшее приспособление к решению быстроменяющихся запросов показывают децентрализованные системы. Однако опыт более централизованного управления в Республике Татарстан дает положительные результаты.

Являясь публично-правовым образованием, федеральная территория «Сириус» имеет определенную систему органов публичной власти, включающую представительные (Совет), исполнительно-распорядительные (администрация) и иные органы (ст. 10 Федерального закона № 437-ФЗ [3]).

Федеральный законодатель определил закрытый перечень полномочий органов публичной власти на ФТ «Сириус», складывающихся:

1) из переданных отдельных федеральных полномочий органам публичной власти ФТ «Сириус» (единица определения – федеральный закон, указ Президента, постановление Правительства);

2) переданных отдельных федеральных полномочий органам региональной власти (единица определения – федеральный и региональный законы);

3) полномочий органов региональной власти по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (за исключением 37 полномочий, определенных федеральным законом № 414-ФЗ [4]);

4) отдельных полномочий Краснодарского края (единица определения – региональные нормативные акты);

5) полномочий органов местного самоуправления городского округа (единица определения – Федеральный закон № 131-ФЗ);

6) собственных полномочий ФТ «Сириус».

Следовательно, уполномоченные органы ФТ «Сириус» выражают дуалистичный характер и осуществляют как местное самоуправление, так и местное государственное управление. Однако, по мнению О. А. Ежуковой [5], классический институт местного самоуправления, осуществляемый на основании Федерального закона № 131-ФЗ, в границах ФТ «Сириус» отсутствует. Указанный автор объясняет данное положение формированием новых публичных властно-структурных единиц.

В связи с этим приобретает особую актуальность выделение уровней управления публичной власти на местах, к примеру,

В. Е. Чиркин [6] выделял общегосударственное управление, государствовподобное управление субъекта Федерации и муниципальное самоуправление.

Таким образом, ФТ «Сириус» – новое публично-правовое образование, решающее как имущественные (социально-экономические и инновационные), так и неимущественные (сохранение наследия, выявление, самореализация и развитие талантов) задачи. Уполномоченные публичные органы на ФТ «Сириус» осуществляют государственное, государствовподобное управление и местное самоуправление, выражая полномочия трех уровней. Считаем необходимым нахождение баланса между органами публичной власти вследствие того, что процесс осуществления публичной власти аккумулируется в деятельности органов местного самоуправления (которые не должны становиться представительствами органов государственной власти).

Список библиографических ссылок

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Рос. газ. 2020. № 55.
3. О федеральной территории «Сириус»: федер. закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. 1). Ст. 8583.
4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
5. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 36–45.
6. Чиркин В. Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М.: Юрист, 2006. С. 135–143.

© Фазлиева Л. К., 2024

К вопросу о месте рентных договоров в системе гражданско-правовых обязательств

Определение правовой природы договора предполагает установление его места в ряду гражданско-правовых соглашений сходной направленности, что позволяет не только определить юридическую сущность исследуемого договора, но и установить нормы права, регулирующие положения о сходных договорах, субсидиарное применение которых допустимо при наличии пробельности гражданско-правового регулирования, а также в случае заключения непоименованного смешанного договора.

Первым договором, с которым возможно сравнение договора ренты, – это договор дарения. Возможность безвозмездной передачи имущества по договору ренты позволила отождествить их с договором дарения под отлагательным условием [1]. Очевидно, в сделке под отлагательным условием условие приобретает характер отлагательного, если оно еще не осуществилось, а возникновение прав и обязанностей по сделке откладывается до выяснения вопроса о том, наступит ли это условие или нет. В исследуемом нами договоре права и обязанности наступают с момента его государственной регистрации, а не со времени наступления какого-либо события. Смерть получателя ренты также нельзя отнести к отлагательному условию, так как ее наступление прекращает такие разновидности договоров ренты, как пожизненная рента и пожизненное содержание с иждивением.

Следует отметить, что относительное сходство договоров ренты и договоров дарения может стать средством обмана граждан, желающих получать периодические рентные платежи. В юридической практике встречаются случаи, когда недобросовестные контрагенты, выступающие на стороне плательщика ренты, пользуясь неосмотрительностью будущего получателя содержания, выдают договор дарения за договор ренты, формулируя условия таким образом, чтобы

было сложно отличить указанные договоры. Заключив подобный договор, гражданин и лишается рентного капитала, как правило, жилья, и не получает обычное для договоров ренты периодическое содержание [2].

Следующим договором, с которым можно сравнить договор ренты, является договор купли-продажи. Оба договора обладают аналогичной направленностью, то есть юридическая цель обоих соглашений – возмездная передача имущества в собственность. Договор купли-продажи представляет собой соглашение, в котором наиболее отчетливо проявляется его юридическая сущность – меновая сделка, оформляющая экономические отношения по возмездному обороту имущества. В связи с этим представляется понятной позиция законодателя, избравшего статьи, входящие в гл. 30 ГК РФ, допускающего субсидиарное применение норм о купле-продаже для договоров ренты, предусматривающих возмездное отчуждение материально-товарных ценностей. Однако, с другой стороны, как отмечалось, это стало достаточно серьезной проблемой правовой квалификации договоров ренты.

Совпадение такого основного конститутивного признака, общего для договоров ренты и купли-продажи, как возмездная передача имущества в собственность, породило в цивилистической литературе точку зрения, что договоры ренты не обладают юридической самостоятельностью, а выступают в качестве разновидности договоров купли-продажи.

Аргументировалось данное мнение следующими тезисами. Во-первых, наличие у исследуемого договора цены (придающей ему возмездный характер), с которой отождествлялась обязанность покупателя имущества предоставлять продавцу содержание и уход, а во-вторых, признание договора возмездным и, как следствие, разновидностью купли-продажи предоставляет более широкий круг средств защиты прав продавца от действий недобросовестного покупателя, чем установленный для безвозмездных договоров [3]. Указанное мнение (о несамостоятельности договоров ренты) имело своих сторонников, начиная со времен действия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. и заканчивая настоящим периодом, несмотря на закрепление в действующем ГК РФ самостоятельного параграфа, посвященного изучаемому договору.

Так, Пахомов А., выступая за признание договора пожизненного содержания с иждивением разновидностью купли-продажи, обосновывает свою точку зрения достаточно оригинально. Продолжая выделять договор купли-продажи с условием пожизненного содержания, он разграничивает его с договором пожизненной ренты, тем самым допуская существование двух близких видов гражданско-правовых договоров, один из которых поименован в ГК РФ – договор пожизненной ренты, а другой (купи-продажи с условием пожизненного содержания) является непоименованным. По мнению А. Пахомова, разница между двумя договорами достаточно явная: «...в первом случае (речь идет о купле-продаже) обеспечением переданной в собственность квартиры является так называемое удовлетворение потребностей в натуре, то есть жилище, питании, одежде, уходе и т. д. Во втором случае (речь идет о пожизненной ренте) получателю ренты выплачивается только денежная сумма, определенная в договоре» [4].

Полагаем, что высказанная А. Пахомовым точка зрения не совсем верна. По нашему мнению, во-первых, объективен факт существования в действующем ГК РФ трех самостоятельных разновидностей договора ренты, а, во-вторых, купля-продажа имеет сходство с рентой только при заключении ее в рассрочку. Однако, в отличие от купли-продажи, в ренте очевидна позиция законодателя, презюмирующего получателя ренты в качестве слабой стороны исследуемого обязательства. Поэтому в соответствии со ст. 587 ГК РФ получатель ренты приобретает право залога на недвижимое имущество, составляющего рентный капитал. Если под выплату ренты отчуждается движимое имущество или денежная сумма, то получатель ренты может потребовать от ее плательщика застраховать риск ответственности за невыплату ренты или иное нарушение обязательств плательщиком.

Кроме этого, очевидно, что по договору купли-продажи не могут передаваться денежные средства в качестве товара, за исключением валютных ценностей, не имеющих свободного обращения на территории Российской Федерации. В свою очередь, предметом договора ренты могут быть и денежные средства.

Определенное сходство договоров ренты можно усмотреть и с договором купли-продажи с оплатой товара в рассрочку. Однако в тексте ст. 489 ГК РФ указанный договор презюмируется как разновид-

ность товарного кредита. Вместе с тем, как следует из положений Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», в качестве кредитора выступает кредитная организация, которая предоставляет заемные услуги. Таким образом, помимо непосредственного продавца в указанной разновидности купли-продажи участвует еще и кредитная организация, фактически оплачивающая покупку. В свою очередь, для договора ренты таких ограничений в части правового статуса субъектов договора не установлено, за исключением запретов на заключение рентных сделок в качестве получателей коммерческими организациями [5].

В цивилистической литературе существует мнение, что договоры ренты, особенно те их разновидности, которые предполагают передачу имущества взамен предоставления периодического содержания, являются разновидностью договора возмездного оказания услуг [6]. На наш взгляд, М. Бару чрезмерно расширяет понятие «услуга», понимая под ним все полезные действия, совершаемые одним лицом в пользу другого. Таким образом, к услугам можно отнести и выполнение должником своей части обязательства, что, по нашему мнению, признать услугой нельзя. Действия должника по исполнению обязательства, с одной стороны, – это односторонняя сделка, а с другой – они могут отличаться от действий, имеющих правовую природу услуги, то есть быть, например, работой. Кроме этого, при определении различия между рентной натуральной выплатой и оказанием услуги необходимо обратиться к такому элементу договора, как его цель. Как известно, целью сделки является то юридическое последствие, наступление которого ожидают стороны, ее совершившие. Нам представляется, что целью заключения договора ренты, предусматривающего получение натурального содержания, является поддержание уровня жизни, который получатель ренты не может обеспечить себе самостоятельно. В пользу такой версии свидетельствует очевидный социальный характер договора ренты, размер денежных платежей, составляющих ренту, привязанный к прожиточному минимуму, достаточно высокая степень правовой защищенности получателя ренты и высокая популярность таких договоров у социально незащищенных категорий населения. Кроме этого, на любой стадии исполнения договора ренты получатель (физическое лицо) может потребовать замены рентных платежей в форме натурального предоставления на периодически предоставляемое денежное содержание.

Очевидно, что поверхностное сходство договоров возмездного оказания услуг и договоров ренты с натуральным содержанием заключается в том, что получатель ренты отчуждает имущество, служащее, на первый взгляд, оплатой действий по уходу или иному натуральному предоставлению плательщика ренты в пользу получателя, то есть услуг. Вместе с тем судебная практика исходит из того, что оплата услуг, в соответствии с судебным толкованием ч. 1 ст. 779 и ч. 1 ст. 781 ГК РФ, осуществляется по факту выполнения требуемой услуги. Предоплата или иная форма оплаты оказанных услуг, в соответствии с судебным разъяснением, должна быть установлена соглашением сторон [7].

Разница во встречном предоставлении за оказанные услуги и за предоставление натурального содержания по договорам ренты заключается и в том, что в тексте ст. 779 и 781 ГК РФ речь идет именно об оплате услуг, то есть о встречном предоставлении в форме денежной суммы, а не о какой-либо иной форме ответного вознаграждения.

Список библиографических ссылок

1. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 48.
2. Рудевич И. Договор ренты: как стать владельцем квартиры, не покупая ее // РБК Недвижимость. URL: <https://realty.rbc.ru> (дата обращения: 07.10.2023).
3. Маслов В. Ф. Договоры с условием пожизненного содержания с иждивением // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 113.
4. Пахомов А. Купля-продажа с условием пожизненного содержания // Закон. 1998. № 7. С. 119.
5. О потребительском кредите (займе): федер. закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 2013. № 289.
6. Бару М. И. Договорное обязательство о содержании // Ученые записки Харьковского юридического института. 1948. Вып. 3. С. 40.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4; 2022. № 5.

© Федосеев П. С., 2024

К вопросу о признаках договора ренты

Признаки договора ренты, по нашему мнению, следует анализировать в рамках классической цивилистической теории, для которой договор является правовой формой экономических отношений, развивающейся от совпадения волеизъявлений лиц, имеющих общие экономические и юридические интересы, до реализации этих интересов в приобретении прав собственности на имущество, принадлежащее контрагенту.

Поскольку мы постулируем, что договор в первую очередь является сделкой, то есть юридическим фактом, порождающим права и обязанности у его участников, то первым признаком договоров ренты, с которого мы начнем свой анализ, следует назвать момент возникновения прав и обязанностей у сторон договора. В рамках традиционной цивилистической теории речь идет о дихотомии – реальные и консенсуальные сделки.

В действующем ГК РФ отсутствует норма, легально закрепляющая указанную классификацию, однако она используется в формулировках самих договоров, входящих в текст части второй кодекса, в связи с чем мы полагаем обязательным остановиться на ней в контексте исследования договоров ренты.

Законодательное разграничение договоров на консенсуальные и реальные проводится в ст. 433 ГК РФ, в которой речь идет о моменте заключения договора, то есть о времени, с которого у сторон возникают договорные обязательства. Опираясь на конструкцию статьи, можно сделать вывод, что законодатель отдает предпочтение именно консенсуальным договорам, порождающим права и обязанности с момента достижения соглашения по всем существенным условиям договора, а реальная конструкция употреблена как дополнительная, менее распространенная.

В связи с этим следует признать справедливым высказывание М. И. Брагинского о легальной презумпции в пользу консенсуальности договора, исходящей из сравнения положений пп. 1 и 2

ст. 433 ГК РФ. Появление этой презумпции, по словам М. И. Брагинского, объясняется тем, что консенсус – минимум необходимого для договора, а передача вещи – дополнение к нему, необходимое лишь для определенных видов (типов) договоров [1].

Реальность договора ренты и его разновидностей – договора постоянной и пожизненной ренты, а также пожизненного содержания с иждивением, на наш взгляд, достаточно убедительно и последовательно обосновал в своем фундаментальном труде «Договорное право» М. И. Брагинский.

В подтверждение своей точки зрения он приводил следующие аргументы. Во-первых, сама грамматическая конструкция ст. 601 ГК РФ подразумевает реальный характер договора. Следует пояснить, что реальный и консенсуальный договор можно установить, читая текст легальной дефиниции соответствующего договора, закрепленного, как правило, в первой статье параграфа главы, регулирующей его правовую динамику. Если дефиниция содержит глагол, обозначающий действие по передаче предмета договора в будущем времени, чаще всего это «обязуется сделать, передать, выполнить, оказать» и так далее, то это присуще консенсуальному договору. В случае если глагол, обозначающий это действие, употреблен в законе в настоящем времени, чаще всего это глагол «передает», то речь идет о реальном договоре.

Во-вторых, реальность соглашения о выплате ренты вызвана необходимостью защиты слабой стороны, которой в данной сделке является получатель содержания. Естественно, получатель может иметь достаточно юридических и материальных средств для защиты своих интересов, но поскольку сложилась и устоялась практика заключения данных договоров с престарелыми, одинокими, малоимущими гражданами, защита предназначена именно для них [2]. При реальной конструкции договора слабая сторона может лишиться права собственности не иначе как на основании добровольной передачи имущества плательщику и не может принуждаться к передаче посредством обращения в судебные органы, что возможно при консенсуальной конструкции договора.

Следующим признаком гражданско-правового договора является наличие или отсутствие у него встречного предоставления, то есть в рамках дихотомической классификации его безвозмездный или возмездный характер.

Договоры ренты могут предполагать передачу имущества под выплату периодических платежей безвозмездно или с предварительной передачей денежных средств получателю ренты, компенсирующих ему затраты, связанные с утратой рентного капитала.

Как следует из положений ст. 585 ГК РФ, возмездная передача имущества под выплату ренты порождает возможность субсидиарного применения к этому соглашению правил о купле-продаже в части передачи и оплаты рентного капитала. Следует обратить внимание на то, что законодатель предусмотрел применение правил о купле-продаже и дарении к ренте только в случае, если это не противоречит существу договора ренты. Существо договора ренты, исходя из разъяснения, содержащегося в письме Федеральной налоговой службы РФ (далее – ФНС РФ), заключается в возмездном характере обязательства, возникающего даже из безвозмездной передачи имущества на стадии заключения соглашения. Как отмечается в письме ФНС РФ, рентный капитал не является даром, передаваемым плательщику, будучи при этом не его доходом, а обязательством, которое он исполняет на возмездной основе [3].

Речь идет о том, что передача товара при купле-продаже предполагает несколько дополнительных обязанностей для продавца и, соответственно, порождает некоторые дополнительные права для покупателя. Так, продавец, передавая товар покупателю, обязан передать его свободным от прав третьих лиц либо получить согласие покупателя на передачу товара, обремененного ими. В противном случае покупатель имеет право требовать расторжения сделки или возмещения убытков. Кроме этого, продавец обязан уведомить покупателя о недостатках передаваемого имущества, которые могут причинить вред жизни, здоровью или имуществу покупателя или третьих лиц, а также несет ответственность за вред, причиненный перечисленным охраняемым законом интересам приобретателя или третьих лиц. Далее к рентным договорам, заключаемым с возмездной передачей имущества под ее выплату, возможно применение норм, содержащихся в главе о купле-продаже и регулирующих порядок перехода риска случайной гибели имущества – предмета купли-продажи. Лицо, передающее платно имущество под выплату ренты, обязано информировать плательщика ренты о всех имеющихся претензиях на рентный капитал со стороны известных ему лиц.

В случае передачи имущества под выплату ренты бесплатно, как следует из ч. 2 ст. 585 ГК РФ, возможно применение правил о договоре дарения к порядку передачи имущества. Как известно, передача дара по договору дарения имеет следующие особенности. Во-первых, возможна отмена дарения, если даритель переживет одаряемого, во-вторых, существуют ограничения на совершение сделок дарения, в-третьих, расторжение договора дарения возможно при совершении противоправных деяний в отношении дарителя или членов его семьи.

Следующим признаком договоров ренты, имеющим дихотомическую природу, является распределение прав и обязанностей между его участниками, которое может быть односторонним или взаимным.

Классификация договоров по данному признаку предполагает наличие так называемого встречного исполнения, то есть исполнения обязательства одной из сторон, которое в соответствии с договором обусловлено исполнением своих обязательств другой стороной (п. 1 ст. 328 ГК РФ).

А. Н. Гув, анализируя особенности встречного исполнения обязательств, делает ряд выводов, следующих из вышеприведенного легального определения встречного исполнения обязательств и позволяющих классифицировать тот или иной договор на односторонне обязывающий или взаимный. Эти выводы следующие:

- а) встречное исполнение обязательства возможно лишь в обязательствах, в которых у каждой из сторон есть права и обязанности;
- б) обязательства, подлежащие исполнению сторонами, могут возникнуть как одновременно, так и в различное время;
- в) встречное исполнение обязательств возникает только в двусторонних обязательствах [4].

Авторы разделяют данную точку зрения, а положения, содержащиеся в выводах, сделанных А. Н. Гувым, применимы к договору пожизненного содержания с иждивением. Попробуем выяснить, является ли исследуемый нами договор односторонне обязывающим или права и обязанности по нему распределяются взаимно между сторонами соглашения.

Данная классификация имеет значение в том случае, когда речь идет о возможности требовать от контрагента исполнения обязанности, а в случае ее неисполнения обращаться в суд для понуждения к ее исполнению. В таком случае происходит обмен одного обещания

на другое, неисполнение которого является основанием для применения мер гражданско-правовой ответственности. Двусторонне обязывающий (синаллагматический) характер присущ большинству гражданско-правовых договоров, носящих товарообменный характер. Двусторонне обязывающий характер свойственен также консенсуальным договорам, которые в общем виде представляют собой обмен обещаниями, где излагаются существенные условия заключаемого договора.

Односторонне обязывающие договоры представляют собой одностороннее изъявление воли, уполномочивающее лицо, и принятие ее, создающее при этом безусловную обязанность для должника. Классическим односторонне обязывающим договором следует признать разновидности договора займа, как возмездного, так и безвозмездного. После достижения согласия о передаче предмета займа займодавец становится безусловным кредитором, а заемщик – должником. Односторонне обязывающий характер характерен для реальных договоров, поскольку до передачи вещи права и обязанности не возникают, с момента передачи имущества у его приобретателя возникает главная обязанность – вернуть полученное имущество в соответствии с условием договора.

Список библиографических ссылок

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. С. 392.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2011. С. 632.
3. О направлении письма Минфина России: письмо ФНС РФ от 02.04.2009 № ШС-17-3/73 (вместе с письмом Минфина РФ от 24.03.2009 № 03-04-07-01/97). URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 16.08.2023).
4. Гуев А. Н. Постатейный комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Инфра-М, 1999. С. 537.

© Федосеев П. С., Пономарь В. А., 2024

П. М. Филиппов

Юго-Западный государственный университет,
Волгоградская академия МВД России

О. А. Коробов

Волгоградская региональная общественная организация
«Ассоциация юристов России»

Цель иска в гражданском процессе

Вопросы цели и средств ее достижения всегда стояли на повестке у философов и правоведов. В последнее время в юридической литературе о соотношении средства и цели пишут редко. Полагаем, что эта тема должна стать снова актуальной. Ведь люди в своей практической жизни всегда стремятся к определенной цели, где бы ни работали и чем бы ни занимались.

Цель всегда была и будет стимулом в жизни любого человека. Значение цели также очень важно как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности (сфере).

Для гражданского процесса ценность понятия цели проявляется в том, как эта отрасль права может удовлетворять и удовлетворяет ли потребности общества в регулировании отношений по защите субъективных прав физических и юридических лиц и охраны публичных интересов в деятельности государственных судов и третейских судов (арбитражей).

В настоящее время в научной литературе по гражданскому процессу исследуются вопросы эффективности норм гражданского процессуального права и их реализации. Однако в таких работах нет указаний на цели, а зачем нужна эффективность ради эффективности? Полагаем, необходимо обязательно подчеркивать, что эффективность и результативность гражданского процессуального регулирования отношений по рассмотрению и разрешению гражданских дел должна быть направлена на достижение той цели, которая сформулирована в Конституции РФ и в процессуальном и материально-правовом законодательстве.

Так, статья 1 Конституции РФ указывает, что Российская Федерация – Россия – есть демократическое правовое государство, а статья 7

как бы дополняет характеристику нашего государства и называет его социальным. Это дополнение в ст. 7 Конституции РФ для юристов должно иметь главный смысл.

Анализируя правовые нормы и их применение на практике, давая свое авторское толкование и оценку их правильному или неправильному применению, мы говорим лишь о правовом государстве, что оно требует соблюдения принятых законов. В таком научном анализе нет цели, ради чего надо понимать и правильно применять нормы права. Необходимо подчеркивать социальную цель, обозначенную в ст. 7 Конституции РФ, направлены ли изданные законы и практика судов по их применению на достижение условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В современной юридической литературе никто не соглашается с постулатом «цель оправдывает средства». Процессуальное право является одним из средств достижения той цели, которая указана в Конституции РФ.

Можно ли считать тождественными понятия эффективности, результативности с понятием цели? Думаем, что эти понятия не совпадают.

Вспомним время, когда в СССР было принято постановление о коллективизации хозяйства на селе. Была поставлена задача, а какие были применены, использованы правовые средства решения этой задачи? Дали право комитетам бедноты отнимать землю и все другое имущество у зажиточных крестьян и передавать в коллективную собственность, а тех, у кого имущество было отобрано, ссылали без суда и права на обжалование. Задача была решена, эффективность и результативность достигнута, а цель, которая подразумевалась, — сделать всех свободными, счастливыми, богатыми — не была достигнута. Членам колхозов не выдавали паспорта, и они не могли уезжать в другое место жительства, за труд получали трудодни и т. д. Правда, потом спохватились, после драки помахали кулаками, и правовые средства были отменены. Из этого можно сделать вывод, что выбираемые правовые средства для достижения цели в любой сфере деятельности в обществе должны отвечать правилам нравственности. Об этом говорили и раньше, но современные руководители об этом не всегда помнили. «Цель не может оправдывать средства... — говорил А. Ф. Кони. — Высокие цели правосудного ограждения общества

и вместе с тем защиты личности от несправедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными способами и приемами» [1].

А. Ф. Кони это требование выдвигал по отношению к уголовному процессу, но надо полагать, что оно в полной мере относится и к области гражданского процесса. В гражданском процессе иногда предъявляются иски, не вытекающие из закона, когда сами истцы не могут сказать, из каких правоотношений заявлено их требование, а суды г. Волгограда принимают такие иски и даже удовлетворяют. Департамент муниципального имущества (ДМИ) г. Волгограда сначала предъявлял иски к собственникам машиномест в подземной стоянке о принудительном заключении договоров аренды земельных участков (машиномест) и взыскании неосновательного обогащения за пользование землей, собственники земельных участков брали в аренду свою собственность. Сверху подземной стоянки оборудована детская площадка. Суды г. Волгограда удовлетворяли такие иски, апелляционный суд областного суда оставлял такие решения в силе. Многие собственники машиномест были вынуждены подписать такие договоры и платят арендную плату. А часть собственников машиномест добились справедливости, и один из судей вынес, наконец, решение, что требование об аренде земельного участка, предъявляемое к собственнику, является незаконным. Собственники представили суду свидетельства о праве собственности (выписки из реестра собственников недвижимости), были проведены кадастровые работы БТИ, составлены паспорта и определены номера с указанием местоположения и площади машиноместа (парковочное место). Собственники доказали, что они платят земельный налог и эта плата поступает в муниципальный бюджет. Объект обложения налогом (машиноместо и его размеры) и объект арендной платы – то же машиноместо с тем же размером. Прошло более трех лет, и ДМИ вновь предъявили иски к тем собственникам машиномест, которые не заключили договоры аренды в отношении своих участков с требованием о взыскании неосновательного обогащения за пользование землей, уже без требования о заключении договора аренды. Как известно из ст. 608 ГК РФ, арендодателем могут быть только собственник или лица, уполномоченные законом или собственником сдавать имущество в аренду. У ДМИ нет подобных полномочий, и он ссылается на другие

земельные участки под другими кадастровыми номерами, которыми ответчики не пользуются. Судья Е. С. Житенева приняла такой иск. Дело много раз откладывалось рассмотрением, часто по ходатайству представителя ДМИ. Ответчики по иску ДМИ представили письменный отзыв на предъявленный иск, в котором указали, что истец не назвал правоотношений, из которых вытекает право ДМИ требовать оплату с собственников за пользование своей собственностью. В отзыве была ссылка на Конституцию РФ (ст. 35 и 36), ст. 209 ГК РФ, что собственники свободно владеют, пользуются и распоряжаются землей, если не наносят ущерба окружающей среде и не нарушают прав и законных интересов иных лиц. Собственники машиномест никакого ущерба окружающей среде не наносили, никакого права департамента муниципальной собственности не нарушали, никакими денежными средствами ДМИ не пользовались и не сберегали и никакого неосновательного обогащения не имели. Ссылка на ст. 1102 ГК РФ несостоятельна, так как в этой статье четко указано: лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ. В судебном заседании представитель ДМИ не мог назвать правоотношение, которое было нарушено ответчиками, а на вопрос «Какие доказательства уважительности причины пропуска исковой давности имеет ДМИ?» представитель четко ответил, что таких доказательств не имеет. Статья 1109 ГК РФ прямо указывает, что по истечении срока исковой давности неосновательное обогащение не подлежит возврату. Судья Е. С. Житенева в решении не согласилась с заявлением истца и удовлетворила иск ДМИ, сославшись на ч. 3 ст. 199 ГК РФ. Эта статья говорит, что срок давности не применяется лишь в отношениях, уже сложившихся в силу каких-то ранее существующих правоотношений, связанных с зачетом, безакцептным списанием денежных средств, взысканием на заложенное имущество во внесудебном порядке. Все эти взыскания, списания денежных средств, перечисленные в ч. 3 ст. 199 ГК РФ, не имеют никакого отношения к платам за пользование земельным участком (объектом, машиноместом). Суд взял на себя обязанность

по доказыванию на стороне истца – департамента муниципального имущества. Это явный пример предвзятости судьи, явное нарушение ст. 56 ГПК РФ. Суд лишь оценивает представленные доказательства, но не вправе сам доказывать, как требует ст. 67 ГПК РФ. В решении суд неправильно истолковал ч. 2 ст. 199 ГК РФ и, соответственно, неправильно ее применил. Суд фактически в решении признал пропуск исковой давности без уважительных причин и вместо того, чтобы отказать в иске полностью, взыскал незаконную плату за три года, а во взыскании платы за время, которое выходит за рамки трех лет, отказал. Общеизвестно, что пропуск исковой давности без уважительных причин, да еще и по незаконному требованию полностью погашает право в материальном смысле.

Наличие зарегистрированного права собственности судья признала недостаточным основанием владения и пользования своим имуществом и не привела никаких правовых оснований для своего вывода, восстановила срок исковой давности, несмотря на заявление представителя истца об отсутствии доказательств об уважительности причин пропуска срока исковой давности. В решении судья сослалась на ст. 65 НК РФ, в которой написано, что пользование землей платное, плата взимается в виде арендной платы и земельного налога, поэтому собственники должны платить и то и другое. Обе платы должны идти в муниципальный бюджет. С точки зрения теории права это безграмотное толкование ст. 65 НК РФ. Арендатор не собственник, он платит арендную плату собственнику земли, и налогом он не может облагаться. Собственник осуществляет плату за пользование землей (машиноместом) в виде налога, который поступает в муниципальный бюджет. Такое решение нельзя признать законным и обоснованным, и оно не соответствует законам (правилам) нравственности, так как суд удовлетворил требование несобственника земельного участка к собственнику о взыскании платежей за пользование своей собственностью. По суду собственник за пользование землей обязан платить налог, который идет в бюджет муниципального образования, и еще за это же пользование землей он должен платить незаконные платежи. При рассмотрении и разрешении данного дела судья не подчинился закону и не смог проявить независимость, что тоже не соответствует требованиям Конституции РФ

(ст. 19 и 120)¹ [2]. Однако и это еще не все. Вынесенное решение должно было вступить в законную силу 2 декабря, а суд Центрального района г. Волгограда выдал исполнительный лист по этому решению, чтобы ответчики заплатили взысканную сумму до 30 ноября. Это настолько очевидное нарушение норм процессуального права, что вызывает удивление. В статье 428 ГПК РФ, ч. 4, указано, что исполнительный лист, выданный до вступления в законную силу судебного решения, за исключением случаев немедленного исполнения, является ничтожным и подлежит отзыву судом, вынесшим судебное постановление. Полагаем, что судья по данному делу не решил задачи гражданского судопроизводства и не способствовал укреплению законности и правопорядка, о которых сказано в ст. 2 ГПК РФ.

Положения Конституции РФ относятся к общеправовым целям, а гражданские процессуальные отношения связаны с множеством других материальных правоотношений, из которых возникают споры, конфликты: гражданско-правовые, трудовые, семейные, экологические и др. Тем не менее, несмотря на многоаспектность гражданских правоотношений, они должны изучаться и с нравственных позиций. Задачи гражданского судопроизводства названы в ст. 2 ГПК РФ и не только подчеркивают правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, но и указывают на цель: защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, а также формирование уважительного отношения к закону и суду, мировое урегулирование споров.

Следовательно, предъявляя гражданский иск, истец обязан грамотно сформулировать цель, какое право истца надо защитить, какие действия должен совершить ответчик для восстановления нарушенного права истца, а суд обязан это требовать от заявителей, которые обращаются в суд. Это требование не является обременительным, так как Конституция РФ (ст. 48) предусмотрела возможность предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи.

¹ Ранее один из авторов, П. М. Филиппов, писал об ошибочных решениях, выносимых судами г. Волгограда.

Список библиографических ссылок

1. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 4. Стр. 66.

2. Филиппов П. М. Для кого закон не писан // Российский судья. 2012 № 5; Его же. Об извращении норм процессуального права и материального права // Актуальные проблемы правоведения. 2014. № 3–4. С. 43–44; Его же. Парадоксы закона и судебной практики, связанные с арендой земельных участков // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 184–188.

© Филиппов П. М., Коробов О. А., 2024

**Вопросы надлежащей защиты
субъективных прав граждан
в связи с причинением вреда
ограниченно дееспособными лицами**

Общеизвестно, статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрена возможность судебного ограничения гражданина в дееспособности в случаях:

– во-первых, установления его пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами при условии, что он ставит свою семью в тяжелое материальное положение;

– во-вторых, выявления у него психического расстройства, вследствие которого он может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц.

При этом для первого случая предусмотрено, что «такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность ... за причиненный им вред», а для второго случая – «за причиненный им вред такой гражданин несет ответственность в соответствии с настоящим Кодексом».

Касательно ответственности первой группы ограниченно дееспособных граждан, она достаточно определенно установлена в п. 1 ст. 30 ГК РФ и обусловлена предшествующим причинению вреда их волевым поведением, осуждаемым обществом, а применяется в целях защиты имущественных интересов семьи. При этом если в судебном порядке не установлено иное, у таких граждан не снижена способность понимать значение своих действий и руководить ими. Поэтому они несут деликтную ответственность самостоятельно всем своим имуществом при наличии необходимых для нее общих оснований.

Однако редакцию ст. 1077 ГК РФ после слова «вследствие» необходимо дополнить словами «пристрастия к азартным играм,».

Напротив, как справедливо было отмечено в литературе, ситуация с деликтной ответственностью психически больных, признанных судом ограниченно дееспособными граждан оказалась нормативно неопределенной [1]. Психическое расстройство нередко приводит к гражданскому правонарушению. В сложившейся ситуации адекватное понимание сути и объема (содержания) деликтоспособности названной категории физических лиц важно в аспекте решения вопросов исполнения обязанности по возмещению причиненного ими вреда.

Введение в гражданское законодательство категории граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства, явилось одним из этапов реализации на практике научных исследований в области дифференцированного подхода к установлению специального правового статуса таких субъектов права [2]. Деликтоспособность гражданина выступает элементом его дееспособности, но полного совпадения между этими понятиями нет [3]. Формулировка абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ о несении ответственности таким гражданином за причиненный вред в соответствии с ГК РФ логична, поскольку названная статья определяет в целом объем дееспособности (она помещена в раздел I «Общие положения» части первой ГК РФ), а особенности ответственности должна устанавливать ст. 1077 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным ограниченно дееспособным». Однако несмотря на проводимое реформирование гражданского законодательства, последняя из названных статей ГК РФ не претерпела каких-либо изменений и дополнений, устанавливая по-прежнему деликтную ответственность только гражданина, ограниченного в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

В сложившейся ситуации граждане, ограниченные в дееспособности по причине психического расстройства, за причиненный ими вред должны нести ответственность на общих основаниях (ст. 1064 ГК РФ). То есть они наделены деликтоспособностью в полном объеме. В этом законоположении акцент сделан на защите интересов потерпевшей стороны.

Однако в достаточной ли мере учтены права и законные интересы причинителя вреда как специального субъекта? Недостатки указанного

законодательного установления очевидны: незначительные, как правило, имущественные возможности деликвента возместить вред, что может повлечь незащищенность потерпевших; отсутствие мотивации у попечителя к добросовестному исполнению своих обязанностей [4, 5].

Ключевым моментом для адекватного нормативного закрепления объема деликтоспособности рассматриваемой категории граждан является установленная судом их неспособность понимать значение своих действий и руководить ими без помощи других лиц и, как следствие, назначение им попечителя. Психическое расстройство как состояние психического здоровья чаще всего не является следствием какого-то волевого негативного поведения гражданина (хотя на практике и такие случаи имеют место быть), у него – снижение уровня восприятия окружающего мира. Примем также во внимание по аналогии особенности правового статуса родителя и попечителя несовершеннолетних граждан, которые отвечают субсидиарно за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, когда у них нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда (ст. 1074 ГК РФ).

По мнению автора, необходима дальнейшая дифференциация правил о деликтной ответственности:

- следует поддержать позицию ученых, предлагающих закрепить в законе (очевидно, в ст. 1077 ГК РФ) субсидиарную ответственность попечителя гражданина, признанного ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства, за причиненный таким гражданином вред до восстановления полной дееспособности у подопечного, если попечитель не докажет, что вред возник не по его вине [1, 6, 7] (в то время, когда он не был обязан осуществлять надзор за ограниченно дееспособным лицом);

- для случаев причинения вреда жизни и здоровью третьих лиц целесообразно установить солидарную ответственность ограниченного в дееспособности психически больного гражданина и его попечителя.

Список библиографических ссылок

1. Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: монография / отв. ред. К. М. Некрашевич. М.: Статут, 2022. URL: [http://www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 06.09.2023).

2. Данилова Л. Я. Новеллы российского законодательства об ограничении дееспособности граждан, страдающих психическими расстройствами // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. URL: [http://www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 26.10.2023).

3. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (постатейный). Ст. 1077 / М. В. Зуева, А. В. Климович, О. В. Корнеева [и др.]. 2016. URL: <http://www. base.consultant.ru> (дата обращения: 06.09.2023).

4. Останина Е. А. Институт недееспособности с точки зрения защиты стабильности гражданского оборота // Закон. 2021. № 2. С. 160.

5. Рябинин Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 57.

6. Богданов Е. В. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6. С. 34.

7. Шерстобитов А. Е. О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 81.

© Цветков С. Б., 2024

К проблеме совершенствования учета арендных операций

Для построения эффективной системы учета арендных операций необходимо выявить и рассмотреть основные особенности их отдельных видов и форм, поскольку довольно часто внешнее сходство имущественно-правовых отношений приводит к возникновению терминологических разногласий, несогласованностей законодательства, отождествлению отдельных их видов, что в целом влияет на процесс учетного отображения данных видов отношений и приводит к формированию искаженной бухгалтерской отчетности.

Определяющую роль при построении действенной методики арендных операций, как отмечает У. Ю. Блинова, играет понимание их сущности в симбиозе экономической и юридической точек зрения. По мнению автора, арендные операции с позиции собственника объекта аренды следует рассматривать как одну из форм экономико-правовых отношений, являющуюся процессом временной передачи права пользования и распоряжения объектом собственности (землей, имущественными комплексами, основными средствами, нематериальными активами и другим имуществом) на эквивалентный его стоимости размер арендной платы.

В свою очередь, экономическая функция аренды предполагает, что в результате заключения договора аренды арендодатель получает доход от операций по аренде, а арендатор платит арендную плату. Такие процессы должны быть четко идентифицированы учетными системами двух данных субъектов арендных отношений и отражены в бухгалтерской отчетности [1, с. 24].

Как отмечает С. В. Камысовская, Федеральным стандартом бухгалтерского учета «Аренда» (утв. приказом Министерства финансов Российской Федерации от 31.12.2016 № 258н), а также Международным стандартом финансовой отчетности 16 «Аренда» (с изм. от 20.08.2021) определены два основных вида аренды – операционная и финансовая.

Исходя из данных стандартов, финансовая аренда – это аренда, предусматривающая передачу арендатору всех рисков и выгод, связанных с правом пользования и владения активом.

К составу операций по операционной аренде относятся все другие виды операций, которые не могут быть отнесены к финансовой аренде.

Соответственно, основное различие между операционной и финансовой арендой заключается в размере риска и выгод, передаваемых от одного субъекта к другому, а также в передаче права собственности на объект аренды, в частности, если при операционной аренде право собственности остается у арендатора, то при финансовой – передается арендодателю по окончании действия договора [2, с. 31–32].

В целом С. В. Камысовская констатирует, что Международный стандарт финансовой отчетности 16 «Аренда» (далее – МСФО 16) является более детализированным учетным стандартом, предоставляющим руководящие принципы для бухгалтерского отражения арендных операций, по сравнению с Федеральным стандартом бухгалтерского учета «Аренда» (далее – ФСБУ «Аренда»). Однако следует учитывать, что в МСФО вовсе не раскрываются правовые аспекты арендных отношений, поскольку существуют значительные различия в международных системах учета, построенных на основе англосаксонской или романо-германской систем права [2, с. 35].

В то же время предложенные в выше рассмотренных стандартах базовые положения бухгалтерского учета арендных операций в отдельных случаях подвергаются критике, которую можно рассмотреть в разрезе анализа системы счетов для учета арендных операций.

Согласно МСФО 16 расходы арендатора состоят из двух частей: финансовых расходов (процентов) и уменьшения неоплаченного обязательства по финансовой аренде. Финансовые расходы должны распределяться по периодам в течение всего срока аренды так, чтобы получилась постоянная периодическая ставка процента на остающееся сальдо обязательства. Чем меньше становится задолженность арендатора, тем меньше будут и проценты. Так соблюдается принцип соотношения доходов и расходов, в результате в баланс попадает дисконтированная величина задолженности – справедливая стоимость имущества без учета размера необходимых процентных выплат

(проценты будут отражаться в составе расходов в отчете о прибыли и убытках).

В российском же учете расходы на проценты не показываются отдельно – они являются частью арендного платежа. В результате при трансформации отчетности существенным корректировкам будут подвергаться отдельные разделы баланса и отчет о прибыли и убытках.

Так, согласно международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) лизингополучатель должен амортизировать арендованные активы по правилам, применяемым для аналогичного собственного имущества (МСФО 16 «Основные средства»; МСФО 38 «Нематериальные активы»). Если арендатор не уверен в том, что получит право собственности на актив, срок амортизации устанавливается как наименьший, исходя из срока аренды или срока службы актива. Кроме того, субъект хозяйствования применяет процедуры МСФО 36 «Обесценение активов к арендованным активам» так же, как и к собственным.

Кроме этого, Е. А. Федченко, ссылаясь на ст. 31 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», указывает, что участники договора по соглашению могут применять ускоренную амортизацию арендованного имущества [3, с. 71–72].

С целью усовершенствования учетной системы арендных операций ученые предлагают уточнения аналитических счетов или субсчетов, которые могут открываться к данным счетам.

Так, О. Е. Качкова предлагает ввести счет «Необоротные материальные активы в аренде», что, по мнению автора, будет обеспечивать адекватное отражение операций по учету арендованного имущества в соответствии с условиями хозяйствования, способствовать своевременному получению и анализу необходимой информации руководством [4, с. 173].

Однако, учитывая то, что согласно действующему законодательству в аренду могут передаваться также и нематериальные активы, следует ввести в контексте данного предложения соответствующий счет для учета нематериальных активов, находящихся в аренде.

Другим направлением усовершенствования системы бухгалтерских счетов для учета арендных операций видится выделение отдельных аналитических счетов к счету 76 «Расчеты с разными дебиторами

и кредиторами» (субсчет «Обязательства по лизингу») в разрезе видов необоротных активов, которые были приобретены для сдачи в аренду, и для тех необоротных активов, которые уже находятся в аренде. Такие предложения будут способствовать выделению среди всех необоротных активов предприятия той их доли, которая будет передаваться в аренду, и в целом позволят анализировать стоимость общего арендного пула активов предприятия.

Одним из перспективных направлений развития системы счетов для учета арендных операций также видится их усовершенствование на основе учета изменений, к которым приводит внедрение в российские стандарты бухгалтерского учета основных положений МСФО 16 «Аренда». Одной из кардинальных особенностей данного стандарта, по сравнению с действующим ФСБУ «Аренда», является одинаковый порядок отражения операций по финансовой и оперативной аренде по примеру финансовой.

Так, исходя из юридической природы арендного договора, арендованный объект следует рассматривать в разрезе совокупности прав собственности (владение, распоряжение, а также пользование), часть из которых (пользование и частичное распоряжение имуществом) переходит от арендодателя к арендатору [4, с. 175–176].

Таким образом, основными направлениями критики базовых положений бухгалтерского учета арендных операций, приведенных в отечественном и международном стандартах учета аренды, выступают следующие: капитализация последствий арендных операций; система счетов для учета арендных операций; стратегическая необоснованность применения принципа преваляирования сущности над формой.

Формирование же действенных предложений по совершенствованию методики бухгалтерского учета арендных операций по каждому из выделенных направлений является перспективой дальнейших научных исследований, а также будет способствовать построению эффективного информационного обеспечения системы управления арендными взаимоотношениями на предприятии.

Список библиографических ссылок

1. Документирование хозяйственных операций и ведение бухгалтерского учета имущества организации: учебник / У. Ю. Блинова, Е. Ю. Астахова, Н. И. Голышева [и др.]. М.: КноРус, 2021. 306 с.

2. Камысовская С. В., Захарова Т. В. Бухгалтерская финансовая отчетность: формирование и анализ показателей: учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М, 2022. 432 с.

3. Федченко Е. А. Государственный и муниципальный финансовый контроль: учеб. пособие. М.: Прометей, 2020. 360 с.

4. Качкова О. Е., Кришталева Т. И., Овсянчук М. Ф. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях (для магистрантов). М.: КноРус, 2019. 286 с.

© Черемных В. Ю., 2024

Средства защиты прав человека: проблема доступности и эффективности

Права человека являются фундаментальным элементом современного общества, олицетворяя основные ценности: справедливость, свободу и равенство. Однако, несмотря на все усилия мирового сообщества в области обеспечения прав человека, существует проблема, касающаяся доступности и эффективности средств защиты этих прав. В данной статье рассмотрим сущность проблемы и возможные пути ее решения.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [1]. В настоящее время существует большое количество над-национальных и национальных органов власти, деятельность которых связана с разработкой и утверждением новых универсальных механизмов защиты прав человека, а также множество нормативных правовых актов, направленных на защиту и обеспечение основных прав и свобод человека. Стоит отметить, что, несмотря на широкий спектр инструментов, нацеленных на урегулирование дестабилизирующих факторов в области защиты прав человека, по-прежнему многие люди продолжают сталкиваться с нарушениями своих прав.

В современном мире доступ к средствам защиты прав человека часто становится значительно ограниченным. С одной стороны, данное обстоятельство может быть вызвано отсутствием правовой грамотности и недоступностью юридической помощи, а с другой – некоторые страны, проводя демократизацию правозащитных стандартов, подвергают активной критике неугодные позиции в области защиты прав человека или используют репрессивные методы воздействия по отношению к собственному населению.

Э. П. Гаврилов и Н. И. Матузов в своих работах отмечали, что защита права является одной из форм охраны права, моментом актив-

ного действия при нарушении права [2, 3]. Существующие структуры и инструменты, некоторые механизмы защиты могут оказаться неэффективными из-за слабости правовых систем, недостаточной независимости судебных органов или коррумпированности правоохранительных органов.

Для решения проблем необходимо активное укрепление средств защиты прав человека, что может включать в себя разработку как новых механизмов защиты, отвечающих современным вызовам, так и устойчивых просветительных программ по правам человека на местном, региональном и международных уровнях, повышая эффективность правовых институтов и усиливая роль независимых общественных организаций.

Одним из важных инструментов является судебная защита прав и свобод. По мнению А. В. Скорики, судебная защита прав и свобод – это государственная деятельность особого рода, использующая достаточно широкий арсенал средств правового воздействия на общественные отношения с целью устранения препятствий на пути реализации интересов субъектов права, создающая систему дополнительных гарантий правомерной активности личности, упрочивающая ее правовой статус [4, с. 214]. Судебная система как независимая и самостоятельная ветвь государственной власти реализует защитную и восстановительную функции нарушенных конституционных прав и свобод. Именно по данной причине право на судебную защиту – основная гарантия правового статуса личности в демократическом государстве, которой отводится главенствующая позиция в вопросах обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Ограничение или отсутствие доступа к правосудию приведет к катастрофическим и необратимым негативным последствиям в области защиты права и свобод человека.

Стремительно развивающееся мировое сообщество должно активнее сотрудничать в целях обмена опытом и передачи эффективных практик в сфере защиты прав человека, а не применять систему двойных стандартов при оценке правонарушающих ситуаций. Данное обстоятельство позволило бы укрепить имеющиеся средства защиты на мировом уровне, а также создать универсальные механизмы реагирования на нарушения прав человека.

Защита прав человека — это обязанность каждого государства. Решение проблем доступности и эффективности средств защиты требует совместных усилий органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций и межправительственных институтов. Только так можно создать мир, в котором права и свободы каждого человека будут защищены на высоком уровне.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2023).
2. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 214 с.
3. Гаврилов Э. П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. М., 1996. 489 с.
4. Скорик А. В. Формы и средства защиты прав человека: теоретические проблемы // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2018. Т. 4. № 10–2. С. 213–217.

© Шубенкова К. В., Игнатова К. Э.,
Кадимова Н. А., 2024

К вопросу об уплате земельного налога при установлении сервитута

В настоящее время многие собственники земельных участков сталкиваются с определенными сложностями в реализации права собственности на землю. Такие сложности могут быть связаны с возможностью пройти к своему участку через соседние участки или возможностью пользоваться водными объектами, путь к которым перекрыт садовыми участками. В таких случаях собственники земельных участков прибегают к возможности установления сервитута.

Говоря о сервитуте, нельзя не сказать о том, что сервитут является достаточно древним правовым институтом. Первые упоминания о сервитутах появились в Древнем Риме, а впоследствии начали использоваться в большинстве стран мира. Однако в Российской Федерации подобный институт не получил полноценного признания. Говоря об историческом аспекте института установления сервитута, стоит отметить, что в 1896 г. в Германии в нормативные правовые акты было включено около 50 статей о земельных сервитутах, во Франции – свыше 60 статей. Несмотря на то, что сервитут активно используется на территории Российской Федерации, законодательные акты имеют большое количество пробелов в данной сфере. Актуальность темы установления сервитута связана с недостаточным урегулированием законодателем этого института, несмотря на его высокую значимость.

В литературе выделяют большое количество определений понятия сервитута. Обратимся к наиболее известным. В. А. Нечаевым было предложено следующее понятие: «Сервитут – ограничение собственности, которое уведомляет лицо о самостоятельных вещных правах пользования чужим имуществом в строго указанном размере» [1]. Немецкий юрист Юлиус Барон ввел наиболее полное определение, которое звучит следующим образом: «Сервитут – это вещное право на чужую вещь, которое имеет определенную цель, а именно выгоду лица или участка, в силу которого управомоченный может использовать вещь или запрещать пользование ею» [2]. Советский юрист

И. Б. Новицкий говорит о сервитуте следующим образом: «Сервитут – это вещное право пользования чужой вещью в каком-либо отношении» [3]. Большое количество ученых сформулировали свое определение понятия «сервитут». Из приведенных понятий в данной статье наиболее полным, по нашему мнению, является определение Барона, в котором он упоминает основные черты, подходящие под определение сервитута. Стоит обратить особое внимание на назначение сервитута: на сегодняшний день, как правило, он применяется для прохода или проезда через земельный участок, а также для других нужд собственника имущества, которые не могут быть исполнены без установления сервитута.

Выделяют два общих вида сервитута: публичный и частный. Статья 23 Земельного кодекса гласит о том, что публичный устанавливается, как правило, для прохода или проезда через земельный участок, в том числе обеспечивает доступ людей к водным объектам общего пользования [4]. Кроме этого, из содержания названной статьи вытекает, что публичный сервитут может устанавливаться для охоты, рыболовства, сенокошения и т. д., направлен на неограниченное количество лиц. Частный сервитут, в отличие от публичного, всегда направлен на конкретного человека или конкретную группу лиц. Права лиц при частном сервитуте устанавливаются в соответствии с договором. Достаточно важной проблемой законодательного урегулирования института сервитута является отсутствие положения в нормах Гражданского [5] и Земельного кодексов, предусматривающего плату за установление частного и публичного сервитута.

Одной из немаловажных проблем, подлежащих рассмотрению многими учеными, на сегодняшний день является институт земельного налогообложения. Нельзя не отметить, что данный налог берет свое начало еще с родовой общины. В период средневековья главным занятием людей являлось сельское хозяйство, плата за пользование землей, как правило, имела натуральную форму. На протяжении многих лет полноценной системы земельного налогообложения не создавалось, однако в 1875 г. впервые был введен земельный налог, который обязывал выплачивать определенную сумму за все земли, за исключением государственных [6].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса налогообложения земельных участков, обремененных сервитутом, необходимо обратиться к правовой основе данного института. В главе 31 Налогового кодекса не упоминается об особенностях земельного участка, который обременен сервитутом [7]. Стоит отметить, что Налоговый кодекс не содержит положений относительно налогообложения земельных участков, на которые распространяется действие сервитута. Следовательно, из-за несовершенства налогового законодательства и отсутствия урегулирования данного вопроса соответствующими нормами необходимо обратиться к письму Министерства финансов Российской Федерации от 23.04.2009 № 03-05-05-02/23 [8]. В данном письме указано, что в соответствии с Налоговым кодексом, а именно ст. 388, налогоплательщиками земельного налога являются юридические и физические лица, которые обладают земельными участками на праве собственности, праве постоянного пользования и праве пожизненного наследуемого владения. Из этого следует, что обладатели ограниченного вещного права в виде сервитута не являются налогоплательщиками земельного налога, поскольку они не обладают данным земельным участком ни на праве собственности, ни на праве постоянного пользования, ни на праве пожизненного наследуемого владения. Объектами налогообложения являются земельные участки, которые расположены в пределах какого-либо муниципального образования. Далее из определения Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2006 № 5-Г06-57 [9] вытекает, что объектом налогообложения по земельному налогу может быть только земельный участок, который официально зарегистрирован. Из-за недостаточности урегулирования законодательства в сфере налогообложения следует, что собственник земельного участка является плательщиком земельного налога в отношении всего участка, часть которого обременена сервитутом [10]. Следовательно, собственник земельного участка, на котором установлен сервитут, уплачивает земельный налог в общем порядке.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что необходимо усовершенствовать законодательство в сфере земельных отношений. В Российской Федерации право сервитута получило актуальность с момента перехода страны к рыночным отношениям, когда в нашей стране после определенного перерыва, вызванного

принадлежностью всей земли социалистическому государству, вновь появилась частная собственность на землю. Это привело к тому, что возникли различные субъекты, участвующие в земельных отношениях, которые обладают землями, имеющими не только различные возможности, но и различные качества, обуславливающие эти возможности.

Список библиографических ссылок

1. Юкша Я. А. Гражданское право. М.: РИОР, 2018. Ч. 2. 232 с.
2. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть: учеб. и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 416 с.
3. Саенко Л. В., Щербакова Л. Г. Актуальные проблемы гражданского права и процесса. М.: Юрайт, 2019. 266 с.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданское право: учебник. В 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо [и др.]; под ред. Б. М. Гонгалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
8. О земельном налоге в отношении участка для ИЖС, на котором расположены: зона воздушных линий электропередач, водоохранная зона водного объекта, охранный зона газораспределительной сети: письмо Минфина РФ от 23.04.2009 № 03-05-05-02/23 // Документы и комментарии. 2009. № 10.
9. Алексеева О. Г., Аминов Е. Р., Бандо М. В. Гражданское право: учебник. 3-е изд. М.: Статут, 2018. 560 с.
10. Богданова Е. Е., Богданов Д. Е., Василевская Л. Ю. Гражданское право: учебник. В 2 т. М.: Проспект, 2020. Т. 2. 448 с.

© Юдин И. Д., Гарцева Ю. Ю., 2024

А. П. Юрина
Волгоградская академия МВД России
Научный руководитель:
В. А. Садков
Волгоградская академия МВД России

Некоторые вопросы цифровой трансформации российского правосудия

Современный этап истории человечества характеризуется как эпоха стремительного вхождения и развития информационных технологий, искусственного интеллекта, больших данных и новых прав, реализуемых людьми в интернет-пространстве. Область повседневной и профессиональной практики, промышленности и экономики, культуры и образования – все сферы нашей жизнедеятельности пронизаны цифровой трансформацией, поэтому она является важной составляющей постиндустриального общества. Данный процесс затронул устоявшиеся социальные институты, в том числе и суд. Технологические инновации подвергли изменениям форму защиты прав как физических, так и юридических лиц посредством платформенных решений и цифровых инструментов. Вышеизложенное хоть и опосредованно, но отражает сущность цифровизации правосудия.

Термин «цифровое правосудие», «цифровое судопроизводство» одними из первых использовали в своих трудах Е. В. Бурдина, О. В. Кольга, В. А. Лаптев.

По мнению Е. В. Кольги, под «цифровым судопроизводством» понимается «система процессуальной деятельности, предусмотренная соответствующим законодательством, основу функционирования которой составляют цифровые технологии, способные оптимизировать деятельность судебной системы» [1].

Если обратиться к статье Е. В. Бурдиной «Цифровизация судов и справедливость судебного разбирательства: в поисках баланса», то можно найти следующее определение «цифрового правосудия»: «структурно новый тип организации и деятельности судебной ветви

власти, основанный на электронных сетях, цифровых базах, цифровых данных и обмене ими внутри системы, с гражданами и в межведомственном взаимодействии» [2].

Из этого следует, что цифровизация правосудия – это процесс модификации деятельности судебной власти за счет использования современных информационных технологий, цифровых инструментов и автоматизированных систем с целью повышения эффективности, качества предоставления юридических услуг и процедуры рассмотрения, разрешения дел, осуществляемых судом.

Ниже мы исследуем основные преимущества цифровой трансформации судебной деятельности.

Цифровая трансформация рассматривается как фактор оптимизации электронного делопроизводства в суде. Теперь в соответствии с нормами вступившего в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» перечень элементов электронного правосудия в рамках гражданского, административного и уголовного судопроизводства значительно расширился. Согласно ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 2 ст. 45 КАС РФ, а также ст. 474.1 УПК РФ исковые заявления, заявления, жалобы, представления, ходатайства и иные документы «могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [3]. Например, осуществить отправку пакета документов в суды в электронном формате, отследить ход дела в режиме онлайн, а также получить информацию о ходе его рассмотрения можно через интернет-порталы ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», которые обеспечивают оперативную, эффективную и не требующую больших затрат коммуникацию между судами и участниками процесса. Итак, с учетом внедрения IT-технологий физические и юридические лица все меньше обращаются к традиционной процедуре подачи исковых заявлений, жалоб и других документов, отдавая предпочтение онлайн-порталам, что освобождает от необходимости физически посещать суд, а также

позволяет минимизировать риски утраты документов. Помимо этого, подача документов в электронном формате способствует снижению длительности ожидания судебных слушаний.

Переход от бумажного хранения и обработки документов к цифровому формату является еще одним немаловажным преимуществом цифровизации правосудия. Такая удобная альтернатива традиционному документообороту делает правосудие более доступным, обеспечивает грамотное управление нагрузкой суда, ресурсными и организационными затратами, обработка данных, так же как и представление отчетности, осуществляется без использования малопроизводительного ручного труда посредством автоматизированных систем, которые применяют искусственный интеллект и другие алгоритмы для анализа документов, выделения ключевых данных и классификации информации. Это облегчает доступ к данным и их поиск, так как электронные системы обеспечивают возможность быстрого поиска и фильтрации информации. Следует обратить внимание также на резервное копирование данных, которое необходимо для избежания потери информации из-за сбоев в системах, атак и случайных ошибок.

Судебные заседания в режиме веб-конференций берут свое начало еще в период введения ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции на территории России. Так, в 2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ и Президиумом Совета судей РФ было издано постановление от 08.04.2020 № 821 (с последующими изменениями в постановлении от 29.04.2020 № 822), согласно которому судам было разрешено «при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи» [4]. Вопреки тому, что сейчас для COVID-19 статус пандемии был окончательно отменен и преамбула вышеупомянутого документа утратила свою значимость, виртуальные судебные заседания продолжают функционировать и набирают обороты, ведь они дают возможность субъектам правоотношений участвовать в процессе, находясь в любой географической точке, в случае, когда их разделяют города, регионы или даже страны, устраняя временные и финансовые трудности.

Однако, несмотря на то, что цифровая трансформация правосудия открывает перед судом многообещающие перспективы, существует

и ряд проблем в модификации судебной деятельности. Исследуя концепцию современного правосудия, многие правоведы отмечают, что применение электронных средств коммуникации и цифровых технологий в судебной деятельности также сопряжено с рядом вызовов и рисков. Рассмотрим некоторые из них.

Проблема защиты информации всегда будет открытой и актуальной. Новые методы в сфере правосудия, обеспечивающие целостность, конфиденциальность и доступность сведений о судебном деле, а также его участниках, недоработаны и несут существенные риски. IT-специалистам не составляет труда найти в системе электронной защиты бреши и уязвимости, чтобы, например, подделать электронный документ и направить его в суд, что приведет к вынесению неправосудного решения.

Интеграцию IT-технологий в рабочий процесс суда уже вряд возможно будет остановить, поэтому проблема современного правосудия заключается не столько в обновлении системы, сколько в отсутствии у человека достаточного опыта для грамотного применения данных инноваций. Вспомнить даже 2020 г. – время вынужденной удаленной работы, заложником которой оказалось большинство организаций. Если в техническом плане переход прошел более-менее бесшовно, то знаний и навыков в сфере цифровых технологий у многих было недостаточно. Судебное производство замедлил процесс адаптации персонала к дистанционному формату работы, требовалось срочное обучение судей, прокуроров, адвокатов и т. д. Сейчас же, ссылаясь на результаты тестирования на платформе «Цифровой гражданин», можно отметить, что индекс цифровой грамотности населения нашей страны с 2018 по 2022 г. значительно возрос – на 19 %. Порадовали также итоги совещания судов за прошлый год, где Президент РФ Владимир Путин рассказал, что в 2022 г. отечественными судами было рассмотрено свыше 40 млн дел, что на миллион больше, чем годом ранее.

Данная проблема тесно связана с социально-демографическим различием. Например, регион проживания является одним из главных факторов, влияющих на цифровую грамотность его населения, наряду с возрастным контингентом или же уровнем дохода. Установлено, что цифровому разрыву подвержена группа лиц, имеющая низкий заработок, пожилые люди и граждане отдаленных районов, которые

сталкиваются с трудностями в регистрации, подаче документов в электронном формате или же участия на онлайн-заседании. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что не все граждане обладают навыками использования цифровых устройств и программ, что делает применение цифровых инструментов правосудия крайне неудобным или же и вовсе недоступным.

Таким образом, цифровизация правосудия предоставляет значительные преимущества, однако она имеет и свои несовершенства. Для успешной реализации проектов по цифровизации правосудия необходимы строгое соблюдение принципов безопасности, соблюдение прав граждан, обучение персонала и разработка эффективной стратегии, которая бы учитывала разнообразные аспекты этого процесса.

Активная трансформация правосудия в цифровую форму происходит не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Подача заявлений в суд в электронной форме, размещение в открытом доступе информации по рассматриваемому делу, а также размещение вынесенного судом решения, использование в процессе доказывания электронных доказательств – вот основные направления деятельности судов в мире на сегодняшний день.

В рамках исследования существующих механизмов цифровизации правосудия представляет интерес опыт Китая и Сингапура.

На данный момент на территории Китая действует около трех онлайн-судов, из которых первый начал свою работу в 2017 г. в городе Гуанчжоу. После того как председатель Верховного народного суда КНР Чжоу Цян призвал использовать технологии для повышения «справедливости, эффективности и авторитета» судов, было решено, что перед вынесением решения по какому-либо делу судья должен провести консультацию с системой «умных судов», использующих такую технологическую инновацию, как искусственный интеллект, а в случае сомнения или несогласия с рекомендацией данной системы он обязан аргументировать свою позицию в письменном объяснении. Система «умных судов» автоматически составляет судье список ссылок на актуальные законы и постановления, черновики юридических документов, исправляет неточности в документах. При помощи ИИ в сутки читается и анализируется больше 100 тысяч дел, при этом система делает акцент на возможных нарушениях, в том

числе злоупотреблении служебным положением и коррупции. Данная модификация сократила судебную нагрузку и сэкономила 1,7 миллиарда рабочих часов китайским жителям с 2019 по 2021 г., а также около 300 миллиардов юаней.

Наиболее развитой является электронная система в судах Сингапура. В сингапурских судах с 1997 г. применяется программа подачи и вручения документов в судебном процессе. Сначала эта система применялась в добровольном порядке, впоследствии она стала обязательной для всех гражданских дел. В 2011 г. была внедрена интегрированная электронная система для управления всеми документами и оптимизации документооборота в суде. Любой электронный документ, поступивший в суд, проверяется на соответствие требованиям процессуального законодательства, а затем отправляется на обработку и приобщается к нужному делу. Весь процесс автоматизирован, что позволяет говорить о ведении электронного дела в суде. Это значительно экономит время на рассмотрение документа и рабочее время сотрудников аппарата суда. Хранятся все документы также в электронном виде, бумажных архивов в Сингапуре нет. Следует отметить, что доступ к этой системе дается только после регистрации, приобретения необходимого оборудования и соответствующего программного обеспечения (при регистрации выдается смарт-карта с цифровым сертификатом).

Как видно из выделенных элементов «электронного правосудия», их отличительной чертой является именно использование информационно-коммуникационных технологий при рассмотрении дел в суде и закреплении юридически значимой информации в электронной форме. Анализ отечественной и зарубежной практики внедрения информационных технологий в судопроизводстве в полной мере показал важность таких процессов. Мы не раз упоминали об эффективности электронного производства, его экономичности и эргономичности. Говорилось и об удобстве доступа к важным процессуальным документам, простоте доступа в зал судебных заседаний посредством видеосвязи. Наша страна во многом переняла опыт зарубежных коллег в сфере электронного правосудия, однако четко оно не отлажено, встречаются пробелы, причем нередко. Это в первую очередь касается судов общей юрисдикции и мировых судов. Опыт внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность арбитражных судов гораздо более эффективен.

Подведем итоги. Цифровизация правосудия в настоящее время открывает новые горизонты для системы судов, ускоряет процесс судебных разбирательств, улучшает доступность и удобство для граждан, сокращает бюрократическую нагрузку на суды. Однако не будем забывать, что качество правосудия определяется в большей мере человеческим фактором, а не исключительно техническими возможностями, например искусственного интеллекта, который не обладает такими свойствами подлинного, человеческого интеллекта, как осознание и понимание правовых явлений, а поэтому заметить человека в судейском кресле невозможно.

Список библиографических ссылок

1. Колга О. В., Калашникова Е. Б. «Цифровое» направление развития правосудия в России // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. № 11 (15). С. 51–57.

2. Бурдина Е. В. Цифровизация судов и справедливость судебного разбирательства: в поисках баланса // Технологии XXI века в юриспруденции: матер. Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 21 мая 2021 г.; отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. С. 253–260.

3. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021). URL: sudact.ru (дата обращения: 10.10.2023).

4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федер. закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

2. Приходько, С. О. Цифровизация судебной системы / С. О. Приходько, Е. Б. Калашникова // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего : сб. тр. конф. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

3. Шереметьева, Н. В. Особенности электронного правосудия в КНР / Н. В. Шереметьева, И. В. Батуро, У. Шуан // Право и практика. – 2020. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 09.10.2023).

4. Карасев, А. Т. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 09.10.2023).

© Юрина А. П., 2024

История развития публичного и частного права в России

Развитие правового государства, гражданского общества невозможно без изучения самого понятия права. Право – это общеобязательные правила или нормы, которые охраняются государством [1, с. 35].

Активное развитие рыночной экономики определяет деление права на частное и публичное. Частное право занимает важное место в системе права, оно состоит из отраслей гражданского, предпринимательского, семейного, трудового, торгового, банковского, международного частного права и др.

Нормы, которые обеспечивают публичные интересы, то есть интересы общества и государства, – это отрасли публичного права. Все остальные отрасли, относящиеся к защите частных интересов граждан, формируют отрасли частного права.

Являясь сводом юридических норм, частное право регулирует отношения частных лиц, их имущественные и личные неимущественные отношения. Отсюда вытекает, что предметом регулирования частного права является сфера частной собственности, свободных договорных отношений, свободного перемещения товаров, услуг, финансовых средств. Начало таких отношений было заложено еще в Русской Правде. В России частная и публичная собственность прошли огромный путь развития. Имея приоритетное значение до 1917 г., частная собственность уступила место публичной после Октябрьской революции и вновь приобрела значимость уже в современной России [2, с. 451].

Можно выделить следующие этапы в развитии частного и публичного права в России [3, с. 468]: период X–XI вв., связанный с изданием Русской Правды; периоды княжеского (царского) законодательства, постановлений земских соборов, отраслевых распоряжений и соборных уложений; этап XVIII в, связанный с нормативным закреплением института уполномоченных, и этап развития права XIX в.

Дальнейшее развитие частного и публичного права в законодательстве России являлось противоречивым, но практически значимым. При всем этом остается неохваченным почти столетний период: с XIX в. до начала истории современного права в Российской Федерации.

Трансформация идей частного права в России наступила лишь с переходом страны на систему рыночной экономики в 90-е гг. XX в., когда, по сути, был осуществлен возврат к частноправовым ценностям, позаимствованным из системы международного права.

Выделяют несколько особенностей частного права:

- правоотношения, возникающие между физическими лицами с одной и другой стороны, когда стороны находятся в равном положении – юридически равны;
- преобладание диспозитивных правовых норм, когда **стороны** сами договариваются о взаимных правах и обязанностях;
- нарушение законов в частноправовой сфере позволяет пострадавшему через суд доказать свою правоту [4, с. 194].

Характеризуя частное право, можно сделать вывод, что это свободное волеизъявление, регулируемое двухсторонним договором с учетом равенства сторон, ориентированных на удовлетворение частных **интересов**.

Публичное право представляет собой совокупность юридических отраслей, направленных на регулирование отношений, связанных с публичными и общегосударственными интересами. Оно охватывает наиболее значимые области общественной жизни и категории норм, требующие особого контроля.

После революции 1917 г. концепция дуализма права начала изменяться и эволюционировать. Однако развитие этой концепции было заторможено в советском государстве, где право в основном имело публичный характер. В отличие от большинства других стран, где была принята римская имперская конструкция, в Советском Союзе такое разделение не использовалось [1, с. 104].

Вопросы соотношения частного и публичного права в советской России возникали, и некоторые ученые настаивали на том, что такое деление присуще любой правовой системе, в то время как другие отрицали его. Существовала также точка зрения, отрицающая данную классификацию в советской правовой системе. Несмотря на это,

в начале XX в. господствовали разделы публичного права, выражающие классовые интересы, хотя это не было официально признано.

Следующий этап развития деления права на частное и публичное охватывает период с последнего десятилетия XX в. по настоящее время. В современной правовой системе России признается дуализм права и особое внимание уделяется развитию частного права. Этот переход к данной модели был обусловлен значительными трансформациями в России и странах Европы в конце 1980 и начале 1990 гг., когда произошли разрушение тоталитарных основ государственности и последующие прогрессивные изменения в праве.

На сегодняшний день изменение частного и публичного права в России подразумевает адаптацию норм частного международного права к современному национальному законодательству страны. Одной из характерных особенностей является соответствие международным нормам юридических стандартов, разработанных российскими юристами с учетом особенностей традиций и обычаев, сложившихся на территории России.

Список библиографических ссылок

1. Гавриков В. П. Теория государства и права: учеб. и практикум для среднего профессионального образования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 461 с.

2. Седова А. В., Василькова Е. А. Общетеоретические проблемы истории развития частного права в России // Модернизация российского общества и образования: матер. XXIV национ. науч. конф. (с междунар. участием). Таганрог, 2023. С. 450–454.

3. Останкова Е. В. Частное и публичное право: соотношение и взаимодействие частного и публичного права в системе права России // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 6 (63). С. 468–472.

4. Мананкова Р. П. Основные тенденции развития науки частного права в современной России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 193–202.

© Яловенко Т. В., 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Андрющенко Татьяна Ивановна, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, к.ю.н. E-mail: tatyana-ashnina@yandex.ru.

2. Батурина Наталия Игоревна, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.

3. Белова Алена Владимировна, магистрант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: aliona.trotsenko@yandex.ru.

4. Белова Олеся Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н., доцент. E-mail: belova.oa@list.ru.

5. Ветрова Алена Романовна, слушатель 5 курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России. E-mail: avetrova2018@mail.ru.

6. Гарцева Юлия Юрьевна, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, к.ю.н. E-mail: yulya.gartseva@bk.ru.

7. Гончаров Александр Иванович, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., д.э.н., профессор. E-mail: goncharov@volsu.ru.

8. Дербишев Руслан Омарович, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. E-mail: rus_don@mail.ru.

9. Дербишева Ольга Александровна, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru.

10. Ермолаева Маргарита Игоревна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России. E-mail: solomanida@mail.ru.

11. Железняк Вероника Сергеевна, студент 2 курса магистратуры Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: soogmens@mail.ru.

12. Загуменная Алина Игоревна, аспирант 4 года обучения Донецкого государственного университета. E-mail: alin00.00@mail.ru

13. Загуменный Кирилл Ильич, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. E-mail: zagumennykirill@mail.ru.

14. Игнатова Каринэ Эдуардовна, старший преподаватель кафедры юриспруденции Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», к.ю.н.. E-mail: ignatova.ke@vgi.volsu.ru. ORCID 0000-0003-2953-3444.

15. Иловайский Игорь Борисович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н., доцент. E-mail: dominno@rambler.ru.

16. Кадимова Наргиз Ахвердиевна, ассистент кафедры юриспруденции Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет». E-mail: kadimova.na@vgi.volsu.ru. ORCID 0009-0000-1245-338X.

17. Кайль Янина Яковлевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н., доцент. E-mail: yanika@bk.ru.

18. Камышанский Владимир Павлович, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права, д.ю.н., профессор. E-mail: vpkam@rambler.ru.

19. Канцер Юрий Александрович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н. E-mail: yurikantser@mail.ru.

20. Коробов Олег Александрович, доцент кафедры юриспруденции Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», к.ю.н., доцент, адвокат, и. о. Председателя Совета Волгоградского регионального отделения (Председателя регионального отделения) общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». E-mail: info@meyer-law.ru.

21. Костюченко Николай Иванович, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, д.ю.н., доцент. E-mail: nikiv1948@gmail.com.

22. Котельников Николай Васильевич, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: kotelnikov2612@yandex.ru.

23. Красильникова Татьяна Константиновна, старший преподаватель Департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, к.ю.н., доцент. E-mail: kun_krasilnikova@mail.ru.

24. Кураев Даниил Денисович, магистрант 2 курса юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: curaev.daniil@yandex.ru.

25. Мелихов Александр Иванович, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., доцент. E-mail: M-13913@yadex.ru.

26. Меркулова Мария Александровна, магистрант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: mari.merkulova25@mail.ru.

27. Митьков Егор Александрович, магистрант 2 курса Волгоградского института бизнеса. E-mail: mitkov0406@mail.ru.

28. Митькова Юлия Сергеевна, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н. E-mail: romanovka297676133@rambler.ru.

29. Михайлов Михаил Яковлевич, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: biofmm@mail.com.

30. Мородумов Ринат Негаматуллаевич, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», к.ю.н., доцент. E-mail: morodumov@bk.ru.

31. Москаленко Дарья Александровна, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: darya2013lavrova@yandex.ru.

32. Мохов Александр Анатольевич, д.ю.н, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации. E-mail: mokhov_alexander@rambler.ru.

33. Мураев Петр Петрович, профессор кафедры огневой подготовки Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: petr.muraev@mail.ru.

34. Мураева Наталия Алексеевна, доцент кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии Волгоградского государственного медицинского университета, к.м.н., доцент. E-mail: nataliamuraewa@yandex.ru.

35. Новичихин Павел Геннадьевич, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, к.ю.н. E-mail: p_chih@mail.ru.

36. Острякова Татьяна Владимировна, магистрант 2 курса юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: tatyane_lv@mail.ru.

37. Панчишкина Мария Павловна, студент 2 курса магистратуры юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: festraliaa@yandex.ru.

38. Пенез Руслан Вячеславович, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. E-mail: rus.vyacheslavovich@bk.ru.

39. Подъяпольская Виолетта Анатольевна, студент 2 курса магистратуры Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: vita.podyapolskaya@mail.ru.

40. Пономарь Валерия Алексеевна, слушатель 4 «А» курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России. E-mail: ponomar.va02@bk.ru.

41. Попов Михаил Юрьевич, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: mik-yurevich1960@yandex.ru.

42. Потемкин Ярослав Александрович, студент 2 курса факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева». E-mail: morodumov@bk.ru.

43. Працко Геннадий Святославович, профессор Донского государственного технического университета, д.ю.н., д.ф.н., профессор. E-mail: nashum82@mail.ru.

44. Садков Андрей Николаевич, доцент кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, к.ю.н., доцент. E-mail: sadkov@volsu.ru. ORCID 0000-0002-6148-0576.

45. Садков Виталий Андреевич, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к.ю.н. E-mail: wrendek@mail.ru. ORCID 00000002-5171-7023.

46. Торяникова Ирина Витальевна, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: zuna25@mail.ru.

47. Туров Георг Сергеевич, магистрант 2 курса очной формы обучения Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: george.turov@mail.ru.

48. Усанова Виктория Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, к.ю.н. E-mail: grajd@vags.ru.

49. Фазлиева Лилия Канзеловна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: LKFaz@mail.ru.

50. Федосеев Петр Сергеевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: civilp@yandex.ru.

51. Филиппов Петр Мартынович, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: civilaw34@yandex.ru.

52. Цветков Сергей Борисович, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса», преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент. E-mail: tsvetkov1954@mail.ru.

53. Черемных Валерий Юрьевич, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России. E-mail: valeriy032@gmail.com.

54. Шинкаренко Александра Александровна, студент магистратуры юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: aleksandrashinkareko@mail.ru.

55. Шубенкова Ксения Владимировна, и. о. заведующей кафедрой юриспруденции Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», к.ю.н., доцент. E-mail: shubenkova34@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2985-298X.

56. Юдин И. Д., курсант Нижегородской академии МВД России. E-mail: yulya.gartseva@bk.ru.

57. Юрина Анна Павловна, курсант 3 курса ФПЭК и ОСП Волгоградской академии МВД России. E-mail: anya.yurina.0303@mail.ru.

58. Яловенко Татьяна Васильевна, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства, к.ю.н., доцент. E-mail: hodareva.1986@mail.ru.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 27 октября 2023 г.

ВЫПУСК 16

Редакторы: *Н. Ф. Руденко, О. С. Старовидченко*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 29.03.2024. Объем 1,3 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 4.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.